

Фонд «Либеральная миссия»

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

СОСТАВИТЕЛЬ М. БАРБАКАДЗЕ

Москва 2007

УДК [323/324+94](47+57)"196/199"
ББК 63.3(2)63
Ш51

Ш51 **Шестидесятники** / сост. М.Ш. Барбакадзе. — М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. — 208 с.

ISBN

Книга составлена по материалам состоявшейся в театре на Таганке встречи представителей разных поколений, посвященной пятидесятилетию XX съезда КПСС и появлению поколения шестидесятников.

Это всем известное и тем не менее все еще загадочное, противоречивое и непознанное явление до сих пор является предметом споров и дискуссий. Разброс мнений широчайший — от безусловной поддержки и безудержного восхваления до уничижительной и откровенной грубости, переходящей в площадную брань. Видимо, мы все еще находимся в переходном состоянии, раз не остыли страсти, полыхавшие во время революционных (а каких еще?) событий 90-х годов прошлого века, разделивших страну и общество на непримиримые лагеря. Взвешенная и объективная оценка должна, вероятно, прийти позже.

В книге представлены выступления участников дискуссии в фонде «Либеральная миссия», в театре на Таганке, а также фрагменты статей, обнаруженных во Всемирной паутине и посвященных так или иначе этой теме.

УДК [323/324+94](47+57)"196/199"
ББК 63.3(2)63

ISBN

© Фонд «Либеральная миссия», 2007

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е. Ясин.</i> Шестидесятники: ностальгия или актуальность?.....	5
Победа, поражение или забвение? Дискуссия в фонде «Либеральная миссия».....	14
<i>Е. Ясин.</i> Хотелось бы, чтобы что-то осталось.....	14
<i>И. Виноградов.</i> Шестидесятники родились в день XX съезда.....	16
<i>Л. Алексеева.</i> «Знаешь, почему я пошел в аспирантуру? Потому что я прокурором был».....	19
<i>М. Чудакова.</i> Три качества не даются в одном наборе — ум, партийность и порядочность	22
<i>Е. Сабуров.</i> Непоротое поколение.....	31
<i>М. Барбакадзе.</i> Самиздат был духовной пищей шестидесятников	34
<i>Ю. Левада.</i> Это было уникальное, историческое явление	37
<i>А. Кабаков.</i> Мы не дети шестидесятников, мы их младшие братья.....	41
<i>А. Гербер.</i> Шестидесятничество — это прежде всего состояние души	44
Встреча поколений в театре на Таганке.....	48
<i>Бойцы вспоминают минувшие дни .....</i>	<i>48</i>
<i>П. Вайль.</i> Шестидесятые разрушили большой стиль	48
<i>Ю. Любимов.</i> Я пытался сохранить этот театр	50
<i>В. Аксенов.</i> Это не простые герои. Эти ребята — шестидесятники	52
<i>Т. Заславская.</i> Эпоха тупика и эпоха надежды	55
<i>Г. Попов.</i> Что же нам все-таки помешало?	57
<i>Ю. Шмидт.</i> Ходорковский. Восьмой отряд.....	62
<i>М. Хуциев.</i> Газетный лист, изъеденный оспой	65
<i>М. Чудакова.</i> Убежденность у меня от отца	67
<i>Здравствуй, племя молодое .....</i>	<i>70</i>
<i>А. Рогинский.</i> Ненасилие, легальность и право	70
<i>А. Архангельский.</i> Нас ждет время культа безличности.....	72
<i>А. Аузан.</i> Наше поколение не научилось договариваться между собой.....	74
<i>Т. Малкина.</i> Серый цвет прекрасен	78
<i>В. Милов.</i> Нам нужны моральные лидеры	79
<i>А. Поминов.</i> Трава прорастет сквозь бетон	80
<i>Г. Шведов.</i> Давайте обратим внимание на других молодых.....	81
<i>И. Воробьева.</i> У нас другие страхи	83
<i>Р. Доброхотов.</i> Мы боремся с невежеством и безразличием нашего общества.....	84
<i>М. Барбакадзе.</i> Выбирай, что читать: Бунина с Бродским или Бабаевского с Безыменским.....	86

<i>Давайте говорить...</i>	86
<i>Н. Бельх.</i> В бой идут одни старики	86
<i>А. Симонов.</i> Мы слышим только себя	88
<i>В. Рыжков.</i> Добить гидру сталинизма!	90
<i>Л. Алексеева.</i> Это — для молодых	91
<i>Ю. Рубинский.</i> От Дубчека к Гавелу надо было сделать шаг.....	91
<i>А. Гербер.</i> Я и мы	92
<i>Д. Драгунский.</i> Не бывает хорошего Аятоллы Хомейни	93
<i>Е. Гусева.</i> Чему учить соседа.....	94
<i>Д. Катаев.</i> Главный наш противник — бюрократия	95
<i>В. Стародубровский.</i> Сейчас легче дышится	96
<i>И. Иртеньев.</i> Будем вместе вскапывать огород.....	97
Шестидесятники в зеркале Интернета	100
Приложение. «О культе личности и его последствиях». Доклад <i>Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н.С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза</i>	150

Ясин Е.Г.

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ: НОСТАЛЬГИЯ ИЛИ АКТУАЛЬНОСТЬ?

В начале лета 2005 года на круглом столе в «Либеральной миссии», посвященном П.Н. Милюкову, после дискуссии о судьбе либерализма в России, о его постоянных поражениях и столь же неизменном возрождении, Л.М. Алексеева, председатель Московской Хельсинкской группы, предложила вспомнить о шестидесятниках, которые, по ее и моему мнению, подхватили эстафету идей российского свободолюбия и свободомыслия во второй половине XX века, едва забрезжил рассвет после сталинской ночи. Она же предложила собрать людей этого поколения вместе, пока они живы, дать им возможность еще раз соприкоснуться плечами и обратиться к тем, кто подхватит эстафету в следующий раз.

Когда я стал обсуждать эту идею, оказалось, что мнения о шестидесятниках очень разнятся. Чаще всего говорили о том, что тема не актуальна, что шестидесятники были романтиками и идеалистами, оторванными от жизни. Они как-то оживляли советский пейзаж в период застоя, но после перестройки и реформ их история никому не интересна. Моя молодая сотрудница из того поколения, которое сегодня вроде должно подхватить эстафету, сказала: Евтушенко, Вознесенский, Ахмадулина не привлекают, они несовременны. Не то что Бродский и Гандлевский. Другие сказали: это люди, которые хотели социализма с человеческим лицом и рыночную экономику не восприняли. Все, что они отстаивали, умерло.

И тогда я понял, идея Алексеевой более чем актуальна, проект «Шестидесятники» стоит запустить. Мои заметки призваны дать старт дискуссии.

1. Кто такие шестидесятники

Я понял, что не знаю, кто такие шестидесятники. Шестидесятые запомнились скандалом в Манеже, когда Н.С. Хрущев учил жить художников, затем через пару лет его отставкой. Косыгинская экономическая реформа была явлением либеральным, но она затронула в основном экономистов и хозяйственников, которых вряд ли можно считать авангардом шестидесятников. Затем чехословацкие события 1968 года, после которых реформа была свернута и все гайки закручены почти до предела. Литература, да, в ней были яркие имена, но ведь и они появились чуть раньше.

Для меня (а я явно отношусь к числу людей, чьи взгляды определились в 50–60-х годах) все началось с XX съезда КПСС в 1956 году, с доклада

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

Н.С. Хрущева о культе Сталина. И то не совсем, потому что текущие публикации о съезде ни о чем не говорили, о самом же докладе, который был секретным, мы узнали много позже.

Какие-то неуловимые изменения в общественной атмосфере начались еще раньше. В 1953 году, сразу после смерти Сталина, в «Новом мире» появилась статья В. Померанцева «Об искренности в литературе».

«Неискренность, — писал Владимир Померанцев, — это не обязательно ложь. Неискренность — это и деланность вещи... История искусства и азы психологии вопиют против деланных романов и пьес». И дальше: «Писатели не только могут, а обязаны отбросить все приемы, приемчики, способы обхода противоречивых и трудных вопросов...» Настоящий писатель никогда не станет «заглушать проблематику», «искренность... должна быть мужественной. Не писать, пока не накалился; не думать о прокурорах...» (Цитирую по книге Григория Свирского «На лобном месте. Литература нравственного сопротивления (1946–1976 гг.). Лондон, 1979. Серия «Новая литературная библиотека».)

Такого в советских журналах до этого не писали никогда...

В 1954 году опубликовали повесть И. Эренбурга «Оттепель», давшую имя целой эпохе. А осенью 1956 года в Областной библиотеке Одессы, где я тогда жил, провели дискуссию по роману В. Дудинцева «Не хлебом единым». Личный перелом в моем сознании произошел именно в тот вечер. Не только потому, что мне (22-летнему юноше) книга безумно понравилась, но более всего потому, что я услышал искренние выступления многих людей, которые почувствовали дыхание свободы и хотели дышать свободно, они хотели жить без страха и не по лжи. В прессе уже давно шла дискуссия по поводу романа, уже была дана команда сворачивать ее и принижать автора. Поэтому критики стали говорить о низких художественных достоинствах книги. Я запомнил слова К. Паустовского, моего любимого писателя и мастера художественной прозы высшей пробы, который сказал по поводу этой критики: «То, что автор хотел сказать читателю, он сказал, и читатель понял и почувствовал сказанное. А это и есть для писателя высшая оценка».

Помню в этой книге бессмертный образ Вади Невраева, образцового чиновника, бескорыстного друга людей, к которым благосклонно начальство, немедленно меняющего симпатию на безразличие и враждебность, когда настроение начальства изменялось. Он и сегодня жив и, думаю, даже больше благоденствует.

Я полагаю, многие люди моего поколения в то же время пережили чувство внутреннего раскрепощения, они захотели свободы и оказались готовы что-то сделать, чтобы она была. Не только для себя, но и для своих сограждан. И в шестидесятые годы многие из них что-то для этого сделали. Они, наверное, и есть шестидесятники.

2. Эмоционально-нравственный дух

Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина — я помню их выступления на сборищах у памятника Маяковскому (Здесь Е.Г. Ясин допустил неточность: перечисленные выше были уже как бы полупризнанными и выступали в Политехническом музее; на Маяковке, в просторечье Маяке, выступали Леонид Губанов, Владимир Алейников, Владимир Батшев, Юрий Кублановский и другие непризнанные поэты. — *Прим. сост.*). Александр Галич, Булат Окуджава, Владимир Высоцкий, Юрий Визбор — барды первого поколения — это другой ряд. Даниил Гранин, Василий Аксенов — молодые прозаики послесталинской эпохи. Александр Солженицын, которого мы узнали благодаря Твардовскому. Михаил Калатозов, Павел Чухрай, Эльдар Рязанов, Марлен Хуциев, Андрей Тарковский — в кино; Олег Ефремов, Юрий Любимов, Марк Захаров в театре; Алексей Аджубей, создавший новые «Известия», Егор Яковлев, Лен Карпинский, Отто Лацис — журналисты. Это те, кого я считаю шестидесятниками, хотя многие из них проявились и раньше. Но это мое восприятие.

Обратите внимание — все это поэты, писатели, режиссеры. И они находили отклик у общественности, их имена были на слуху. Думаю, что это не случайно. Ибо первая реакция на «оттепель», на возможность свободы была эмоциональная, порой иррациональная и в то же время вербальная — характерный для России, литературный вначале, опыт осмысления новой реальности.

Что еще важно — это отрицание сталинизма как самой жестокой формы тоталитаризма с нравственных, гуманистических позиций. Насилие над человеком, лишение свободы, ограничение возможностей самореализации личности — плохо, потому что аморально. Даже если не говорить о вреде для общества, для экономики. Никакими высокими целями нельзя это оправдать — я так воспринимаю основной лейтмотив этого идейного движения, который и обусловил первенство в нем литературы, кино, театра. Вопреки Б. Слуцкому, лирики оказались в почете.

Разумеется, были и многие другие: Михаил Горбачев, Александр Яковлев, Борис Ельцин, Андрей Сахаров, Гавриил Попов, Юрий Афанасьев, Анатолий Собчак — это те, кто потом начал новую эру российской истории. Все они — шестидесятники.

3. Кто опрокинул тоталитаризм?

Они очень разные. Я полагаю неверным утверждение, что шестидесятники — все сторонники социализма с человеческим лицом и что их время кончилось самое позднее с перестройкой.

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

Я бы выделил в их числе следующие слои, которые играли разную роль на разных этапах нашей истории с конца 50-х до 90-х годов:

- художественная интеллигенция (о ней я уже писал);
- часть партийной, советской и хозяйственной номенклатуры, понявшей неизбежность перемен, их либеральную и демократическую направленность;
- диссиденты — открытая оппозиция режиму, удалявшиеся либо за границу, либо в зону. Вспомним «великолепную семерку»: Наталья Горбаневская, Лариса Богораз, Павел Литвинов, Вадим Делоне, Константин Бабицкий, Виктор Файнберг, Владимир Дремлюга — эти люди вышли на Красную площадь в августе 1968 года, Московскую Хельсинкскую группу, авторов «Хроники текущих событий», других правозащитников;
- часть умеренной интеллигенции, мыслящие рабочие, не выступавшие открыто, не видевшие возможности как-то влиять на события, но собиравшиеся на кухнях, читавшие и распространявшие самиздат, ожидавшие своего времени. Это они вышли на миллионные демонстрации в Москве в 1990 году, выбрали Ельцина. А до этого уходили в сторожа, грузчики, истопники, чтобы не мараться, жить по совести, образуя внутреннюю эмиграцию.

Если всех собрать, то поймем — именно они были основной силой, опрокинувшей коммунистический тоталитаризм. А дальше пути разошлись.

4. Основные идейные течения в России

С первой половины XIX века — это национализм (имперский или этнический), социализм (народничество, марксизм) и либерализм (западничество). Соотношение между ними постоянно менялось, и власти комбинировали их аргументы в политике. Самодержавие (исключая Александра II) обычно опиралось на умеренный имперский национализм, используя при нужде либеральных чиновников. Либералы и социалисты находились в оппозиции. Накануне Первой мировой войны были серьезные шансы двигаться по пути либеральной демократии с конституционной монархией, но война этот путь закрыла. В итоге монархия пала, победил социализм в его максималистской, коммунистической форме. Когда он вошел в фазу упадка, либералы и националисты вместе боролись с режимом в оппозиции. Шестидесятниками были и те и другие, вместе с гуманными социалистами. Собственно, демократизация режима, а затем его крах положили конец коалиции. Андрей Сахаров не мог больше дружить с Игорем Шафаревичем.

Короткое время, где-то семь лет (1992–1998 годы) на политику существенное влияние оказывали либералы. Но трудности реформ, тяжелый кризис, за который им пришлось нести ответственность, несправедливое, по мнению большинства, распределение государственной собственности нанесли урон

их репутации. Путин проводит политику, соединяющую, во всяком случае на словах, либеральные реформы в экономике и укрепление государства. Последнее направление преобладает все больше, и, как заведено на Руси, государственный патриотизм оказывается просто более пристойным названием национализма, пропитанного к тому же имперскими амбициями.

5. Влияние рыночных реформ

Рыночные реформы, экономическая свобода при ослаблении государства, неизбежном в период революционных перемен, привели к колоссальным изменениям в общественном сознании. *Маркетизация и коммерциализация* всех сторон жизни нанесли урон укорененным ранее нравственным устоям. Каждый оказался перед дилеммой — *обогащаться или выживать*. Те моральные критерии, которые лежали в основе шестидесятничества, оказались под сомнением. Люди, напоминавшие о них, представлялись смешными.

Эстетические ценности также изменились, они ныне не призваны воспитывать. Произошло разделение поп-культуры и элитарного искусства, блокбастеров и «кино не для всех». На Западе это было давно, и культура все время приводилась в равновесие, а для нас оказалось чем-то вроде культурного цунами. «Самая читающая в мире нация» забыла Пушкина и Толстого, она теперь читает только детективы и смотрит сериалы.

Это означает, между прочим, что проповедь нравственности — свободы и справедливости — на какое-то время потеряла спрос. А ведь, я думаю, именно эта проповедь объединяла шестидесятников и привлекала к ним людей. Да, и сегодня люди любят Высоцкого и поют: «Пусть впереди большие перемены — / Я это никогда не полюблю!» Но признанных бардов масштабов Высоцкого или Окуджавы что-то пока нет. Может быть, поэтому и неинтересны сегодня шестидесятники, которые кажутся безвозвратно устаревшими, несовременными. Моральные проповеди, обращение к душе человеческой — этим пусть теперь занимается церковь, благо ей нынче и власть благоволит.

Какую же эстафету должны передавать шестидесятники, кому передавать и от кого?

6. Нравственные нормы — основа социальной ткани

Я не хочу выглядеть беспочвенным оптимистом, хотя по характеру именно таким, наверное, и являюсь. Но чтобы мои заметки не вызвали подобного впечатления, я приведу аргументы, по-моему, достаточно весомые, в доказательство того, что идеалы, вдохновлявшие в свое время шестидесятников, а до этого еще многие

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

поколения борцов за свободу, справедливость и честь в России и других странах, вновь обретут ценность в нашей стране. И притом очень скоро, можно сказать — уже обрели. И чем сильнее определенные люди держатся за власть и чем сильнее у них или других, тоже непростых людей, жажда денег, чем сильнее у них у всех желание затыкать другим рты, глаза и уши, чтобы не знали, не видели, не слышали об их неблагоприятных деяниях, тем ближе изменения. И тем больше нужда в тех, кто говорит вслух то, что им не нравится, кто не боится этих ребят.

Нравится нам или не нравится, но любое реальное общество устроено так, что большую часть времени наиболее могущественными силами в нем являются власть и богатство. Богатство, по меньшей мере, позволяет наслаждаться всеми благами жизни, но оно же может открывать доступ к власти. Власть, в конечном счете, состоит в праве применения насилия от имени государства, которое прежде всего имеет монополию на право насилия в интересах общества, на основе закона. Большую часть истории власть приносила и богатство. Люди, осуществляющие власть, если они не подвергаются контролю со стороны общества и/или не обременены нормами морали и долга, поддержанию которых этот контроль способствует, очень часто злоупотребляют властью в личных или групповых интересах и во вред интересам остальных членов общества.

Эти остальные члены общества — еще один компонент общественного треугольника сил. Большую часть времени они малодейтельны вследствие своей пассивности, плохой информированности, отсутствия интереса к общественным делам. Поэтому они становятся объектом эксплуатации и злоупотреблений, утрачивают свою социальную субъектность. Но если власть и богатство оказываются уж очень наглыми, если они уж совсем держат своих сограждан за быдло, за терпеливых дураков, которых легко обвести вокруг пальца или запугать, тогда в среде этих объектов манипулирования начинает копиться недовольство и гнев. Если они не получают выхода, дело кончается бунтом, революцией. Обычно это связано с разрушением, обнищанием. Люди, бывшие при власти и с богатствами, всего этого лишаются и на их место приходят другие, которые смогли организовать энергию недовольства масс. И, если нет общепризнанных правил игры, например демократических, все начинается сначала: появляются новые богатеи, власть имущие начинают ею злоупотреблять. Получается дурная бесконечность.

Чтобы прервать ее, необходимо установить и поддерживать определенный порядок, те самые правила, которые оказываются выгодны всем. Они обязательно демократические, демократии в современном смысле всего 300 лет отроду. Но среди них обязательны нормы морали и чести, поддерживающие их мифы и ритуалы, которые налагают ограничения на определенные действия людей по отношению друг к другу либо определяют должный способ поведения. Смысл всех религий мира, их основная роль в обществе состоит в том, что они, каждая по-своему, формируют и поддерживают неформальные институты, сдерживающие антиобщественное поведение, необузданные страсти,

жадность, зависть, властолюбие. Хотя, конечно, их служители тоже люди и бывают подвержены тем же порокам, но все же обычно они свою социальную миссию исполняют. Кроме религиозных, существуют и иные формы осуществления тех же функций, которые иногда заменяют, а большей частью дополняют механизмы социальной регуляции, формируемые религиозными течениями. Верховенство закона, разделение властей, независимый суд, свобода слова, свободные демократические выборы претендентов на общественные должности, связанные с отправлением власти, экономическая и политическая конкуренция — вот далеко не полный список современных методов поддержания стабильности и доверия в обществе. Добавлю сюда образование и искусство, способные прививать нормы морали, воспитывать, а не только развлекать и возбуждать эмоции.

Если все подобные механизмы отсутствуют или ослабевают до той степени, когда оказываются неспособны регулировать поведение членов общества, когда они не в состоянии заставить богатых и власть имущих держаться в определенных рамках при выполнении своих, тоже необходимых социальных функций, — такое общество рано или поздно приходит в упадок, распадается и умирает. Либо находит в себе силы восстановить основу социальной ткани, того, что ещё называют социальным капиталом.

Преимущество в развитии получают те страны, те нации, те культуры, у которых социальная ткань сочетает прочность с эластичностью, надежность социального контроля с продуктивностью ценностей и свободой личности, мотивирующей творческую активность. Может быть и так, что эта социальная ткань, образуемая традиционными нормами, отличается относительно низким качеством, неадаптивностью к изменившимся условиям, например по критериям поддержки экономического развития, создавая известные препятствия на его пути. Тогда она тоже оказывается фактором нарушения социального равновесия. В других же случаях она обеспечивает культурную преемственность, национальную идентичность, амортизирует возможные напряжения. Но одно ясно: она должна быть. Без необходимого минимума общественных норм морали, порядочности, чести, справедливости, даже при сильной власти и больших богатствах, общество невозможно. Впрочем, без них власть и богатство тоже лишаются ценности, общество превращается либо в тюрьму, либо в джунгли, где царит право сильного. А это уже не общество.

7. Свобода и честь снова войдут в моду

Вернемся снова в современный российский контекст. Коммунизм произвел в стране колоссальную ломку нравственных устоев. Попытка реализовать утопию привела к тяжелым деформациям всех социальных институтов. Чего

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

стоит одно только стремление унижить и уничтожить религию, поставив на ее место «Моральный кодекс строителя коммунизма». Но все-таки что-то осталось, что-то возникло, об этом, собственно, свидетельствует само движение шестидесятников.

Однако низвержение тоталитарного режима снова вывело на сцену капитал, класс предпринимателей как носителей богатства. Они должны были стать собственниками, чтобы обеспечить более эффективное управление ресурсами общества по сравнению с советскими бюрократами. Такова была их социальная функция, но поначалу она стала исполняться с моральными потерями: иначе как обогащаться, как устранять конкурентов? А норм, регулирующих заново возникающие отношения, просто не было. Чтобы вводить ограничения, должен возникнуть предмет ограничений. При этом имели место перекосы. Появились олигархи, нувориши. Богатство, порой бессовестно захваченное, получило на время перевес над властью, которая у нас большую часть истории доминировала над всем.

Затем начался реванш власти, бюрократии, который происходит с 2003 года и еще, видимо, не завершен. И при этом тоже нарушаются все законы, юридические и нравственные. Идет передел собственности, свертываются демократические каналы обратной связи. А народ все это наблюдает, теряя всякое уважение и к бизнесу, и к власти, наливаясь гневом, который наконец выплеснулся первый раз с началом монетизации льгот.

Президент Путин, одна из главных задач которого состояла в политической стабилизации общества, перекрутил гайки и довел до того, что началась определенная дестабилизация, инициированная отнюдь не оппозицией, не олигархами, не внешними врагами, а самой властью. В итоге при исключительно благоприятной конъюнктуре стали падать темпы роста экономики, начала расти инфляция. Бизнес, подвергаемый возрастающему давлению, теряет доверие к власти и снижает деловую активность.

Эти две силы — новый для России бизнес и старая по сути, бюрократическая власть никак не придут к равновесию, если народ не напомнит им о необходимости соблюдать приличия.

Действительно, время трансформационного кризиса стало временем, когда многие традиционные ценности упали в цене, когда хорошим тоном, современным стилем стали считаться утилитарный прагматизм, недоверие и подозрительность, цинизм. Идеалисты и романтики — это неудачники, всегда проигрывающие на празднике жизни. Не считаться с правами других, думать только о себе. Недавно нам президент напомнил слова О'Генри: «Боливар не вынесет двоих!» Нельзя не видеть этого. Но, мне кажется, надо понимать, что это в чем-то порожденная объективными обстоятельствами идеология поддержки и оправдания нравов периода «дикого капитализма». Этот период закончился. Закончится и пришедший ему на смену период го-

сударственного бюрократического произвола. Он уже порождает негативную реакцию общества, которая будет набирать силу. Молодежь, чьи сердца по природе своей для чести живы, выдвигает уже лидеров, готовых идти на борьбу за свободу, справедливость и честь. Это нужно нашему обществу, это войдет в моду. Но это значит, что идеи шестидесятников, именно их нравственную направленность есть кому передать. Надо только напомнить обществу о том достоинстве его, которое связано с жизнью и духовным наследием этих людей. Время пришло.

ПОБЕДА, ПОРАЖЕНИЕ ИЛИ ЗАБВЕНИЕ? ДИСКУССИЯ В ФОНДЕ «ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ»

Когда люди произносят слово «шестидесятники», какой смысл они вкладывают в него? Думают ли они о XX съезде, об «оттепели», о вечном российском стремлении к свободе и справедливости? О росте национального самосознания или о движении за социализм с человеческим лицом? Если шестидесятничество — это политическое движение за гражданские права, то какова роль шестидесятников в крахе тоталитарного режима? В конечном счете, победили они или проиграли? И в чем состоит их послание следующим поколениям: в нравственном призыве, в уважении чести и достоинства человека или в чем-то еще?»¹

Евгений Ясин, президент фонда «Либеральная миссия»

Ясин Евгений Григорьевич, экономист, публицист, общественный и государственный деятель. Родился в 1934 г. В 1957 г. окончил Одесский Гидротехнический институт, а в 1963 г. — экономический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. В 1968 г. защитил кандидатскую диссертацию. С 1976 г. доктор экономических наук, с 1979 г. профессор.

Трудовую деятельность начал в 1957 г. мастером в Мостопоезде № 478 треста Мостостроя № 3 Минтрансстроя СССР, в 1958–1960 гг. — инженер Проектного института № 3 Госстроя УССР. После окончания учебы в МГУ с 1964 по 1973 г. работал в НИИ ЦСУ заведующим отделом, затем заведующим лабораторией.

С 1973 по 1989 г. — заведующий лабораторией Центрального экономико-математического института Академии наук СССР.

В 1989 г. стал заведующим отделом Государственной комиссии по экономической реформе при Совете Министров СССР.

В 1991 г. перешел в Научно-промышленный союз СССР — ныне Российский союз промышленников и предпринимателей (работодателей) — генеральным директором Дирекции по экономической политике. В ноябре 1991 г. создал Экспертный институт.

С января 1992 г. совмещал работу директора Экспертного института РСПП с обязанностями полномочного представителя Правительства России в Верховном Совете Российской Федерации.

В 1993 г. был назначен руководителем рабочей группы при Председателе Правительства Российской Федерации, принимал активное участие в разработке экономических программ.

В апреле 1994 г. возглавил Аналитический центр при Президенте Российской Федерации.

В ноябре 1994 г. был назначен министром экономики Российской Федерации. В апреле 1997 г. — министром Российской Федерации.

С октября 1998 г. по настоящее время — научный руководитель Государственного университета — Высшей школы экономики, директор Экспертного института.

С февраля 2000 г. возглавляет фонд «Либеральная миссия».

¹ Дискуссия состоялась в 2006 г.

Хотелось бы, чтобы что-то осталось...

Первого марта 2006 года в театре на Таганке состоится встреча разных поколений, посвященная шестидесятикам. Это будет своего рода представление, я бы даже сказал шоу, в котором должны встретиться люди разных возрастов, профессий, взглядов. После выступлений и дискуссии — спектакль «Владимир Высоцкий». Уже согласились выступить Василий Аксенов, Юрий Любимов, кого еще пригласим — я не знаю. С одной стороны, хочется пригласить, таких людей, как Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Б. Ахмадулина, а с другой — я побаиваюсь. Да, они и есть настоящие шестидесятники, стоявшие у истоков, но их неловко было бы остановить, а времени хватает только на ограниченное число ораторов.

Мне хочется, чтобы от этой встречи остались следы в виде зафиксированных мыслей, в виде смыслов, поэтому я и попросил вас сегодня прийти, чтобы мы подготовились именно с этой смысловой точки зрения, поговорили о том, что это было за явление и что можно взять из того времени, с каким посланием наше поколение может обратиться к следующим поколениям.

Вчера я был на записи программы «Тем временем» у А. Архангельского на эту же тему. Что самое интересное, в эфир она выйдет буквально за два дня до нашего мероприятия. Кто там был? Были Александр Проханов, Юрий Кублановский, Владимир Хлебников — это те люди, которые вместе со мной сидели за столом. А в зале были еще Дмитрий Быков, Юрий Богомолов и Чашин, который, по-моему, заведует секцией религиозной литературы в «Медиа-союзе». Главные мысли были следующие: шестидесятники — это сторонники социализма с человеческим лицом, время их прошло, они очень поверхностны, они ничего не оставили такого, что можно было бы понести дальше. Другая позиция была А. Проханова: это была волна отказа от сталинизма, ухода от сталинизма, в этом все были едины, но в дальнейшем разошлись в разные стороны, там были и Солженицын, и Сахаров и т.д.

Алла Гербер:

Но это правда.

Евгений Ясин:

Потому-то я считаю, что в этом движении разные люди были: и либералы, и консерваторы, и коммунисты, и диссиденты, и националисты, и другие, просто жизнь потом всех развела в разные стороны, но сначала что-то их объединяло.

Людмила Алексеева:

Вы хорошо написали, что они легче друг с другом находят общий язык, чем с либералами нового поколения.

Евгений Ясин:

Итак, давайте попробуем сегодня очертить некое смысловое пространство, над которым затем необходимо поработать, и это станет как бы прологом. По-

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

тому что если не зафиксировать сегодняшние выступления, то к 1 марта ничего может не остаться, кроме настроения, а настроение — это, знаете ли, такой невоспроизводимый дух. Мы, конечно, стремимся создать это настроение, но в то же время его надо закрепить: хотелось бы, чтобы что-то осталось...

Игорь Виноградов, главный редактор журнала «Континент»

Виноградов Игорь Иванович, литературовед, литературный критик. Родился в 1930 г. в Ленинграде. В 1953 г. окончил филологический факультет Московского государственного университета. В 1958 г. издал первую литературно-критическую книгу «Проблемы содержания и формы литературного произведения». В 60-е гг. начал работать в отделе критики журнала «Новый мир», возглавляемого А.Т. Твардовским, приобрел репутацию объективного и бескомпромиссного литературного критика демократического направления. Ушел из «Нового мира» в 1968 г., после снятия Твардовского.

Подобно многим представителям поколения шестидесятников, в 70-е гг. Виноградов не принимал участия в официальной общественной жизни. Писал рецензии и статьи, занимался исследованиями в сфере русской религиозной философии, читал лекции в Литературном институте им. А.М. Горького, вел творческий семинар по критике. Виноградова-литературоведа интересовали религиозно-философские аспекты мировоззрения Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, творчеству которых посвящены многие его статьи.

С 1985 г., с началом перестройки, Виноградов активно участвовал в работе писательской организации. После раскола Союза писателей СССР он стал одним из организаторов Союза писателей Москвы, вошел в его правление.

Много работает за границей, читает лекции по литературе и философии в Швейцарии, Италии, Франции. В 1992 г. принял от В. Максимова руководство журналом «Континент». Виноградову удалось сохранить журнал во времена экономической нестабильности как серьезное издание, исследующее проблемы литературы, философии и религии.

Автор множества книг и статей по истории русской мысли, культуре: «По живому следу. Духовные искания русской классики», «Искусство. Истина. Реализм», «Духовные искания русской литературы» и др.

Член СП, Европейской Академии.

Шестидесятники родились в день XX съезда

Должен сказать, что понятию «шестидесятники» трудно дать определение, настолько это понятие широкое. Шестидесятниками можно называть и того же А. Проханова, и людей, входивших в круг притяжения «Нового мира». К шестидесятникам, несомненно, относился С. Аверинцев. При том, что его дальнейшая эволюция была нетипичной для основной массы шестидесятников: он никогда бы не стал участником съездов народных депутатов, если бы не был человеком, воспитанным в это время. Это было время обновления (в этом смысле А. Проханов совершенно прав), это была первая и главная попытка освобождения. Поэтому вряд ли можно сказать, что главным в шестидесятничестве было движение за гражданские права, хотя и это было. Едва ли можно сказать, что в шестидесятничестве было главным пробуждение национального самосознания, хотя и этот вариант был. Если говорить о том, в какие рамки укладывается

большая часть этого поколения, — это все-таки «социализм с человеческим лицом». Это, мне кажется, наиболее емкое, наиболее правильное определение, связанное с политическим мышлением этих людей. Правда, у шестидесятников не было политической программы, но в 60-е годы уже была поднята проблема рыночной экономики. В том же «Новом мире» она поднималась и Ю. Черниченко, и Г. Лисичкиным. Помню, я писал именно об этом на примере анализа очерков В. Овечкина. Было ощущение, что можно реформировать то, что есть.

Но шестидесятничество включало в себя очень разные слои. Творческая, гуманитарная интеллигенция была достаточно радикально, революционно настроена. При всем том, что она позиционировала себя в рамках «социализма с человеческим лицом», она не питала каких-либо иллюзий в отношении власти. Достаточно много людей понимали, что получили исторический шанс — как можно больше сказать и сделать. Они видели свою миссию в том, чтобы расшатывать систему снизу.

В то же время существовал и целый слой советских партийных работников, официальных журналистов, например в газете «Известия», которые надеялись что-то сделать, находясь внутри системы. В основном это касалось реформ, относящихся к человеку, под лозунгом «больше свободы, больше инициативы, больше демократии».

Часть шестидесятников долгие годы, вплоть до перестройки (а то и позже) продолжали оставаться на позициях марксизма. Другие перешли к тому, что можно назвать идеалистическим мировоззрением, и это тоже шестидесятники.

Думаю, что пробуждение началось раньше XX съезда. Я помню это по своему опыту — я был тогда аспирантом, верующим молодым коммунистом, комсомольцем, и я испытал глубокое потрясение. Мне стало понятно, что это, в общем, какая-то лажа, как говорит сегодня молодежь. Я целый год изучал протоколы съездов. Внимательно, от слова до слова. Где-то через год я понял, что это никакой не социализм, а тоталитаризм в его худшем варианте. Я помню, что, когда проходил XX Съезд, мы у меня на квартире праздновали день рождения одного из ныне еще живых шестидесятников, Юры Юрикова. И вот прибежал прямо со съезда наш товарищ Леша Мысягин, секретарь факультета журналистики, и рассказал о том, что произошло. Помню, очень многие из нас тогда считали, что это политическая игра Хрущева. Веры в то, что будет действительно большая перемена, у многих не было, а вот понимание того, что в этот «зазор» нужно будет постараться успеть сделать все что можно, было. Так что и с точки зрения временных рамок понятие шестидесятничество очень широко. Хотя можно сказать и так: шестидесятники родились в день XX съезда.

Теперь что касается поражения и победы. У Пастернака есть строки: «Другие по живому следу / Пройдут твой путь за пядью пядь. / Но поражения от победы / Ты сам не должен отличать». Это очень мудрая мысль. Я бы сказал так:

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

одновременно и поражение, и победа. Поражение прежде всего в том смысле, что идеалы шестидесятничества оказались неосуществимы.

Без шестидесятничества не было бы застоя, который был реакцией на «оттепель». Но не было бы и перестройки — она, можно сказать, выросла на идеях шестидесятников. Я в свое время написал апологию Михаила Горбачева как последнего генерального секретаря, потому что парадокс М. Горбачева как явления политического заключался именно в том, что этот человек пытался спасти систему (он был тоже «социалист с человеческим лицом») при помощи средств, которые ее разрушили.

Но то, что разрушение произошло, — реальный факт. Думаю, что шестидесятники способствовали падению тоталитаризма. Что можно взять у них сейчас? Отрицательный опыт, а самое главное, тот нравственный заряд, который был присущ этим людям. Одни из них рисковали, шли на большие жертвы ради своих идеалов, другие оставались в легальных рамках, но все действовали бескорыстно, не ради личного успеха или будущей славы. Своим бескорытием шестидесятники спасли честь русской интеллигенции, так же как наши зарубежные издания спасли в годы застоя, в годы тоталитаризма честь русской культуры.

Шестидесятники оставили большую литературу. Просто сравните ее по масштабу и проблематике с тем, что делается сейчас. Да, стихи стали гораздо более изощренными и профессиональными, но в духовном плане нынешнюю литературу и близко нельзя поставить рядом с тем, что было сделано в те годы.

Евгений Ясин:

Значит, вы считаете Горбачева шестидесятником?

Игорь Виноградов:

Безусловно.

Евгений Ясин:

А Ельцин?

Игорь Виноградов:

Насчет Ельцина я сомневаюсь. Я бы сказал, что он скорее начальник того времени.

Евгений Ясин:

У меня возникло ощущение, что шестидесятничество — это в основном явление столичное, московское. А я, например, в то время жил в провинции. Там ничего особенного не происходило, хотя я почувствовал перемены во время дискуссии о книге В. Дудинцева «Не хлебом единым...» в Одесской областной библиотеке. Увидел людей. Можно представить себе, что такой человек, как Б. Ельцин, загорелся и дальше его вела звезда, как она вела М. Горбачева, который был из провинции, но как раз в это время учился на юридическом факультете МГУ...

Алла Гербер:

...И ходил в театр на Таганке (открылся в 1964 году, когда М. Горбачев был уже комсомольским вожаком на Ставрополье. — *Прим. сост.*) и в «Современник».

Евгений Ясин:

Б. Ельцин не был в московской среде того времени, но, думаю, не только жажда власти толкала его на поступки в 1987 году и позже.

Людмила Алексеева, председатель Московской Хельсинкской группы

Алексеева Людмила Михайловна, российский общественный деятель, историк, активный участник правозащитного движения. Родилась в 1928 г. в Москве.

В годы Великой Отечественной войны окончила курсы медсестер, решила пойти добровольцем на фронт, но ее не взяли по возрасту. Окончила исторический факультет Московского государственного университета (1950 г.), аспирантуру Московского экономико-статистического института (1956 г.).

Работала преподавателем истории в ремесленном училище в Москве, одновременно была внештатным лектором обкома ВЛКСМ. В 1952 г. вступила в КПСС. В 1959–1968 гг. работала научным редактором редакции археологии и этнографии в издательстве «Наука». В 1970–1977 гг. — сотрудник Института научной информации по общественным наукам АН СССР. После смерти Сталина и ареста Берии пережила мировоззренческий кризис, отказалась защищать кандидатскую диссертацию по истории КПСС и делать научную карьеру.

Квартира Алексеевой была местом встреч московской интеллигенции, хранения самиздата. Позднее она так оценивала особенности самиздатской литературы: «В слабой технической базе самиздата крылся секрет его качества. Кто станет перепечатывать, рисковать ради какой-нибудь ерунды? Это типографским способом можно напечатать бог знает что, особенно если есть знакомства или деньги. А таким образом можно печатать только то, что человеку интересно, ради чего он готов потратить время, рисковать. Поэтому самиздат — это действительно квинтэссенция и художественной, и политической, и общественной мысли того времени и прежних времен».

Принимала участие в правозащитных выступлениях в защиту писателей Даниэля и Синявского в связи с судом над ними за публикацию своих художественных произведений за границей. В конце 60-х гг. участвовала в петиционной кампании, развернувшейся в связи с политическим процессом над А. Гинзбургом, Ю. Галансковым и др. (1967–1968). В апреле 1968 г. была исключена из КПСС и уволена с работы.

Продолжила правозащитную деятельность, подписала ряд документов диссидентского движения. В 1968–1972 гг. была первой машинисткой первого в СССР правозащитного бюллетеня «Хроника текущих событий». С 1968 г. неоднократно подвергалась обыскам и допросам. В 1974 г. ей было объявлено официальное предостережение по Указу Президиума Верховного Совета СССР за «систематическое изготовление и распространение антисоветских произведений».

В начале 1976 г. приняла предложение Юрия Орлова войти в состав создаваемой правозащитной организации — Московской Хельсинкской группы (МХГ). Стала редактором и хранителем документов МХГ, а ее квартира — своеобразной канцелярией группы. Подписала первые 19 документов группы, участвовала в составлении документа № 3 «Об условиях содержания узников совести».

В феврале 1977 г. была вынуждена эмигрировать из СССР и поселилась в США. В эмиграции была зарубежным представителем МХГ. В 1977–1984 гг. подготовила издание документов группы. В 1977–1980 гг. работала над монографией «История инакомыслия в СССР. Новейший период» — первым фундаментальным историческим исследованием на данную тему. Вела программы о правах человека на радиостанциях «Свобода» и «Голос Америки», печаталась в русскоязычной эмигрантской периодике, а также в английской и американской прессе, консультировала ряд правозащитных организаций. Во второй половине 80-х гг. в составе делегации США участвовала в работе конференций ОБСЕ (Рейкьявик, Париж).

Издала в США свои мемуары The Thaw Generation. С лета 1989 г. и до возвращения в Россию — заочный член восстановленной МХГ.

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

В 1993 г. вернулась в Россию. В мае 1996 г. была избрана председателем Московской Хельсинкской группы. В 1998–2004 гг. — президент Международной Хельсинкской федерации.

Была членом Комиссии по правам человека при Президенте России. После ее преобразования в ноябре 2004 г. в Совет по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека при Президенте России вошла в состав обновленного Совета.

Сопредседатель Всероссийского гражданского конгресса (вместе с Г.К. Каспаровым и Г.А. Сатаровым). Директор региональной общественной организации «Центр содействия реформе уголовного правосудия». Кавалер Золотого почетного знака «Общественное признание» (2003).

Автор более 100 работ по вопросам прав человека, в том числе: «История инакомыслия в СССР. Новейший период»; The Thaw Generation («Поколение оттепели» США, 1990 . 2-е изд. — М., 2006; «Российское гражданское общество — что это такое? (Гражданское общество и государство. М., 2005).

«Знаешь, почему я пошел в аспирантуру? Потому что я прокурором был»

Конечно, наше развитие началось до XX съезда, который стал для нас потрясением потому, что мы многое знали, о чем-то догадывались, но никогда не слышали об этом из уст руководителей страны. Мы моментально присоединились к Н. Хрущеву, психологически мы уже были детьми XX съезда — до самого съезда. Меня, например, еще в сталинские времена мучил такой вопрос: почему, если генеральная линия партии — это интернационализм, из университета гонят евреев? Мой дядя, с которым я делилась сомнениями, отвечал на это: «Интернационализм, генеральная линия партии... Это все для таких ученых дур, как ты. А на самом деле наверху сидит шайка паханов, которые захватили власть и нами командуют». Я потом говорила своему мужу: «Конечно, я понимаю, дядя Боря — человек обиженный на советскую власть, но он все-таки так примитивно мыслит». А когда я узнала про дело Берии, я сказала мужу: «Дядя Боря прав, это шайка паханов».

Тем не менее XX съезд был колоссальной вехой в моей жизни, да и, думаю, в жизни каждого из нас. Знаете почему? Потому что до этого люди боялись говорить друг с другом о таких проблемах. Мы понимали, что Сталин — убийца, что в стране террор, антисемитизм, что крестьян в гроб вгоняют и т.д., но мы это говорили в своей семье или с несколькими близкими друзьями, мы понимали, что если еще кому-то это скажешь, то окажешься далеко от дома.

А после XX съезда как плотину прорвало. Я была тогда аспиранткой, нам прочитали доклад Хрущева, вскоре после Съезда, на партийном собрании. Нам читали этот доклад, но не разрешили записывать. Читали, по-моему, часа четыре. После собрания я вышла с одним аспирантом, Колей Демидовым. Ему было тяжело учиться, ему не по мозгам была аспирантура, и он все время у меня что-то списывал, консультировался по своей теме. Я его жалела, он был хороший, но не способный. Этим и ограничивались наши отношения. Мы выш-

ли с этого чтения, и он предложил: «Давай зайдем в пельменную, посидим». И там он мне говорит: «Знаешь, почему я пошел в аспирантуру? Потому что я прокурором был. После армии я закончил юридический институт (где-то в провинции), и меня послали на три года отрабатывать прокурором в Московскую область. И я каждый день несколькими подсудимым давал по 10–12 лет лагеря за мелкие кражи, за колоски. А людям есть было нечего. Когда через три года сказал, что я уйду с этой работы, мне заявили: «Уйдешь — положишь партбилет». Единственный способ уйти была аспирантура. Я три раза сдавал. Наконец сдал. Ты знаешь, что в стране делается? Ты ничего не знаешь, ты — московская барышня. А я вот тебе скажу...»

И он стал рассказывать обо всем, что носил в душе все эти годы. Людей как прорвало, они стали говорить друг с другом, даже со встречными на улице — такой был отложенный спрос на общение. Именно тогда начались эти безумные московские компании: те, кто жил в это время, помнят, мы только и делали, что ходили из компании в компанию. Моя университетская подруга сказала тогда: мы не сопьемся, мы *стреплемся*. Потому что пили мало (на большую компанию одна бутылка на вечер), а разговоры были чуть не до утра. Говорили, говорили, говорили, говорили...

Это был XX съезд по всей стране. Мы — дети XX съезда. Шестидесятники образовались благодаря XX съезду, потому что люди начали говорить друг с другом и из общества, прежде полностью атомизированного, мы превратились в поколение, единомышленники нашли друг друга. Те, кто уже вымучил этот XX съезд до того, как он состоялся, в одиночку, нашли друг друга, и получилось поколение.

Но мы были разными. Среди нас были и те, кто отвергал коммунизм, и люди с гипертрофированным национальным сознанием, но, мне кажется, что сторонников «социализма с человеческим лицом» было больше всего, во всяком случае среди диссидентов (эту часть шестидесятников я знаю лучше всего, вот, кстати, еще одна тема: шестидесятники и диссиденты). Хотя и они не были едины. Были по сути своей политиками, только говорили они о правах человека, а не на политические темы, потому что в то время трудно было говорить иначе. Но все-таки правозащитники не были политическим течением, я на этом настаиваю, это было движение нравственное, и никаких политических целей мы перед собой не ставили.

Какие у нас были стимулы? Такой, например: не хочу врать и говорить публично то, во что я не верю, и не хочу, чтобы люди, которых я не уважаю, диктовали мне, как жить. Я сам буду решать, как жить, с кем дружить, что говорить, какие книжки читать. Может быть, мне это говорить нескромно, поскольку я к этому движению принадлежала, но я думаю, что именно диссидентское движение (правозащитная его часть) дало такую же окраску поколению шестидесятников, какую поколению начала XIX века дали декабристы. Ведь

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

и декабристов была горстка, но именно они в последующих поколениях олицетворяют свою эпоху.

Какова была роль шестидесятников в крахе тоталитаризма? Если бы их не было, режим бы держался дольше, потому что именно шестидесятники способствовали разрушению его идеологических основ.

И еще хочу сказать о колоссальном вкладе шестидесятников в сохранение нашей культуры и ее развитие. Я имею в виду самиздат. Ведь и это движение началось до XX съезда, но развилось после него, в многочисленных вдруг возникших компаниях, о которых я говорила. Специфика самиздата не только в способе производства — на пишущих машинках и фотоспособом, но и в налаженной сети распространения — из рук в руки, из города в город. Если бы не было самиздата, многое из прошлого не дошло бы до сегодняшнего дня, и многое тогдашнее не было бы просто записано, поскольку писали, зная для кого — для читателей самиздата. Так что он стал и хранителем, и носителем, и стимулятором развития и художественной литературы, и публицистики. И это наш культурный вклад, вклад шестидесятников.

Мариэтта Чудакова, культуролог

Чудакова Мариэтта Омаровна, культуролог, литературовед, литературный критик, писатель. Родилась в 1937 г. в Москве.

Основная сфера интересов: русская литература советского периода, стилевые тенденции, творчество М.А. Булгакова.

В 1959 г. окончила филологический факультет МГУ, в 1963 г. — аспирантуру филологического факультета МГУ. В 1959–1961 гг. — преподаватель русского языка и литературы в школе. В 1964 г. работала преподавателем подготовительных курсов МГУ. В 1965–1984 гг. — старший научный сотрудник. Публикуется с 1958 г. Лауреат Премии московского комсомола (1969). Член Союза писателей СССР с 1970 г. Доктор филологических наук (1982). Профессор Литературного института им. А.М. Горького.

Основные труды: «Мастерство Юрия Олеси» (1972), «Поэтика Михаила Зощенко» (1979), «Жизнеописание Михаила Булгакова» (1988), «Творческая история романа М. Булгакова "Мастер и Маргарита"» (1976), «Еретик, или Матрос на мачте. О творчестве Е. Замятина» (1988), «Пространство жизни» (1969), «Тихий старик» (1979), «Дела и ужасы Жени Осинкиной» (2005).

Три качества не даются в одном наборе — ум, партийность и порядочность

Начну с выделения рамок и признаков поколения. Хотелось бы все-таки этому явлению придать более строгие рамки, хотя бы квазинаучные. Когда-то даже вывела границы возраста шестидесятников. По персонам эта формация в основном укладывается, по моим расчетам, в возраст людей с 1918 (Г. Померанц) по 1935 (С. Рассадин, давший своей статьей 1960 года название явлению) годы рождения. Это те из них, кто к середине 50-х годов кем-то уже были, у ко-

го был статус (литературный или научный) и общественная репутация (хотя сама проблема такой репутации при отсутствии общественной жизни достаточно сложна), то есть было имя. В ряде случаев имя заменял фронтовой или лагерьный опыт — это тоже была черта эпохи. В эту формацию рекрутировались и те, кто еще не обладал к тому моменту значимым статусом или именем, но стоял уже на старте и в ближайшие годы получил и то и другое. В формацию входили и люди далекие от искусства, с экономическим, «философским» (которое, когда речь идет о советском времени вообще, а сталинском в особенности, трудно писать без кавычек) или историческим образованием, партийные или комсомольские работники, в том числе партийные журналисты (Лен Карпинский, Егор Яковлев). В нее входили и режиссеры, и сценаристы, и литераторы, в том числе и такие «чистые» лирики, как Б. Ахмадулина и Н. Матвеева — возрождение лирики стало одним из результатов и примет «оттепели».

Два важнейших, мне кажется, личных свойства пролагали тому или иному лицу дорогу в шестидесятники: одно — биологическое, второе — мировоззренческое. Первое — это активность природы, которая дается биологией, желание действовать. В книге о литературной эпохе 30-х годов я писала в давние времена, на примере одной литературной биографии, что активным людям в плохое время плохо — им не удастся его пересидеть. Людей с жадной действия выносило на поверхность тогдашней так называемой общественной жизни, а там ничего хорошего не ждало: стать положительным деятелем в этой «плохой» рамке было невозможно. И они, в том числе и талантливые люди, становились советскими функционерами со всеми вытекающими последствиями. Пассивные же могли как-то пересидеть плохое время и не выпачкаться. В годы «оттепели» ситуация стала иной, но саму психологическую коллизия надо и тут иметь в виду. Второе, мировоззренческое качество — тяготение к тому великому, не низменному, а великому в полном объеме смысла слова, соблазну, суть которого выражена Пастернаком: «Хотеть, в отличие от хлыща В его существованье кратком, / Труда со всеми сообща / И заодно с правопорядком». «Заодно с правопорядком» не всегда входит в состав соблазна. Хотеть же «труда со всеми сообща» — это, в общем, естественно для человека. Но одни эпохи благоприятствуют этому, другие не оставляют такой возможности. И достойно сожаления, что из этого получались в советское время в лучшем случае трагедии.

Шестидесятники именно такого труда и жаждали. Их действия, во-первых, направлены на интересы всего общества, страны, во-вторых, должны производиться в команде, коллективно, «сообща». Они не были индивидуалистами по своему складу. Где можно было найти условия для такого труда? Только в партии — той, которая была единственной и правящей. В подполье, как известно, не было возможности действия «со всеми сообща», только в очень узкой группе. Но «со всеми сообща», как скоро стало ясно, не получилось

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

и в партии, в которую вступали многие шестидесятники (те, кто не вступили на фронте) с целью исправлять ее изнутри. Исправлять не получалось, но потом это членство становилось тормозом в освобождении собственной мысли. Я видела это на самых ярких примерах, на примере жизненного пути близко знакомых мне замечательных ученых, и меня невозможно, увы, убедить, что это обстоятельство — членство или нечленство — было вообще нерелевантным. Объяснение мира невольно приспособлялось к своему положению — ведь человек знал про себя, что он порядочный человек! Порядочнее, самоотверженнее, бескорыстнее множества беспартийных.

Во второй половине 50-х стали проявляться очертания некоего слоя — он стал формироваться. Подчеркнем, это не были позднейшие тусовки, это был слой, объединенный не только общностью стиля, эстетики, речи, но и общими ценностями и целями. Они могли рефлексироваться вслух, но могли и сами собой подразумеваться. Несогласие с общепринятым в этой быстро сформировавшейся среде прозвучало бы резким диссонансом — и это тоже было формообразующей чертой.

Теперь о чертах и этапах биографии: «Оттепель» Эренбурга, доклад Хрущева, вера, надежда и борьба, ценности. У них был еще один общий биографический признак — для всех них, как уже не раз было сказано разными людьми, XX съезд и доклад Хрущева были рубежом биографии. В биографиях многих из них было еще нечто общее — доклад коснулся их лично, имен и судеб их близких; это были дети расстрелянных или отбывших сроки в лагерях и к моменту доклада возвращавшихся оттуда, но без особой огласки, причем нередко это были люди из партийной номенклатуры (родители Б. Окуджавы, В. Аксенова, Л. Карпинского). И именно это — мученическая смерть или многолетнее лагерное выживание, признанные в докладе несправедливыми и как бы искупавшие личное участие этих людей в разрушении страны (в уничтожении ее крестьянства, ее образованного слоя и т.п.), — это было важнейшей идеологемой. Именно она задерживала их детей вблизи ценностей отцов — «комиссаров в пыльных шлемах».

Забегая вперед, замечу, что в конце перестройки и особенно в постсоветское время это и сыграло против них с такой силой, выбивая шестидесятников из слоя активных действующих путем снижения их общественного авторитета. Помимо хулиганских журналистских выпадов, этому в какой-то степени способствовали они сами, довольствуясь хаотическим, эмоциональным, во многом инфантильным восприятием событий перестройки, достаточно бездумно подхватывая лозунг М.С. Горбачева «Больше социализма!». Они так и не поднялись до гласной экспликации своего сложного пути — и этим увеличили недоверие молодых к своему слою, усилили во многом неправомерное обесценение его.

Вернемся к середине 50-х. Это поколение не могло жить и функционировать вне представления об идеале. Е. Евтушенко в это время пишет: «...но

в правое наше дело / мы веры не потеряли» («В дорогу», 1955). Вера была какое-то время их фундаментом — вера во что-то. Множество людей прекрасно обходятся без нее — как Б. Эйхенбаум написал в своем дневнике, что многие люди прекрасно обходятся без уважения к себе (замечательно сказано), так же многие прекрасно обходятся без веры. Вот тем, кто не могут без этого, было тяжелее, потому что иной веры, кроме веры отцов, они себе в те годы не представляли. За верой естественным образом шла надежда. Время «оттепели», время шестидесятников — это время надежд. В литературе будто повторился радостный, оптимистический, молодой порыв, прокатившийся в свое время короткими волнами по поэзии 20-х и начала 30-х годов:

Бывает все на свете хорошо,
В чем дело — сразу не поймешь,
А просто летний дождь прошел,
Нормальный летний дождь.

Г. Шпаликов, начало 60-х, из песни к фильму «Я шагаю по Москве»

Шестидесятников объединили общие ценности.

Во-первых, эти ценности формирующегося слоя совпадали с теми, что были провозглашены ранними коммунистами. Именно их преданные Сталиным ценности предполагалось предьявить заново в первоизданном виде, освободив от фальшивого звучания, придав им прежнюю, временно утраченную зажигаемость:

Какую должны мы вкладывать страсть, себя и других поднимая,
В слова «коммунизм», «советская власть», «революция», «Первое мая!».
<...>

Товарищи, надо вернуть словам звучанье их первородное!

Е. Евтушенко. Празднуйте Первое мая! (1955 г.)

Своей задачей они считали поднять с земли, вернуть в обиход революционные, коммунистические ценности, испакощенные — в частности, «борьбой с космополитами» — но нетленные:

«Интернационал» пусть прогремит,
когда навеки будет похоронен
последний на земле антисемит.

Е. Евтушенко. Бабий Яр (1961 г.)

Представление о нетленности революционных ценностей некоторые из шестидесятников пронесли через десятилетия и даже через годы перестройки. В конце февраля 1988 года глава АПН Фалин в отсутствие редактора «Мос-

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

ковских новостей» Е. Яковлева выкинул из верстки готового номера статью (уже переведенную для зарубежных вариантов газеты) о «Докторе Живаго» (начатом в январе того же года печатанием в «Новом мире»). Появившись в редакции, Егор Яковлев изучал статью, пытаясь ее сохранить в номере, и, вызвав редактора отдела, задал ей вопрос, глубоко ее, работавшую с Е. Яковлевым много лет, поразивший: «Это что же, ваш автор против Октябрьской революции?»

Во-вторых, эти ценности совпадали с тезисами доклада Хрущева и решениями двух съездов: XX — о признании Сталина изменившим ленинским идеям и XXII — о выносе тела Сталина из Мавзолея. Вскоре помимо веры и надежды появился и необходимый для самосознания этого слоя мотив борьбы. Стало ясно, что предстоит борьба за эти решения — с теми, кто (пока еще тайно) с ними не согласен.

А гроб чуть дымился.

Дыханье из гроба текло,
когда выносили его из дверей Мавзолея.

<...>

И я обращаюсь к правительству нашему с просьбой:

удвоить,

утроить у этой плиты караул,

чтоб Сталин не встал

и со Сталиным — прошлое.

Е. Евтушенко. Наследники Сталина (1962 г.)

Я сейчас перечитала эти строки, над которым мы, вообще-то, за их косноязычие посмеивались в те годы, и увидела, что сейчас впору это перепечатывать — насчет просьбы к правительству «удвоить–утроить у этой плиты караул, чтоб Сталин не встал и со Сталиным — прошлое». Сейчас сменивший Ю.А. Левяду во ВЦИОМе господин Петухов бравурно рассказывает нам с газетных страниц, что, по новейшим социологическим опросам, из поколения с 18 до 34 лет 46% считают Сталина позитивной фигурой. Самое главное, как он это подает замечательно, в какой форме: «...среди молодежи преобладают спокойные, трезвые оценки Сталина, прежде всего как исторического деятеля. Им в равной степени не близка как его демонизация в качестве главного злодея всех времен и народов... так и безудержная апологетика, которая была характерна для советских времен». Спасибо, утешил. Не поют, значит, нынешние юноши «о Сталине мудром, родном и любимом», и на том спасибо. До г-на Петухова, видимо, уже не доходит, что именно на трезвую голову Сталина иначе как злодеем не назовешь, а увидеть в этом «демонизацию» можно как раз только на нетрезвую.

Но вернемся в эпоху «оттепели». Так называемое национальное пробуждение начала и особенно середины 60-х годов (журналы «Наш современник» и отчас-

ти «Молодая гвардия»), несомненно, было связано именно с нею, с тем, что общество оттаяло и пробудились мысли. Но люди, обозначившие это идейное течение, никак не входят, вопреки мнению, высказанному И. Виноградовым, в формуляцию шестидесятников. Напротив, они вскоре стали их оппонентами, а впоследствии, в годы перестройки и тем более в постсоветское время, — прямыми врагами. Те и другие могли совпадать по возрасту и по биографиям, но их пути расходились идеологически — сначала по отношению к вышеназванным ценностям (их эти люди уже не принимали), затем в отношении к Сталину. Его забываящиеся о национальном возрождении, наоборот, приняли и сумели передать эстафету сегодняшним дням. Вот почему явление шестидесятничества бессмысленно расширять в эту сторону. Верность этим четко очерченным возвращаемым ценностям была веянием времени, запечатлевавшимся в стихах.

В августе 1956 года в «Новом мире» печатается стихотворение Ольги Берггольц (ставшей вдовой расстрелянного, затем попавшей в тюрьму и потерявшей от побоев новорожденного ребенка) стихотворение «Тот год» (с датой — «1955 г.»), в подборке под общим заголовком, подчеркивающим рубежность времени, момент состоявшегося наконец выхода текстов из рукописного состояния в печатное, — «Стихи из дневников» (1938–1956):

...В тот год, когда со дна морей, каналов
вдруг возвращаться начали друзья.
Зачем скрывать — их возвращалось мало.
Семнадцать лет — всегда семнадцать лет.
Но те, что возвращались, шли сначала,
чтоб получить свой старый партбилет.

Однако уже в середине 50-х (еще до доклада Хрущева!) — и тоже в стихах — появляется некая дистанцированность от тех, к кому относятся с непререкаемым уважением, но — еще неосознанно — как к некоему завершеному прошлому. Их ценности еще ничем не заменены, но уже поставлены под незримый знак вопроса:

Мы всей мукой в коммуны поверили,
Потому что нельзя без нее.
<...>
Зажигалок для рынка не делали,
не возили на крышах мешки...

Е. Евтушенко. Коммунисты (1955 г. опубликовано в начале 1956 г.)

Изменения в воздухе эпохи (об этом совершенно правильно сказала Л.М. Алексеева) начались раньше 1956 года, можно сказать, в первые же дни

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

после смерти Сталина, особенно после апрельского сообщения о фальсификации «дела врачей», и резко усилились после объявления об аресте Берии. Когда в Коммунистической аудитории в марте 1956 года собрали (в несколько порций) «партийно-комсомольский актив» филфака слушать доклад Хрущева и тогдашний секретарь парткома факультета одноногий фронтовик Волков объявил, что сейчас будет зачитан важный документ ЦК КПСС, добавив со значением: «Обсуждению не подлежит», — по всей огромной, амфитеатром, аудитории (теперь она вновь Богословская, но плоская — амфитеатр хамски разрушен, безо всякого на то права) прокатился внятный шумок, недовольный студенческий гул: «У-у-у!» — которого до смерти Сталина — хотя я и не училась еще тогда в университете, уверенно скажу, — конечно, быть не могло. Аудитория молодежная уже была задета словами партсекретаря и выразила эту задетость — вот объективный признак перемен общественной атмосферы.

Что касается того, как восприняли доклад, то очень верен пример Л.М. Алексеевой с ее вроде бы тупым и не подающим особых надежд сотоварищем-провинциалом: неожиданно оказалось, что как раз для него в этом не было новации. Да, провинциалы были к этому готовы. И я еще раз могу привести биографический пример. Для меня, москвички, это был подлинно переломный момент. Я говорю всегда своим студентам, что вошла в эту аудиторию на 2-м курсе одним человеком, а через три с лишним часа вышла другим. А для моего однокурсника и будущего мужа Александра Павловича Чудакова это не было переломным событием, потому что он приехал из Кокчетавской области в Сибири, в школе его учили сосланные туда доценты ленинградских вузов (поэтому трое одноклассников-медалистов, приехав в Москву из сибирского городка с двадцатитысячным населением, поступили в университет с его огромным конкурсом и в другие московские вузы с первого захода, безо всякого блата), не слишком далеко были лагеря, а у горожан просили подаяния опухшие от голода колхозники.

После Хрущева, «оттепели» и процесса Синявского — Даниэля в новом периоде часть шестидесятников пошла в подписанты, часть — нет: стремились сохранить возможность реальных действий. Стоит учитывать тот биографический факт, что первое время расправляться с ними было не так просто: либо потому, что они оставались номенклатурой — «по происхождению» (расстрелянным и посмертно реабилитированным родителям — старым партийцам), или по собственному послужному списку (среди них были работники горкомов и райкомов, собкоры партийных изданий), или, на худой конец, по еще не ушедшему из общественной памяти их личному фронтовому прошлому (Б. Балтер). Потому некоторых из них какое-то время еще переводили с одного места на другое. (Позже, в 70-е, эти «шлейфы» уже резко отсекались.) Л. Карпинский был, однако, уволен в 1967 году — выступил против цензуры. Ю. Карякин был в 1968 году исключен из партии за выступление на вечере памяти Андрея Платонова в ЦДЛ и публичное упоминание Солженицына и Бродского и удержался

в ее рядах лишь по личному решению главы Комитета партийного контроля в Польше. В эти годы они еще пытались продлить и развить идеи «оттепели». Но появилось уже новое самоосознание, новые опасения:

Конечно же мы не в Париже,
но в тундре нас ценят повыше.
<...>
Но если изменится климат,
то вдруг наши ветви не примут
иных очертаний — свободных?
Ведь мы же привыкли — в уродах.

И это нас мучит и мучит,
а холод нас крючит и крючит.
<...>

Е. Евтушенко. Карликовые березы (1966 г.)

Появление самиздата и диссидентства многое меняло. Шестидесятники — уже в сугубо индивидуальном порядке — примыкали к подписантам, а затем и к правозащитникам.

«Три качества не даются в одном наборе — ум, партийность и порядочность» — это афоризм начала 70-х, это уже после Праги. В это время уже не было ни одного исключения, ни одного вступившего в эти ряды и не подошедшего под это правило. В 70-е годы ни один действительно думающий человек уже не вступал в партию по велению совести, по желанию «труда со всеми сообща», с надеждой изменить что-то в обществе — вступали уже только из карьеризма или по глупости. Сейчас этих дат вступления ни у одного из нынешних либералов не найдешь в объявленных биографиях. Но это было уже в целом другое поколение. Поколение шестидесятников в это время из партии исключали: фронтовик Б. Окуджава исключен из партии в 1972-м, Л. Карпинский — в 1975-м. «Оттепель» давно кончилась, черта была подведена вторжением в Прагу, но была наработана культурная инерция, и она продолжала действовать. И можно было — вплоть до начала 80-х — неожиданно столкнуться с неким явлением сопротивления по какому-либо конкретному поводу, за которым явственно вставали очертания поколения шестидесятников.

С появлением Горбачева оживились надежды. На многих повеяло второй «оттепелью». Здесь и подстерегала историческая ловушка: ухватившись за ложную аналогию, ею вполне довольствуясь («Куй железо, пока Горбачев!»), они не почувствовали ветра нового исторического периода. А так — все было в масть: и лозунг «Больше социализма!», и доверительное сообщение Горбачева, что он ежедневно читает Ленина и никогда не откажется

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

от сделанного его дедом выбора в пользу колхозов, и долгожданная работа в команде. «Прорабы перестройки» (новое именование бывших шестидесятников) так и говорили о себе — «Мы в команде Горбачева». Казалось, наконец будет доделано не доделанное Хрущевым и социализм обретет человеческое лицо. Из поставленных себе когда-то идеологических границ (не далее Ленина и Октября; продолжали думать, что важна сама идея справедливости и т.д.) они не могли вырваться после Горбачева и встали в оппозицию к Ельцину, такую разрушительную, на мой взгляд, для страны (я Ю.Н. Афанасьеву, например, не раз об этом говорила). Причем одни — потому что он зашел слишком далеко, другие — потому что не хочет заходить далеко. Почему такая разница? А потому, что в основе лежал один и тот же скрытый, по-видимому, и от них самих мотив. Но это — особая история.

Не перейденный Хрущевым рубеж между Лениным и Сталиным не был взят и позже. При этом все они будто родились в 85-м году. Я просматривала сайты нынешних шестидесятников, только на сайте Людмилы Михайловны четко сказано: вступила в партию в 1952 году. У Ю.Н. Афанасьева, к которому я хорошо отношусь и видела его обогнавшим по либерализму все свое институтское окружение еще в 1984 году, вполне готовым к новому времени, биография тоже начинается с 80-х годов. Я хотела узнать перед нашим круглым столом, где и когда он был секретарем комсомола, но этого нет ни на одном сайте. И дело, конечно, не в том, что я не утолила свою любознательность, а в том, что к концу 80-х — началу 90-х это замалчивание этапов своей биографии, в том числе духовной, сыграло очень печальную роль, подорвав доверие к огромному и важному в нашей жизни слою. Важному хотя бы тем, что этому слою были и, хочется верить, остались близки и понятны представления о чести, общественной репутации, любви к стране как любви к свободной стране.

Мысль о необходимости общественной репутации, о том, что ты должен быть честным человеком, не брать взятки, что твоя репутация должна быть незапятнанной, сейчас у многих может вызвать только смех. Общественная репутация?!! Просто смешно. Так что же, собственно говоря, шестидесятников задавило в общественном смысле в последующие годы? В частности, вымывание из общественной жизни вышеперечисленных понятий как общезначимых ценностей. Затем — стали выдвигать вперед, вы все хорошо это помните, понятие частной жизни как превалирующей над общественным импульсом. Да, этот импульс в советское время среди прочего заставлял иногда, как мы тоже помним, спасти старый трактор, рискуя своей жизнью, и особенно помним, как это официально поощрялось: общественное выше личного. Но в постсоветское время было поставлено под знак отрицания любое подвижничество.

Такая тотальная смена этических ценностей, поддержанная вполне либеральными публицистами, была, я уверена, глубокой ошибкой. Конечно, необ-

ходимо было настаивать на ценности частной жизни и вообще «отдельно взятой» человеческой жизни, которая в нашей стране по-прежнему не имеет никакой цены, утверждать, что не надо за так дарить ее государству, не бросаться спасать трактор ценой своей жизни и прочее. Но без подвижничества, без мысли об обществе, без идеи патриотизма тоже мало что получится.

И второе, что обесценивало этот слой, — давление биографии. Биография во всем ее объеме, в том числе включая погибших родителей, ставших «хорошими», «честными коммунистами» после XX съезда, что давало их детям возможность какое-то время действовать, когда откуда-то выгоняли — все-таки оставаться в обойме, оставаться номенклатурой ЦК, — эта биография теперь говорила против них. Потому что это рассматривалось как криводушие: «Подождите — вы ж сами были на этих партийных, номенклатурных постах!»

Но они никогда не рассказали внятно, не эксплицировали, что в этом не было позора, наоборот — в пройденном ими сложном духовном пути была своя высота. Не рассказали, как все было на самом деле. И все-таки лучшее, что у них было, — остается. Сегодня на этом можно продолжать базироваться — хотя бы на том, что не доделано было даже в отношении разъяснения обществу роли Сталина.

Евгений Сабуров, директор Института развития образования

Сабуров Евгений Федорович, экономист, общественный и государственный деятель, поэт, драматург. Родился в 1946 г. в Ялте. Окончил механико-математический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова в 1970 г. Доктор экономических наук. В 1971–1990 гг. на научной и практической работе (Центральный экономико-математический институт АН СССР, Госплан СССР). В 1990–1991 гг. — заместитель министра образования РСФСР. В 1991 г. — заместитель председателя Совета министров, министр экономики РСФСР. В 1991–1994 гг. — директор Центра информационных и социальных технологий при Правительстве РФ. В 1994 г. — вице-премьер Правительства Республики Крым. С 1995 г. — директор Института проблем инвестирования банка «Менатеп». В 1999 г. избран председателем совета директоров Доверительного и инвестиционного банка. До конца 80-х публиковал свои произведения только на Западе. Автор статей и книг о современной российской экономике: «Реформы в России: первый этап» (1997); «Страна понятного завтра» (2001), в соавторстве; «Власть отвратительна» (2003).

Непоротое поколение

Может быть, будет интересно посмотреть на дело с точки зрения моего поколения, следующего за шестидесятниками? Мне приятно было услышать от М.О. Чудаковой добрые слова в наш, семидесятников (потому что пик нашей активности пришелся на 70-е), адрес. Она сказала, что «это было дело совсем другое», и я с этим совершенно согласен.

Что, собственно, нас поражало в шестидесятниках, как мы их воспринимали? Мы принадлежим ко второму непоротому поколению советских людей. Второе непоротое поколение дворян сделало декабристское восстание, второе

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

непоротое поколение крестьян в 1917 году чего только не натворило. Мы по-другому воспринимаем первое непоротое поколение, чем оно само себя воспринимает. Я серьезно думаю о том, что поколение, которое активно действовало в рамках 1956–1968 годов, а это и есть шестидесятники, кончилось выходом на Красную площадь по поводу чешских событий.

Вырос я в маленьком городе, в семье провинциальных интеллигентов. Семья была самой обыкновенной. Правда, дед мой был в очереди на посадку по делу «врачей-отравителей», но очередь до него не дошла, поскольку умер Сталин. И с этих лет я не понимаю, как можно было обольщаться по поводу советского режима. В моем окружении не было людей, которые бы пережили ломку сознания в связи с тем, что Сталин оказался гадом. Мы с этим родились. И еще я не помню ни в школе, ни уж тем более в университете, чтобы кто-нибудь всерьез говорил о ленинских нормах или о том, что Сталин выделялся в ряду остальных большевиков, что он, мол, плохой, а остальные хорошие. Так что не 1956 год меня этому всему научил (мне тогда было 10 лет), а 1953, и не я один такой.

В 1962 году я поступил в университет. Не помню, чтобы там кто-нибудь разбирал проблемы советской власти. Всем было понятно, что это гадость. У нас на мехмате никто из профессоров не был членом партии, и вообще было бы очень странно, если бы кому-то из них в голову пришло хорошо относиться к советской власти. В 1962 году на стройках не было кадров, и после того, как мы поступили в университет, всех нас, новоиспеченных студентов мехмата, отправили МКАД строить. Я хорошо помню, как мы там с Леней Иоффе тогда познакомились. Разговорились. Никаких иллюзий. И шестидесятников, которые в те годы говорили о ленинских нормах, мы считали либо лгунами, либо дураками.

Шестидесятники относятся к первому непоротому поколению. В их случае, как и в случае других первых непоротых поколений, переживается «рабство, павшее по манию царя». Их сделал Хрущев, он им все это разрешил, чему они очень обрадовались. То есть на самом деле это поколение, активность которого представляется весьма странной — это активность по разрешению. Я очень хорошо помню, что если в те времена человек в партию вступал — значит либо уж совсем конченный подлец, либо голову себе заморочил шестидесятническими идеями. Такие шли, чтобы в КПСС было больше порядочных людей. Мы считали, что им лечиться надо, потому что не может быть в этой партии ничего хорошего ни при каких обстоятельствах. Я был первым российским министром, который никогда не был членом КПСС. Не знаю, сейчас-то вообще много таких?

Людмила Алексеева:

Сейчас они все в «Единой России». Сегодня это знак качества.

Евгений Сабуров:

Так вот, это «рабство, павшее по манию царя» было разделением. Надо было занять какую-то позицию. Либо вступить в партию, либо наоборот. «Наобо-

рот» могло пониматься по-разному. Например, многие считали, что лучше стать русским националистом, чем быть с партией. Если сейчас откопать документы, которые Скурлатов писал в ЦК комсомола, страшно станет. И пропартии, которые тогда создавались, — родоначальники тех партий, которые мы имеем сейчас. Это все тогда появилось, в 60-х.

Евгений Ясин:

В 60-х или в 70-х?

Евгений Сабуров:

В 60-х. И я думаю, что это отличает шестидесятников и от предыдущего поколения, и от последующего. Потому что в 70-х акцент делался уже совершенно на других вещах. Стало цениться не прямое высказывание — допустим, в стихах. В 70-х над Евтушенко можно было только посмеяться. Разрешенная активность была, но уже с порядочностью она была несовместима. А с искусством и подавно. Исключений нет. Чуть отступил — и замарался, стал, так сказать, не очень рукопожатным. Шла углубленная внутренняя работа: совершенно другие книги, другие стихи, если уж говорить о поэзии. Кстати, ее уровень в 70-х был неизмеримо выше. Вообще, все то, что сейчас осмысляется и читается, от Всеволода Некрасова до Льва Рубинштейна, началось тогда.

И вот что еще ужасно интересно, но о чем обычно не упоминали: у шестидесятников не было стыдливости, у них была эротическая раскованность.

Алла Гербер:

Эротическая?

Евгений Сабуров:

Да, тогда как раз людям разрешили разводиться.

Мариэтта Чудакова:

Беспартийным это было можно всегда.

Евгений Сабуров:

На самом деле это оказало очень серьезное влияние на общество. Семья перестала быть ячейкой коммунистического завтра и обрела собственную ценность. Поэтому, когда семидесятники говорили о том, что они уходят в частную жизнь, это был не просто выпад против общественной жизни. Вернее, это был не выпад против общественной жизни, а в первую очередь утверждение, что частная жизнь — это серьезно. И я думаю, что если бы мы не пережили этот опыт обращения к себе и обращения к частной жизни, то мы бы не имели сейчас того внимания к человеку, отсутствие которого нас очень возмущает. Тогда не возмущало — человек жил в коммуналке.

Еще мне кажется, что у шестидесятников также изменилось отношение к границе. Это очень серьезная вещь. Оказалось, мы не в окопе, вокруг нас не озверевший мир, который хочет нас съесть, там тоже люди, и там что-то происходит. Шестидесятники захотели посмотреть, а выехав и хлебнув другого воздуха, они были уже готовы защищать идеалы революции где угодно, лишь бы не жить сре-

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

ди революции. Что касается нас, то мы понимали, что, пока в нас сохраняются какие-то остатки порядочности, мы никогда не увидим этой заграницы.

Людмила Алексеева:

То есть из семидесятников никто на это не купился...

Алла Гербер:

...А шестидесятники просто продались?

Людмила Алексеева:

Или вы были молоды?

Евгений Сабуров:

Да, на самом деле я был молод.

Людмила Алексеева:

Так вы были молоды и вас не пускали или вы просто были тверже, чем шестидесятники, в этом отношении?

Евгений Сабуров:

Поколение — это расплывчатое понятие. И когда мы говорим «шестидесятники» и «семидесятники», мы не имеем в виду отдельных людей из вашего и моего поколения...

Людмила Алексеева:

Но все-таки, на ваш взгляд, это явление было характерно для 60-х и нехарактерно для 70-х?

Евгений Сабуров:

Я бы сказал, что это не было идеалом интеллигенции. Для моего поколения стать «выездным» или «начальником» считалось не достижением, а падением.

Марк Барбакадзе, член-корреспондент Международной академии информатизации

Барбакадзе Марк Шиович, экономист-математик. Родился в 1940 г. в Москве. Закончил МИНХ (сейчас РЭА) им. Г.В. Плеханова, учился на мехмате МГУ им. М.В. Ломоносова. Преподавал в МИНХ и других учебных заведениях Москвы. Автор трудов по различным аспектам математического моделирования экономики и мемуарных книг «Жизнь и обыкновенные приключения простого антисоветского человека» (2002) и «Записки на Лар-Тор» (2005). Составитель «Антологии самиздата»: неподцензурная литература в СССР. 1950–1980» (2005).

Самиздат был духовной пищей шестидесятников

Мне кажется, необходимо дать хоть какое-то определение самому термину «шестидесятники», потому что иначе получается нечто неясное и расплывчатое. В математике есть понятие необходимости и достаточности, и можно предложить в качестве необходимого условия того, чтобы человек мог считаться шестидесятником, чтение самиздата. Уверен, что тот, кто самиздат

не читал, просто был советским человеком, жившим в 60-е годы, но к самому понятию, явлению, движению, которое называется «шестидесятники», он никоим образом не относился. Сформулировать достаточное условие гораздо сложнее — мне, увы, не удалось. Но хотелось бы, чтобы это было как-то отражено в тех материалах, которые мы сейчас готовим в связи с пятидесятилетием XX съезда КПСС.

Первое мое знакомство с самиздатом произошло в конце 50-х годов во время учебы в институте: как сейчас помню слепые, затертые листочки открытого письма Раскольникову Сталину и варварский перевод «По ком звонит колокол», где все ругательства были даны по-английски и по-испански. И стихи — Гумилев (до сих пор храню подаренный уж не помню кем аккуратно переплетенный томик с плохо читающимся текстом — четвертая или пятая закладка), Ахматова, Цветаева, Мандельштам, Есенин, а потом Коржавин, Бродский, барды: Окуджава, Галич, Высоцкий, Ким и многие, многие другие.

Но это вначале, дальше пошла мемуарная литература, философские трактаты, социально-экономические исследования и конечно проза. Гораздо более серьезная, чем та, которой нас пичкали в школе: многократные лауреаты сталинских премий всякие там Бабаевские–Семушкины–Прилежаевы–Закруткины–Грибачевы–Сафроновы–Чаковские (это я содрал у Юза Алешковского), многотысячные тиражи романов которых пылились на полках книжных магазинов, складов и библиотек и ни в какое сравнение не шли как с давно ставшей раритетной литературой 20–30-х годов (Булгаков, Платонов, Пильняк, Хармс и др.), так и с произведениями неизвестных молодых авторов (Солженицын, Максимов, Шаламов, Синявский, Даниэль и др.). Да что сравнивать — достаточно сказать, что произведения четырех из пяти русских лауреатов Нобелевской премии по литературе (И.А. Бунин, Б.Л. Пастернак, А.И. Солженицын, И.А. Бродский), запрещенные в открытой печати, пришли к нам из самиздата.

Трехсотлетнюю династию Романовых сменило семидесятилетнее тиранство большевиков, а затем неожиданно (то есть, конечно, жданно, но уж совсем нежданно) пришли свобода и демократия (так и хочется то и другое писать с большой буквы, да рука не поднимается).

В результате горбачевских реформ сквозь открытые шлюзы гласности на бывший (а может быть, и не такой уж бывший) советский народ хлынул поток литературы, до этого скрытый от основной массы населения. Тиражи газет и журналов, печатавших эти литературные новинки 20–30, а то и 70-летней давности выросли в десятки, если не в сотни раз.

Очень многое, ходившее в свое время в самиздате или опубликованное в тамиздате, было переиздано в периодической печати или вышло отдельными книгами. Переполнен такого рода текстами и Интернет.

Прошло 20 лет, в течение которых суетливого и многословного первого, и, увы, последнего, президента СССР сменил косноязычный и непредсказуемый

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

увалень — первый, но (ура!) не последний президент России, незадолго до окончания второго срока своего правления вытащивший, как карточный шулер из рукава, своего профессионально непроницаемого и загадочного преемника.

И тут свершилось чудо: ненавидимый едва ли не всеми виновник большинства несчастий постперестроечной России предлагает вместо себя никому не известного подполковника сыскного ведомства, и население, которое и народом то назвать неловко, мгновенно влюбляется в моложавого, по повадкам и лексику своего в доску наследника, даже не задаваясь, как эти там, на Западе, вопросом: «Кто вы, господин Путин?»

За прошедшие годы его правления ответа на этот вопрос так и не получено, да и не видно особо желающих его задавать: от распервейшего «олигарха» в далекой Сибири до последней старушки-пенсии, которая никак не может понять, что же для нее лучше — бесплатные льготы, заработанные многими десятилетиями непосильного труда, или копейки, которые неизвестно кто, когда и в каком количестве будет ей платить, — все молчат и тихо ждут светлого (или уж какого там получится) будущего.

Все возвращается на круги своя: один народ, одна партия, один, нет, не бойтесь, пока еще не фюрер — президент.

Началось новое время — время управляемой демократии.

И невольно лезут в голову невеселые мысли: при тех темпах и масштабах давления на свободу слова и негосударственные СМИ, которые мы наблюдаем уже несколько лет, не придется ли возвращаться к старому надежному другу самиздату, который станет средством самовыражения той части общества, которая лишена возможности доводить свои мысли, идеи и предложения до широкой общественности.

По этому поводу есть разные точки зрения. Например, Людмила Алексева высказывает такую мысль: «Самиздат — явление уникальное и уже не повторится никогда, не потому что у властей нынешних и будущих никогда не появится соблазн ограничить гражданам доступ к информации и идеям, этим властям не симпатичным, а потому что в век Интернета уже, слава Богу, этого сделать невозможно. Невозможно, прежде всего, технически, а то, что у властей желание есть — это совершенно очевидно в свете тех событий, которые мы за последние годы и даже дни наблюдаем: например, ту же самую шпиономию и т.д.»

Член-корреспондент РАН В. Данилов-Данильян возражает Л. Алексеевой: «Блажен, кто верует, но мне что-то кажется, что Интернет со временем вполне можно приспособить (было бы желание) для тотального контроля за всем, что в нем обращается — по крайней мере, в одной отдельно взятой стране. Тогда возникнет и потребность в новом самиздате, только технически она будет удовлетворяться, конечно, не с помощью пишущих машинок и фотоаппаратов, а сканерами и принтерами (отключенных от сети компьютеров) и ксероксами».

Этим хочу закончить, но в заключение еще несколько слов.

Я дважды чуть не вступил в партию. После окончания института я был оставлен на только что образованной кафедре применения математических методов в экономике. Меня тут же вызвал секретарь факультетского партбюро и предложил написать заявление. Особого желания у меня не было, но и отказаться вроде неудобно. Я написал ерническое заявление про желание всегда быть в первых рядах, отдать всю кровь до последней капли и т.п. Секретарь прочитал и велел переписать фиолетовыми чернилами (они не выгорают, а все партийные документы предполагалось хранить вечно) и убрать всякую лирику, оставив ее, как он сказал, «для свиданий с девушками». Тут я взбрыкнул, сказал, что переписывать ничего не буду, если вам надо, то берите как есть. Шел 1962 год, заканчивалась хрущевская «оттепель», о чем пока мало кто догадывался, и мне это все сошло с рук.

В 1967 году я защитил диссертацию, и меня снова стали «кадрить» в партию.

В это время я получил справку о реабилитации отца и сдуру (по совету полковника, выдавшего мне ее в Военной прокуратуре) отнес копию в отдел кадров. У кадровика глаза стали как блюдца: ведь у меня нигде в документах ничего про отца не было написано, просто указано, что отец умер в таком-то году и все. И уже буквально через несколько месяцев, когда меня должны были послать на Кубу читать лекции, на партбюро спрашивают:

— За что у вас сидел отец?

Я отвечаю:

— Ну, раз реабилитирован, значит ни за что.

— Нет, ну а все-таки за что?

— Повторяю. Раз реабилитирован, значит ни за что.

— Ну а по какой все-таки статье?

— Я не знаю, мать мне ничего не говорила, я тогда был ребенком.

— Не откровенны вы с парткомом, товарищ Барбакадзе, — сказали мне и не пустили никуда, и в партию тут же прекратили зазывать, мне было 27 лет, до 30 еще можно было вступать, и меня усиленно агитировали, а тут сразу перестали.

Пронесло, слава Богу.

Юрий Левада

(1930–2006)

Левада Юрий Александрович, родился в 1930 г. в Виннице. В 1952 г. окончил философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Как говорил сам Юрий Александрович, он всегда интересовался социологией, однако в те годы получить знания в этой области можно было лишь на философском факультете. Доктор философских наук, профессор.

В 1956–1988 гг. Ю. Левада работал в научных институтах АН СССР. В 60-е гг. читал лекции по социологии на факультете журналистики МГУ. В 1969 г. был уволен из университета «за идеологические ошибки в лекциях». С тех пор созданный Левадой в начале 60-х методологический семинар, объединивший единомышленников из разных научных сфер, надолго перешел на полуправильное положение.

С 1988 по 1992 г. Ю. Левада был руководителем отдела теоретических исследований создан-

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

ного на волне перестройки Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) под руководством Т.И. Заславской. В 1992 г. Ю. Левада возглавил эту организацию.

С 1994 г. — главный редактор журнала «Социальные и экономические перемены: мониторинг общественного мнения».

Начиная с 1991 г. коллектив ВЦИОМ проводит серии исследований накануне выборов Президента России, выборов в Государственную Думу, в законодательные и исполнительные органы власти регионов страны. Результаты этих исследований всякий раз оказывались близки к официальным результатам, что неоднократно подтверждалось представителями профессионального сообщества.

Весной 1993 г. была запущена самая трудная и значимая исследовательская программа центра — «Мониторинг экономических и социальных перемен», разработанная под руководством Т.И. Заславской. Эта программа, основанная на регулярных социологических исследованиях (шесть массовых опросов населения в год) предоставляет материал для анализа долговременных рядов социологических данных об отношении всех слоев населения России к изменениям в основных сферах социальной и экономической жизни общества.

После всех трансформаций, фактически не менявших статус сложившегося научного коллектива, 6 августа 2003 г. Министерство имущественных отношений РФ приняло решение о преобразовании ФГУП ВЦИОМ в ОАО «Всероссийский центр изучения общественного мнения», которое поставило деятельность Центра под контроль государственных структур и лиц, ранее не связанных с научной деятельностью ВЦИОМ. В этих условиях все сотрудники ВЦИОМ в полном составе перешли на работу в Аналитическую службу ВЦИОМ (ВЦИОМ-А).

Начиная с марта 2004 г. компания работает под новым названием — Аналитический центр Юрия Левады («Левада-Центр») и продолжает программы исследований, начатых в 1990–2000-х гг.

Одним из самых крупных проектов, реализуемых «Левада-Центром», является исследование «Советский человек». Сейчас в распоряжении специалистов не только возможность сопоставительного анализа четырех крупных волн (1989, 1994, 1999, 2003 гг.), но и множество данных «Мониторинга», позволяющих видеть основные моменты социальной динамики российского общества последних 15 лет.

«Левада-Центр» выпускает информационный и аналитический журнал «Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии», который продолжает линию журнала «Мониторинг общественного мнения», издававшегося коллективом специалистов ВЦИОМ в течение 10 лет, с 1993 г. по август 2003 г. (№ 1-66) с периодичностью 6 раз в год. Кроме того, «Левада-Центр» издает ежегодник «Общественное мнение» на русском и английском языках, тематические сборники, а также представляет публикации в различных СМИ.

Ю. Левада — автор нескольких книг, более 200 статей по проблемам социологии, общественного мнения, теории и методологии социологии, социологии религии, социальной антропологии. Автор первого в СССР курса лекций по социологии (МГУ, 1967–1969), книг «Статьи по социологии» (1993), «Есть мнение» (1990), «Советский человек» (1993), «От мнений к пониманию» (2000). Книга «Советский человек» издана на русском, немецком и французском языках.

Это было уникальное, историческое явление

Для чего мы вспоминаем шестидесятников? Для того, чтобы представить себе, при каких условиях это может повториться.

Мне кажется, что это было уникальное, историческое явление, ознаменовавшее собой период общественного пробуждения — мучительного, непослуживательного, но имевшего очень большое значение. Кто были эти люди? Я повторю определение, которое дал мой старый приятель и одноклассник Юра

Карякин: «Это те люди, которые своими глазами видели 37-й год, которые пережили войну и видели ее и достаточно разумными и почти взрослыми увидели XX съезд». Потом им еще удалось многое повидать, но это уже были другие времена.

Конечно, перелом начался не с XX съезда, а с марта 53-го, хотя мы оценили это позже. Помню, в наших тогдашних газетах напечатали высказывание Черчилля: «С его [Сталина] смертью кончилась эпоха». Принять это было трудно: как может кончиться эта великая эпоха? Один вождь умер, ему на смену придет другой. Потом мы поняли, что Черчилль был глубоко прав. А когда 6 апреля появилось сообщение о реабилитации врачей, впечатление было такое (в первый раз! Падение Берия было вторым потрясением основ), что затряслись стены. Стало ясно, что все рассказы о процессах, врагах, борьбе — все это лажа.

Как в докладе Хрущева трактовалась формула «культ личности»? В появившихся летом 1953 года тезисах ЦК КПСС к 50-летию Второго съезда партии (1903 год, начало большевизма), приводились слова Маркса о том, что они с Энгельсом против «суеверного культа личности», понимая под этим преувеличенное внимание к лидерам. Нас же, с подачи XX съезда, на 10 лет заняли вопросом, кто был виноват, Сталин или Ленин, а вот то, что тоталитарный режим куда сложнее и страшнее, чем славословия Сталину, не обсуждалось.

Главное потрясение XX съезда — вслух было сказано то, что люди из моего круга знали, но не думали, что когда-нибудь в жизни услышат об этом с высокой трибуны. Услышали, но с очень серьезной оговоркой: «обсуждению не подлежит», «спору не подлежит». А с теми, кто говорил, что виноваты все лидеры, сама партия, стали расправляться уже через неделю после съезда. Была в «Правде» большая подвальная статья с такими словами: «Партия не потерпит в своих рядах антипартийных высказываний». Дальше волнения в Польше, восстание в Венгрии и т.д. Главный пафос официальных суждений сводился к тому, чтобы ограничить влияние разоблачений Сталина, спасти систему. Даже зародыша самоорганизации общества не было, надежды и ожидания были обращены только вверх — как в стихах Некрасова о «царе-освободителе»: «Славься, народу давший свободу». Надежды возлагали на «Хруща», который не испортился до конца, хотя натворил много глупостей.

Мариэтта Чудакова

Он все-таки немножко испортился.

Юрий Левада:

Ну, портиться он начал с самого начала, он просто был недалек и неглубок.

Шестидесятые годы начались именно в 1956-м (фактически чуть раньше) и закончились конечно в 1968-м, дальше начинаются 70-е, другой период, именно тогда появляется самиздат, после процессов Синявского — Даниэля

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

и преследования подписантов. Тогда произошел раскол между властью и людьми, начались попытки самоорганизации — моральной, идейной и в какой-то степени организационной (правозащитные группы).

Людмила Алексеева:

Это в 70-е годы, но участвовали в этом шестидесятники.

Юрий Левада:

В большой степени участвовали те люди, которые проснулись в 60-е.

Людмила Алексеева:

Ну, которые постарше.

Юрий Левада:

Были и помоложе. Был Солженицын, которому в 1963-м чуть было не присудили Ленинскую премию, а в 70-х он уже самиздатовский автор.

Период преодоления и выдавливания из себя рабского духа был очень тяжелым. В заключение один факт, что называется, из жизни. Я в начале 60-х работал с одним очень симпатичным человеком, иностранным коммунистом, коминтерновцем, который 20 лет просидел, потом вышел таким же, каким сел. Он был наивный человек и прямолинейный. И он рассказывал, как они в лагере собирались на партийные собрания, отдельно от всяких там меньшевиков, которых терпеть не могли, и обсуждали, почему Сталин уничтожает партию и Коминтерн? И пришли к единодушному выводу — он делает это по заданию английской разведки. Они знали, как работает полиция в разных странах, и думали, что на такие наглые, хитрые действия способны только англичане.

Людмила Алексеева:

Если я не ошибаюсь, вы в годы, которые мы обсуждаем, вели знаменитый на всю Москву семинар...

Юрий Левада:

Да, начиная с конца 60-х, когда меня выставили из Румянцевского института (ИКСИ). Тогда семинар не был откровенно диссидентским, это скорее была попытка сохранить свободное думанье, но у нас были люди из диссидентов.

Людмила Алексеева:

Что вы обсуждали?

Юрий Левада:

Все что угодно. Жизнь, общество, историю, культуру...

Людмила Алексеева:

А где собирались?

Юрий Левада:

В разных местах.

Людмила Алексеева:

В квартирах?

Юрий Левада:

Нет, нас было слишком много для квартир, правда, квартирный вариант семинара существовал, и с ним связана своя история, в том числе история предательства. А большой, публичный семинар обычно проходил там, где я работал, — в ЦЭМИ. Иногда народу набивалось до трехсот человек, и начальство начинало беспокоиться. Как-то вызвали в дирекцию и говорят: «Из-за вас один институт разогнали, хотите, чтобы и нас тоже закрыли? Будьте аккуратны». Но это отдельная история, и к сегодняшней теме она не относится.

Людмила Алексеева:

Нет, относится. Я вот помню, как мне про ваш семинар говорили и я очень хотела на него попасть, только не знала, куда идти.

Александр Кабаков, писатель

Кабаков Александр Абрамович, русский писатель, публицист. Родился в 1943 г. в Новосибирске. По окончании механико-математического отделения Днепропетровского университета переехал в Москву, работал инженером и писал прозу.

С 1972 г. работал корреспондентом в газете «Гудок». В это время опубликовал сборник бесед с деятелями культуры на экологические темы. Работал заместителем главного редактора в газете «Московские новости».

Первая опубликованная повесть «Невозвращенец» (1988) принесла Кабакову известность. Действие повести происходит в Москве 1993 г. — в эпоху, именуемую Великой Реконструкцией и отмеченную хаосом и анархией гражданской войны. Главный герой, обладающий способностью путешествовать во времени, оказывается перед нелегким выбором: жить в кошмарном будущем или в относительно безопасной, но гнусной современности.

О том, как творческая энергия преобразует реальность, Кабаков пишет в повести «Сочинитель» (1991), главный герой которой, преуспевающий московский литератор, сочиняет сценарий политического триллера. Персонажи Сочинителя обретают собственную судьбу, самостоятельную волю, начинают участвовать в опасных политических играх. Спецслужбы требуют, чтобы автор сделал своих героев послушными и управляемыми, но Сочинитель не может предать людей, созданных его воображением. В награду за мужество выдуманная и реальная жизнь сливаются в финале повести воедино, и герои приходят на помощь автору.

Ситуация нравственного выбора в экстремальных обстоятельствах так же типична для произведений Кабакова, как помещение фантастических событий в реальную, со множеством подробностей выписанную бытовую среду. При этом ситуация полного благополучия — по крайней мере внешнего — таит в себе не меньше опасностей, чем война или террор. В такой ситуации находятся персонажи романа «Последний герой» (1995). Согласно сюжету романа, в России 2096 г. построен «Ад тоски, окруженный Адом жестокости». Главный герой — представитель московской тусовки, спивающийся ботемный писатель-сценарист-художник. Неожиданно выясняется, что в его жизни есть высокое предназначение: он и его друзья «в костюмах сороковых годов врываются на антикварных автомобилях в странную будущую Россию — сытую и скучную, американизированную и патристическую, тихую и тайно воюющую, живущую по выдуманному календарю в неясном будущем. Впрочем, будущее ли это? У героя и героини есть миссия: своей любовью открыть людям глаза на происходящее вокруг...» (из послесловия автора). В романе «Последний герой», как и в других своих произведениях, Кабаков использует прием, который Р. Арбитман назвал «инъекцией исповедальной прозы в триллер».

После 1995 г. Кабаков пишет в основном публицистику. Печатается в газете «Коммерсант» и других периодических изданиях.

Мы не дети шестидесятников, мы их младшие братья

Я отношусь примерно к той же генерации, что и господин Сабуров. Это поколение очень точно было определено по отношению к шестидесятникам названием фильма, снятого по повести В. Аксенова «Звездный билет». А фильм назывался «Мой младший брат». Мы не дети шестидесятников — мы их младшие братья. Что такое младшие братья? Люди, у которых они были и есть, примерно себе представляют. Это множество комплексов, задавленных сначала, потом торжествующих, и вообще довольно сложные отношения со старшим братом. И этим, на мой взгляд, во многом определяются отношения семидесятников и шестидесятников. Они стали еще более сложными, когда шестидесятники стали определяющими фигурами в общественных отношениях, я имею в виду время перестройки. В частности, я работал у Е.В. Яковлева, и однажды мы с ним чуть не попали в аварию, потому что я, в то время как он вел машину, сказал, прошу прощения, что «ваш Ленин — говно». Яковлев бросил руль, и мы едва не столкнулись с автобусом. Это был, заметьте, уже 1989 год. Вот этим и определяется разница поколений.

Я советскую власть ненавижу с 13 лет, и я удивляюсь, почему люди, которые были старше меня, ждали до 1968 года. А возненавидел я советскую власть, коммунизм, Хрущева — заметьте, не Сталина, с которым я тогда уже разобрался, хотя у меня никто не был репрессирован, а Хрущева — за Венгрию. Когда мне было 13, я читал «Комсомольскую правду» и рассматривал фотографии, на которых было подавление народной революции: танки против обычных людей, молодых, почти таких, как я. Хотя в подписях к фотографиям, естественно, говорилось, что это «черные контрреволюционные силы» и т.д. Закрытое письмо ЦК КПСС я, конечно, украл у старших и прочитал, но не оно мне открыло глаза, я его не совсем понял, а то, что произошло в Венгрии.

Что я думаю о шестидесятниках? На мой взгляд, если говорить о поколении, они делились на две категории: номенклатура и подполье. Среди номенклатурных были, например, А.Н. Яковлев, Аджубей и т.д. Один очень известный, яркий демократ, шестидесятник, в свое время другого шестидесятника, моего друга, исключал из комсомола. Иными словами, шестидесятники делились на тех, кто исключал, и тех, кого исключали, и это неравные части. Но у них было и нечто общее: и те и другие были элитой коммунистического общества, советского общества. И как всякая элита, она была одновременно и вершиной, и продуктом вырождения, вырождения с точки зрения адекватности коммунистическому обществу.

Если коммунизм начинают анализировать, он гибнет. Если его начинают улучшать, как улучшал Горбачев, он гибнет очень быстро. Таким образом, продукт коммунистического общества — «шестидесятническая» элита была од-

новременно вершиной того, что создал коммунизм, в России по крайней мере, и продуктом его вырождения. Шестидесятники сыграли в крахе тоталитарного режима роль подобную той, какую играет смертельная болезнь — одновременно и продукт организма, и его убийца. Убив организм, болезнь убивает себя. Так же шестидесятники победили коммунизм: они уничтожили организм, в котором развились, они уничтожили почву, на которой выросли, и этим же объясняется их, скажем так, горестная судьба в постсоветское время.

Какое послание они могут адресовать следующему поколению? Я думаю, вот какое: всякое реформирование может обернуться против реформаторов и вытеснить их из реформируемого объекта. Реформы, если их не удержать, всегда идут вразнос, по крайней мере, в России так происходит всегда. И поэтому смело реформировать что бы то ни было, от маленького учреждения и собственной семьи до страны, могут две категории субъектов: либо из другого территориального пространства, снаружи, то есть иностранцы, как реформировали побежденные Германию и Японию, либо тоже из другого пространства, но временного, а именно другие поколения. Если же ты хочешь вытащить себя из болота за волосы, как Мюнхгаузен, то из этого ничего не получится. А идея шестидесятничества заключалась именно в этом.

Поймите правильно, я не предъявляю претензий к шестидесятникам, я просто смотрю на них спокойным, «посторонним» взглядом. Я очень люблю людей такого склада, кроме того, тяготею к тем, кто старше меня. И пророческие название «Мой младший брат» для меня обернулось литературной судьбой: в литературе я строго «младший брат» В.П. Аксенова, чем меня любят попрекать критики. Вот я и отношусь к шестидесятникам, как младший брат, с уважением, с безграничной любовью, но трезво.

Дело в том, что в нашем поколении очень рано сформировалось несколько ключевых позиций по отношению к советской власти, к коммунизму. Главное — мы считали эту власть по самой ее сущности преступной и античеловеческой. Например, с третьего курса университета я едва не был изгнан за срыв комсомольского собрания, на котором обсуждалась встреча Хрущева с интеллигенцией. А срыв заключался в том, что я выступил и сказал, что никаких нарушений социальности при Сталине не было, потому что сама социальность была людоедская. Мне в руки тогда попала публикация, из которой я узнал, что в Уголовном кодексе СССР 1932 года был предусмотрен расстрел 12-летних детей за преступления против государства. Такая вот была законность, социалистическая.

Не было у меня иллюзий и в отношении несправедливо репрессированных, помните такую формулу? Я помню, как обрадовался, когда прочитал, кажется, в «Пушкинском доме» Битова, как старик говорит: «Кто несправедливо репрессирован? Я?! Я справедливо репрессирован!» Мне были близки такие «справедливо репрессированные» сознательные враги советской власти. Я не только по литературной линии боготворил и боготворю И.А. Бунина —

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

я преклоняюсь перед его непримиримым отношением к коммунистам. И это вообще характерно для нашего поколения. Во всяком случае, для той его части, которое заслуживает имени «семидесятники», как только часть поколения заслуживает имени «шестидесятники» — прочие, как правильно было сказано, были обычными советскими людьми.

Нам очень рано стало ясно, что всякая игра с дьяволом заканчивается очень плохо, и ушли от этой игры, углубились в частную жизнь, пили водку... Мы уходили в истопники и сторожа, а не в секретари комитета комсомола, как Лен Карпинский. Меня и от комсомола тошнило, и от партии Бог уберег. Один раз не приняли в армии, отвергли на этапе обсуждения, потому что комсорг сказал, что «жидов не надо». Второй раз не приняли уже в редакции газеты, потому что парторг рассчитывала на лирическое развитие отношений, а с моей стороны было полное и мужское, и идейное отторжение... Мне повезло, что не вступил. Но даже если бы и вступил — мы это рассматривали исключительно как лицемерный компромисс ради работы, а не как возможность влиять на партию изнутри.

Мариэтта Чудакова:

Я вполне понимаю вашу дистанцированность от шестидесятников, потому что считала и считаю, что после 1956 года решение вопроса о Ленине и Октябрьском перевороте было делом техники. Но дело не в этом, а в том, что именно шестидесятники проделали огромную работу в конце 80-х годов — вспомните того же Егора Яковлева и его «Московские новости»! Что же вы, семидесятники, эту работу не продолжили? Сегодня на вопрос, заданный в «Вечерке»: «А вы готовы осудить коммунистический режим в СССР?» — Юрий Борисов, профессор Дипломатической академии МИД отвечает: «Только люди без совести и чести могут осуждать коммунистический режим в СССР». Не вы ли, «младшие братья», так все запустили?

Александр Кабаков:

Я глубоко убежден, что до тех пор, пока будет востребовано подвижничество, оно всякий раз будет приводить к одному и тому же результату. Можно вспомнить XIX век, начало XX века и т.д. А вот Коржавин написал, на мой взгляд, совершенно верно: «Кому мешало, что ребенок спит?»

Мариэтта Чудакова:

Причем тут подвижничество?

Александр Кабаков:

А это они, подвижники, кого не надо будили...

Алла Гербер, президент фонда и сопредседатель центра «Холокост»

Гербер Алла Ефремовна, писатель, критик, публицист, депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ первого созыва (1993–1995). Родилась 3 января 1932 г. в Москве. В 1956 г. окончила юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова; работала в адвокатуре. С 1957 г.

занималась профессиональной журналистикой, работала в газете «Вечерняя Москва», журналах «Юность», «Журналист», «Культура и жизнь», в 1970–1973 гг. — редактор на киностудии им. Горького, в 1973–1978 гг. — обозреватель журнала «Советский экран», с 1978 г. — свободный журналист. С 1985 г. активно включилась в общественную деятельность, стала членом независимого движения писателей «Апрель», входила в координационный совет движения «Демократическая Россия», стала одним из организаторов и членом совета Российского антифашистского центра. С 1993 г. — участница движения «Выбор России», в декабре 1993 г. была избрана депутатом Государственной Думы РФ по Северному избирательному округу № 199 (г. Москва), была членом фракции «Выбор России», членом Комитета Госдумы по образованию, культуре и науке. В 1994 г. — член инициативной группы партии «Демократический выбор России», избрана членом Политического совета партии. Выступала в печати как кино- и театральный критик, автор публицистических выступлений против антисемитизма и фашизма; опубликовала книги «Один на один» (1969), «Беседы в мастерской» (1981), «Судьба и тема: этюды об Инне Чуриковой» (1986), «Мама и папа» (1994) и др. Член Союза писателей и Союза журналистов.

Шестидесятничество — это прежде всего состояние души

Меня в журнале «Юность» называли «наша простая шестидесятница», потому и говорить я буду от имени шестидесятников, с полным осознанием своего «шестидесятничества».

Я никогда не была в партии, из комсомола меня исключили за сокрытие анкетных данных: когда поступала в институт, не написала в анкете, что папа сидел в Тайшетских лагерях по 58-й статье, а написала «последнее место работы отца такое-то, последнее место работы матери такое-то». Я не солгала, но и не сказала правды. В журнал «Юность» я пришла сразу после окончания института — девочка с косичками, полная жажды свободы, любви, раскованности и дружбы. «Когда мы были молодые и чушь прекрасную несли» — это было то состояние, с которым мы все, тогда очень юные, объединились вокруг «Юности».

Это чувство свободы и жажда свободы проявлялись тогда во всем — и в том, что говорили и о чем пели, и в бесконечных романах (свобода!), и в дальних командировках, из которых привозили «смелые» статьи, где главное было между строк или в одной строке — самой, как казалось, острой. Но это казалось и главному редактору, и сколько было переживаний, когда именно эту строчку он вычеркивал.

Ах, свобода! «Сегодня парень водку пьет, а завтра планы продает... / Сегодня парень в бороде, / А завтра — где? В НКВДе». И припев был: «Свобода, б., свобода, б., свобода». Но и такой свободой мы упивались. Мы мчались во все концы страны на зов читателя, на помощь ему, на встречу с ним. Где бы я ни была, люди всегда спрашивали: «Ну что там у вас нового в "Юности"; в "Новом мире"»?». Шестидесятники, которые сплотились вокруг этих журналов, были вместе, и при этом каждый был единственным, индивидуально обозначенным. Они подорвали основу, на которой выросли. Они дали новые сло-

---

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

ва, растревожили мысль, разбередили душу. Шестидесятничество — это прежде всего состояние души.

Мы прекрасно понимали, в какой стране живем, но не были революционерами, что правда то правда, мы не собирались свергать режим. «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется», но мы как раз больше всего верили в слово, в его чудодейственную силу. Мы преувеличивали его возможности и будто знали, вопреки поэту, как оно отзовется. Да, это был романтизм, за что нас упрекали восьмидесятники, но романтизм активный, страстный, исполненный пусть наивной, но веры в его действенную силу. У романтизма короткая жизнь. Поэтому так быстро шестидесятники стушевались, разочаровались, сникли, стихли, ушли в себя.

Когда я пошла в Думу, то услышала от своих друзей-шестидесятников: «Зачем тебе это надо?» Они прекрасно знали, что мне лично ничего не надо. И все-таки: «Зачем? Пора расставаться с нашим романтизмом...»

Твардовский когда-то сказал: «Делать что-то надо. Надо что-то делать!» Я рванула в демократическое движение, как когда-то в многочисленные командировки.

Я тяжело пережила 1968 год, когда самые мужественные вышли на Красную площадь в поддержку Чехословакии (вспомним и назовем их: Наталья Горбаневская, Людмила Богораз, Павел Литвинов, Вадим Делоне, Виктор Файнберг, Константин Бабицкий, Владимир Дремлюга. — *Прим. сост.*). Меня, как и многих шестидесятников, там не было. Вот когда я поняла, что я не простая шестидесятница, а типичная советская шестидесятница. Я не знала тогда этих людей, но если бы и знала, то не уверена, что была бы рядом с ними.

Если за что-то и упрекать шестидесятников, то не за безумства молодости, когда «чушь прекрасную несли» (поэзия, проза, театр, живопись, музыка, кино!!!), а за то, что быстро устали, и, когда появилась возможность не только говорить и творить, но и что-то делать, они ушли. Не все, конечно, но многие. Слишком рано.

Евгений Ясин:

Дорогие друзья, колоссальное спасибо вам всем за внимание к теме, за искренность, за мысли, которые в соединении с эмоциями особо ценны. Нам бы очень не хотелось, чтобы будущая встреча поколений в театре на Таганке превратилась в некий мемориал, когда сидят и обмениваются воспоминаниями пожилые люди. А вот если выступления будут такими же страстными, как сегодня, — это то, что нужно. Потому что нужно именно послание — прежде всего следующему поколению, которое сейчас оказывается в положении семидесятников.

Я потому заговорил о семидесятниках, что, с моей точки зрения, развилка была как раз на рубеже 70-х. Если до 1968 года я верил, что из коммунистической идеи что-то еще может выйти, то после понял — все, разделять эти иллюзии невозможно. Уход семидесятников в частную жизнь был способом

укрыться от КГБ. Именно тогда произошел важный раскол, когда большая часть интеллигенции отвернулась от власти. А после 70-х были 80-е, уже пошла перестройка, и мы говорим нашему молодому поколению: «То, что есть сегодня, — это не навсегда».

Но самое главное, что хочется донести до молодых, — это то, что в России всегда жила идея свободы, идея справедливости. Вы говорите, шестидесятники тянулись к социализму? Да, они не знали, к чему тянуться. Но при этом твердо знали, что хотят свободы, хотят справедливости и то, что было раньше, — было несправедливо, плохо. Сегодня мы сталкиваемся с тем же самым. Можно сколько угодно говорить об исторических реформах, о возникновении новой России, нового общества, рыночной экономики, капитализма и т.д., но давайте признаем, что в нравственном отношении, в отношении вот этих идей свободы и справедливости, мы очень многое потеряли. И не надо даже самым преданным сторонникам Гайдара закрывать глаза на нравственные потери, на то, что нравственная, социальная ткань была в значительной степени разорвана. При всех объективных обстоятельствах, это факт. Многие порядочные люди чувствовали себя не у дел. Теперь — другое, теперь вместо олигархов — бюрократы. Так что нравственный призыв шестидесятников к следующим поколениям будет чрезвычайно своевременным.

Я не считаю, что все шестидесятники ратовали за социализм с человеческим лицом, — там были очень разные люди. Например, А.Н. Яковлев, сугубый аппаратчик, но с совестью и головой на плечах, умеющий думать. А поскольку другой элиты в России, кроме номенклатуры, не было, он вынашивал шестидесятнические идеи в этой среде. Там был и Горбачев, которого я, правда, не считаю в интеллектуальном и нравственном отношении столь же значительной фигурой, были и другие. В институте, где работал И.М. Клямкин, было целое созвездие: Лацис, Кривошеев... Многие и сейчас там работают: Лисичкин, Шмелев, Лилия Шевцова. Есть все-таки преемственность поколений, и в России должна быть передана идея свободы. Мы должны сказать молодым людям, что свобода у нас не умирала никогда.

После XX съезда у каждого появилась возможность подумать о том, что у него на душе и какая у него идеология. И стало ясно, что традиционные для России идейные течения воспроизводятся. Снова появились националисты, которых начиная с Александра III всюду выдвигали, а при советской власти гноили. Левые как были, так и остались, слава богу. И наконец, либералы. Мне кажется, что многообразие, которое появилось тогда, надо сохранять, нравится нам это или не нравится. Ведь это ткань нашей жизни, это российское общество.

Дима Быков как-то сказал: «В истории России 60-е годы всегда играли очень важную роль». Действительно, 60-е в XVIII веке — это время Екатерины Великой, Новикова, Фонвизина, Радищева, в XIX веке — эпоха Александра II, о 60-х прошлого столетия мы вспоминали сегодня. А потом наступает другая полоса.

ВСТРЕЧА ПОКОЛЕНИЙ В ТЕАТРЕ НА ТАГАНКЕ

В Москве 1 марта 2006 года в театре на Таганке по случаю 50-летия секретного доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС собрались Василий Аksenov, Мариэтта Чудакова, Марлен Хуциев, Татьяна Заславская, Людмила Алексеева, Гавриил Попов, Ирина Хакамада, Никита Белых, Владимир Рыжков, Алексей Симонов, Александр Архангельский, Татьяна Малкина, Арсений Рогинский, Александр Аузан и другие.

Шестидесятники и те, кто пришел им на смену... В качестве ведущих выступили Ирина Ясина и Петр Вайль.

Бойцы вспоминают минувшие дни

Ирина Ясина, директор проектов фонда «Открытая Россия»

Ясина Ирина Евгеньевна. Родилась в 1964 г. в Москве. В 1986 г. с отличием окончила экономический факультет МГУ, в 1990 г. — аспирантуру, кандидат экономических наук.

Экономист по образованию, журналист по призванию. В настоящее время работает в благотворительном фонде «Открытая Россия» директором проектов. Занимается образовательными программами для журналистов региональных электронных и грантовых СМИ. До этого работала репортером в информационном агентстве «Интерфакс», редактором отдела финансов в газете «Московские новости», была создателем агентства «Прайм-ТАСС», экономическим обозревателем газеты Moscow Times, журнала «Итоги», радиостанции «Эхо Москвы». Работала директором департамента общественных связей Центрального банка РФ.

Дорогие друзья, мы начинаем. Я очень рада, что мы находимся в этом зале. Огромное спасибо Юрию Петровичу Любимову за то, что он нас сюда пустил и терпит эту ассоциацию единомышленников.

Юрий Любимов:

Я рад, что мы все собрались здесь. Это действительно стены шестидесятников, где мы можем спокойно поговорить и о прошедшем, и о грядущем.

Петр Вайль, культуролог, журналист, писатель

Вайль Петр Львович, родился в 1949 г. в Риге. Закончил редакторский факультет Московского полиграфического института. В 1977 г. эмигрировал в США и работал в различных эмигрантских периодических изданиях в Нью-Йорке. С 1988 г. работает на Радио Свобода, вначале в нью-йоркском бюро, где впоследствии возглавил отделение Русской службы, в настоящее время — в Праге, ответственный редактор тематических программ.

Автор многих статей и эссе в России и за рубежом, удостоен нескольких литературных пре-

мий. Совместно с А. Генисом опубликовал несколько книг, в том числе «60-е: мир советского человека», «Американа», «Русская кухня в изгнании», «Родная речь». Составитель сборников И. Бродского «Рождественские стихи» и «Пересеченная местность» и автор послесловий к ним, соавтор (с Л. Лосевым) книги «Иосиф Бродский: труды и дни». В 1999 г. в издательстве «Независимая газета» вышла книга П. Вайля «Гений места».

Шестидесятые разрушили большой стиль

Я недавно побывал в Историческом музее на выставке «Оттепель», небольшой, но очень интересной, и лишний раз почувствовал, что 60-е годы — это история. Не только потому, что прошло полвека, но и потому, что в эти десятилетия вместились несколько России. На этой выставке среди документов и фотографий есть некоторые материальные объекты. Самое интересное — головные уборы. Там фуражка Сталина, которая была прикреплена на его гроб 9 марта 1953 года — в козырьке видно аккуратно просверленное отверстие для шурупчика. Фетровая шляпа Хрущева в диком эклектическом соседстве с его же вышитой украинской рубахой. И кепка Окуджавы. Это особенно интересно. Того самого Окуджавы, которого многие в этом зале знали, с которым дружили. Его кепка уже музейный экспонат, как какая-нибудь боярская шапка или петровская треуголка.

Что касается эклектики 60-х — рубахи со шляпой, принадлежавших широму парубку, с претензией на некоторую западную интеллигентность, то, может быть, это одно из главных достижений эпохи. Смещение стилей, разрушение большого стиля, того самого, которым сейчас можно эстетски любоваться, глядя на московские высотки, фильм «Падение Берлина» или живописное полотно «Конный переход жен начсостава». Но 60-е разрушили этот большой стиль. Как нас учили в армии по строевому уставу — койки должны быть заправлены единообразно. Вот единообразие было нарушено, стало ясно, что можно по-разному. И то, что «можно по-разному», было поразительным достижением. Другое важнейшее достижение — установка на нравственность в подходе к любым проблемам, к политике, к экономике, к социальным вопросам. В конечном счете, это опирается на здравый смысл. Потому что все мы знаем по собственному жизненному опыту, что часто приходится поступать исходя из тактических соображений или соображений пользы, выгоды. Но когда не знаешь, как поступить, всегда стоит поступить по совести, то есть сделать нравственный выбор и даже сиюминутный проигрыш на длинной дистанции оборачивается выигрышем. Это тоже 60-е.

Сейчас в российском обществе сильный разрыв исторического сознания. Простой пример. По одному и тому же государственному каналу можно посмотреть огромной художественной разоблачительной силы документальный фильм о страшных деяниях 30-, 40-, 50-х годов и после этого актуальный репортаж, в котором прославляется власть, объявившая себя преемником людей с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками. Это поразительный

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

разрыв в сознании. Когда первые европейцы приехали в Австралию, они обнаружили, что аборигены не видят разницы между фактом зачатия и фактом рождения. У нас наблюдается то же самое — нет связи. Может быть, как раз память о 60-х поможет преодолеть этот разрыв исторического сознания.

Ирина Ясина:

Мы сегодня будем очень много говорить о ровесниках. Вот я, например, ровесник театра на Таганке — мы оба родились в 1964 году. Юрий Петрович, прошу вас, расскажите, как вы восприняли пришедшую свободу.

Юрий Любимов, художественный руководитель Московского Театра драмы и комедии на Таганке, народный артист России

Любимов Юрий Петрович, родился в 1917 г. в Ярославле. Русский режиссер и актер. Народный артист РСФСР (1991), лауреат государственных премий (1952 и 1997). Создатель и художественный руководитель театра на Таганке.

В 1934 г. Ю. Любимов поступил в студию при МХАТ-2, основателем которой был М. Чехов. Здесь в 1935 г. состоялся его сценический дебют.

В том же году поступил в училище при Театре им. Евг. Вахтангова. Именно здесь началась его «первая творческая биография», связанная с серьезным актерским успехом. В студенческие годы Ю. Любимов сыграл на сцене театра им. Вахтангова ряд ролей (в спектаклях «Принцесса Турандот», «Много шума из ничего», «Человек с ружьем» и др.). Тогда же произошла знаменательная встреча с В.Э. Мейерхольдом, обратившим внимание на молодого артиста. В 1937 г. студент Любимов даже присутствовал на нескольких репетициях Мейерхольда (спектакль «Борис Годунов»). Возможно, это стало провозвестником будущей «режиссерской» биографии Любимова.

После окончания училища в 1940 г. был призван в армию. К началу Великой Отечественной войны отозван в Ансамбль песни и пляски НКВД. С этим ансамблем прошел всю войну, выступая в роли конферансье и разыгрывая интермедии порой в непосредственной близости от линии фронта.

Демобилизовавшись, в 1947 г. возвратился в театр им. Вахтангова и стал ведущим артистом труппы. За 18 лет работы в этом театре сыграл около 30 ролей классического и современного репертуара. Параллельно с работой в театре много снимался в кино.

В 1963 г. Ю. Любимов показал на сцене Щукинского училища спектакль «Добрый человек из Сезуана» по пьесе Б. Брехта, подготовленный со студентами третьего курса, после чего ему вскоре было предложено возглавить Театр драмы и комедии, располагавшийся на Таганской площади.

Основное ядро труппы нового театра базировалась на студентах Любимова только отчасти. Туда вошли и некоторые актеры прежнего театра (в частности, В. Смехов и Г. Ронинсон), а также приглашенные, тщательно отбираемые режиссером артисты «со стороны» (В. Высоцкий, В. Золотухин, В. Филатов и другие, которым «Таганка» обязана своей звездной славой). Объединить труппу едиными эстетическими принципами, сплотить ее в коллектив единомышленников, исповедующих новую эстетику, было под силу лишь незаурядному руководителю. Тогда же Ю. Любимов создал и уникальный худсовет театра, куда вошли выдающиеся ученые П. Капица и Г. Флеров, известные писатели и поэты А. Твардовский, Н. Эрдман, Ю. Трифонов, Б. Можжев, Ф. Абрамов, Ф. Искандер, А. Вознесенский, Е. Евтушенко, Б. Ахмадулина, Б. Окуджава, театральные критики Б. Зингерман, К. Рудницкий и А. Аникст, композиторы А. Шнитке и Э. Денисов, кинорежиссеры С. Параджанов и Э. Климов. Никто из них не был «свадебным генералом»: каждый член художественного совета вносил свою лепту в становление и общественное признание театра на Таганке.

К середине 70-х театр на Таганке приобрел мировую известность. Его славу составили такие спектакли Ю. Любимова, как «Десять дней, которые потрясли мир», «Павшие и живые», «Жизнь Галилея», «Послушайте», «Пугачев», «А зори здесь тихие», «Гамлет», «Деревянные кони», «Обмен», «Мастер и Маргарита», «Преступление и наказание», «Дом на набережной» и др.

В начале 80-х ситуация вокруг театра на Таганке накалилась до крайности. Один за другим запрещаются не только спектакли («Владимир Высоцкий», «Борис Годунов»), но и репетиции спектакля «Театральный роман». А в 1984 г., в то время как Ю. Любимов был в Англии на постановке спектакля «Преступление и наказание», его освободили от должности художественного руководителя театра на Таганке и лишили советского гражданства. Имя Любимова сняли со всех афиш и программ театра.

Так началась следующая, зарубежная, жизнь Любимова.

В 1989 г. он вернулся на родину. Его имя было возвращено на афиши и программки; восстановлены спектакли «Владимир Высоцкий» и «Борис Годунов». Выпущен и спектакль «Живой» по Б. Можаяву — через 21 год после его запрета. Однако полного «возвращения на круги своя» быть не могло: изменение политической формации закономерно повлекло за собой изменения общественной и социальной психологии. Коллектив театра, в едином порыве противостоявший в годы застоя политическому давлению, потерял былую слитность, нерасчленимость. В 1993 г., после полугодового конфликта, значительная часть коллектива «Таганки» выделилась в отдельный театр.

Любимов нашел в себе силы снова, в который раз, начать все заново. После возвращения он поставил ряд классических спектаклей («Пир во время чумы» А.С. Пушкина, «Самодубица» Н. Эрдмана, «Электра» Софокла, «Живаго (Доктор)» Б. Пастернака, «Медея» Еврипида, «Подорожник» Ф.М. Достоевского).

С 1997 г. Ю. Любимов отказывается от контрактов на Западе, решив полностью посвятить себя театру на Таганке. Премьера следует за премьерой («Хроники» У. Шекспира, «Евгений Онегин» А.С. Пушкина, «Театральный роман» М. Булгакова, «Марат и маркиз де Сад» П. Вайса, «Шарашка» по А. Солженицыну и др.); театр постоянно выезжает на зарубежные гастроли; в 2001 г. Любимов набрал новый курс актеров музыкального театра в РАТИ (бывший ГИТИС).

Я пытался сохранить этот театр

В чем состояла минимальная честность шестидесятников? Они старались как-то выкрутить, что-то отразить, где-то маневрировать. Спектакль выиграть, не дать его искалечить, осторожно дискутировать ночами на кухне. Мы старались делать дело. Я пытался сохранить этот театр. А потом вдруг у меня отняли ту половину, где я многое сделал. К ельцинскому периоду я никак не мог привыкнуть, хотя мне и помогал Г.Х. Попов.

Я ценю друзей, которые были со мной всегда. Того же Булата Окуджаву, который выступал на этой сцене с Владимиром Высоцким, проработавшим здесь всю свою жизнь. Я помню моих друзей-писателей — Бориса Можаява, Юрия Трифонова, Федора Абрамова. Последний на встрече в моем кабинете с высокими чинами из Министерства культуры бурно отстаивал свое произведение, показывал раны, кричал: «Что вы меня учите?!» и задирали рубаху, там у него были швы от мины. Доведенный до бешенства, он разбросал телефоны. И они притихли. И начали говорить: «Спокойно. Сейчас принесем чайку с ба-

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

раночками. Давайте искать выход». Мы добавляли «и с печеньницами», когда нас вызывали туда, как в «Бесах».

Петр Вайль:

Литературные вехи той эпохи — рассказы «Жаль, что вас не было с нами» и «Затоваренная бочкотара». Поскольку все в жизни рифмуется, «Бочкотара» вышла в августе 1968 года...

Василий Аксенов:

1967-го.

Петр Вайль:

1968-го.

Василий Аксенов:

Но не в августе.

Петр Вайль:

По-моему, в августе или в июле, когда государство уже покатило не бочкотару, а танки по чужой земле.

Василий Аксенов, писатель

Аксенов Василий Павлович, советский русский писатель. Родился в 1932 г. в Казани в семье партийного работника. Родители были репрессированы, и до 16 лет Аксенов воспитывался в детском доме, затем у тети. Жил в Магадане, где находилась на поселении его мать, Евгения Гинзбург, автор книги «Крутой маршрут». В 1956 г. Аксенов окончил Ленинградский медицинский институт, работал врачом.

Печататься начал в 1959 г., известность приобрел после публикации в журнале «Юность» повести «Коллеги» (1960), по которой вскоре был снят кинофильм. Написанные в начале 60-х повести «Звездный билет» (1961), «Апельсины из Марокко» (1963), рассказы «Местный хулиган Абрамшвили» (1963), «Товарищ красивый Фуражкин» (1963), «Жаль, что вас не было с нами» (1965) и др. сделали Аксенова ярким представителем литературного направления, обозначенного критикой как «молодежная проза».

В повести «Затоваренная бочкотара» (1968) герои подчеркнута деидеологизированы, как и сюжет произведения. Их объединяет любовь к «главному персонажу» повести — затоваренной бочкотаре, которую все они любят и уважают, как живое существо.

Главный герой романа «Ожог» (1975) как бы состоит из пяти персонажей, объединенных общим отчеством. С этим связана сложная композиция романа: каждый эпизод описывается несколько раз — как происходящий с разными «составляющими» героя.

Лирическое, романтическое начало определяет и тональность романа «Остров Крым» (1979). В основе сюжета лежит вымышленное стечение обстоятельств, вследствие которого Крым после революции не был завоеван Красной Армией и здесь развивается капитализм по-русски: с мощной экономикой, свободой слова и демократией.

В 1979 г. Аксенов стал одним из организаторов и авторов бесцензурного литературного альманаха «Метрополь». В том же году вышел из Союза писателей СССР. В июле 1980 г. он временно выехал в США, где узнал о том, что его с женой лишили советского гражданства. Аксенов поселился в Вашингтоне, стал преподавателем университета.

В США Аксенов написал по-английски роман «Желток яйца» (1989), который впоследствии перевел на русский язык. Используя вымышленный дневник Достоевского, в котором великий писатель якобы спорит с Марксом «о сути коммунизма и о природе человечества», Аксенов, по его

словам, пытался в этом романе «найти некоторую модификацию определенного американского типа». Эти же поиски лежат в основе двух произведений Аксенова об Америке — «Круглые сутки нон-стоп» (1976) и «В поисках грустного беби» (1987).

В трилогии «Московская сага» (1992) Аксенов рассказывает о трех поколениях семьи русского врача Бориса Градова. Действие начинается в середине 20-х и заканчивается в начале 50-х. Дети и внуки Градова, московские интеллигенты, воплощают в своих судьбах судьбу страны: участвуют в подавлении Кронштадтского мятежа, служат в армии, подвергаются репрессиям, становятся видными военачальниками или верующими.

Попытка осмыслить новое время, начавшееся с перестройкой, предпринята в романе «Новый сладостный стиль» (1996).

Это не простые герои. Эти ребята — шестидесятники

Были и те, на кого не повлияла «Затоваренная бочкотара». Например, на партийного журналиста Юрия Жукова, который тогда писал в «Правде»: «Наши ребята на танках вошли в Прагу»...

Термин «шестидесятники», собственно говоря, утвердился в сознании широкой публики уже в разгаре перестройки и в 1990 годы. Тогда он созрел в том понимании, в каком сейчас существует. Но я помню, когда я впервые его услышал. Вышел мой роман «Коллеги», первая половина в шестом номере 1960 года, а вторая — в седьмом. И в июле же был пятилетний юбилей журнала «Юность» — авторы и редакция собрались на бал в ресторане «Будапешт». В разгаре бала внесли новые выпуски шестого номера, открыли — там моя повесть. И предисловие Станислава Рассадина, где он написал: «Это не простые герои. Эти ребята — шестидесятники». А Валентин Петрович Катаев, налив себе стакан хорошего красного вина, прошествовал через весь зал и сказал мне: «Пью за ваш роман, старик». Что меня поразило — я был еще доктором, а меня уже называют «старик». Это было замечательно.

А вообще, если говорить о тех явлениях, которые начались в обществе, то я могу себя назвать скорее пятидесятником, чем шестидесятником. Во-первых, я прозрел гораздо раньше, чем другие. Я уже в 16 лет знал, что такое Софья Власьевна и ее передовой отряд. Потому что приехал на место ссылки мамы — Евгении Гинзбург. И не то чтобы она мне рассказывала, что на самом деле происходит, а просто я своими глазами видел. Она как раз очень осторожна была и никогда мне ничего не раскрывала, боясь, что я где-то проговорюсь. Но я все это увидел и через два года, закончив школу, уехал оттуда уже абсолютнейшим антисоветчиком, прошу прощения у тех, кого это слово до сих пор оскорбляет.

После смерти Сталина как-то все странным образом очень стремительно стало сдвигаться. Меня всегда поражало, как быстро люди забывают диктатуру. Скажем, в Испании был Франко, и, казалось бы, большинство его обожали, считали спасителем страны. И вдруг забыли все про него через полгода. Как будто и не было никакого Франко, уже европейские принципы, уже де-

---

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

мократия. У нас тоже произошла страшная, космическая катастрофа, которую даже представить себе нельзя было, — смерть Сталина, и вдруг быстро-быстро стало все сдвигаться. Я помню, как в Ленинграде стали появляться из запасников Эрмитажа картины Пикассо, Матисса, происходить идейные схватки вокруг выставок живописи. Почему-то живопись была тогда самой животрепещущей темой, и дело доходило до рукопашной. Я это испытал на себе. Вдруг «оттепель». Сам роман «Оттепель» был темой дискуссии уже к концу 1954 года. В 1955 году — «Не хлебом единым», литературный сборник «Москва», совершенно диссидентский сборник, что поразительно, потому что среди его участников было 28 лауреатов сталинской премии. Потом начали приезжать западные театральные коллективы и джаз-банды, очень хорошо помню ночные очереди за билетами — жгли костры, грелись, записывались в сотни.

Я даже описал однажды некоторое совершенно невероятное для себя впечатление. Я шел на институтский бал, Петроградская сторона вся залита водой (осенью 1955 года было наводнение), я вышел к Неве. И вдруг увидел, как во мраке, в сумерках стоит какой-то гигант, прямо напротив Зимнего дворца. Это был британский авианосец «Триумф», а с ним четыре миноносца — визит доброй воли британского флота. Повсюду матросы. Веселые, пьяные, наглые. И девчонки. Что это было? Сон, мираж...

Все говорят, что никто якобы не знал о выступлении Хрущева. Как мне помнится, студентов собрали в главной аудитории, и были зачитаны выдержки из этой речи. Кстати говоря, продолжение следовало. Уже через полгода было колоссальное разочарование и похмелье, когда танки въехали в Будапешт и стали колотить направо и налево, не разбираясь. Десять тысяч молодежи было убито. Об этом никто не говорил почему-то. Станным образом даже среди людей либеральных никто не считал этих погибших. Вот что удивительно. Это был предвестник площади Тянь-Аньмын, где, говорят, было убито 30 тысяч молодых людей.

У нас в институте было очень много студентов венгров. И как раз одного из них мы видели в кинохронике на баррикаде с автоматом. Зигмунд Тодт — молодой доктор. Его ранили, посадили в тюрьму, и он несколько лет там провёл. Многие студенты вышли на демонстрацию 7 ноября с лозунгами «Руки прочь от Венгрии!». Много людей попали в тюрьму, в лагеря, говорят, 700 человек. Я некоторых из них встречал уже после распада СССР, они получали удостоверения жертв политических репрессий.

Сегодня утром в новостях я слышал удивительную вещь. Наш президент, Путин, выступая в Будапеште, сказал, что, конечно, современная Россия не похожа на Советский Союз тех времен, но тем не менее мы все испытываем неловкость при воспоминании о том, что тогда произошло. Петр Вайль уже говорил о разрыве сознания. Мы действительно живем в шизофренической стране, наше сознание расколото, и мы никак не можем преодолеть эту нелов-

кость по отношению не только к Венгрии, но и к очень многим явлениям. Я думаю, что это одна из главных целей, в том числе и нашего сегодняшнего собрания.

Я не очень хорошо понимаю, что такое шестидесятники, я никогда не считал себя шестидесятником в том смысле, какой стал преобладать в 90-е годы. Я не был политическим деятелем, я не был даже диссидентом, я принадлежал к богеме, к фронде. Вот это божественное, абсолютно фрондерское существование сочинителя, импровизатора похоже на жизнь джазмена. Для меня, например, шестидесятник — это джазмен, которому тогда не давали свободно играть. Скажем, джазмен Алексей Козлов для меня — настоящий шестидесятник. То есть, если говорить уж о шестидесятниках, то надо говорить о разных вариациях этого понятия.

Петр Вайль:

Кстати, Василий Павлович, интересно, будет ли президент Путин говорить о 1968 годе в Чехии или нет?

Василий Аксенов:

Не знаю, но мне как-то неловко.

Ирина Ясина:

Василий Павлович сказал, что шестидесятники были в разных сферах, хотя для меня и, наверное, для всех, кто жил позднее, это понятие ассоциировалось прежде всего с писателями, живописцами, музыкантами. Но потом мы узнали, что, оказывается, и люди, которые занимались наукой, тоже в то время начали думать по-другому. Я прошу академика Татьяну Ивановну Заславскую, которая стояла у истоков демократической мысли в науке, рассказать нам об этом.

Татьяна Заславская, академик РАН, социолог

Заславская Татьяна Ивановна, родилась в 1927 г., экономист и социолог, основатель Новосибирской экономико-социологической школы (НЭСШ), оказавшей значимое воздействие на развитие социологии и, в частности, институционализацию экономической социологии как самостоятельной научной дисциплины в России.

Окончила экономический факультет МГУ (1950). Кандидат экономических наук (1956), доктор экономических наук (1966), профессор (1978), академик Российской академии наук (1981), заведующая кафедрой методологии общественных наук Московской школы социальных и экономических наук (МШСЭН) АНХ при Правительстве Российской Федерации. Сопрезидент Междисциплинарного академического центра социальных наук (Интерцентр), почетный президент Всесоюзного центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), член Европейской академии, почетный член Польской академии наук, почетный доктор Оберлинского колледжа, Джорджтаунского и Пенсильванского университетов (США), Университета в Хельсинки (Финляндия), член Международного социологического института. Лауреат премии им. Карпинского (Фонд Тепфера, 1989, ФРГ) и Демидовской премии (Демидовский фонд, 2000, Россия, Екатеринбург).

Область научных интересов — методология социальных наук, общая и экономическая социология, институциональная экономика, теория посткоммунистических трансформационных процессов.

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

Т.И. Заславская — автор более 400 работ по методологии социальных наук, социологии села, общей и экономической социологии, институциональной экономике, теории посткоммунистических трансформационных процессов.

Основные труды: «Распределение по труду в колхозах» (1966), «Миграция сельского населения» (1970), «Развитие сельских поселений: лингвистический метод типологического анализа социальных объектов» (1977), «Социально-демографическое развитие села: региональный анализ», «Методология и методика системного изучения советской деревни» (1980), «Социально-экономическое развитие западносибирского села» (автор, редактор, 1987), «Голос реформ» (1989); «Вторая социалистическая революция. Альтернативная советская стратегия» (1990), «Социология экономической жизни: очерки теории» (совместно с Р.В. Рывкиной, 1991), «Российское общество на социальном изломе: взгляд изнутри» (1997), «Социальная траектория реформируемой России: исследования Новосибирской экономико-социологической школы» (1999), «Социетальная трансформация России: деятельно-структурная концепция» (2002) и др.

Эпоха тупика и эпоха надежды

Я позволю себе поразмышлять над тем, что это было за социальное явление такое — шестидесятники. С одной стороны, слово «шестидесятники» наводит на мысль о поколении. С другой — в основе этого явления лежат не только поколенческие характеристики.

А явление, на мой взгляд, заключалось в том, что не сразу, не вдруг, по всей территории огромной страны появились люди чуть-чуть другого типа, которых впоследствии и назвали шестидесятниками. Их было много, миллионы, наверное. Да, безусловно, была яркая сверкающая верхушка — поэты, писатели, барды, но все-таки шестидесятники — понятие гораздо более широкое. Я думаю, появление этого множества других людей было результатом столкновения двух эпох — эпохи безнадежного тупика и эпохи реальных надежд.

Молодежи трудно себе представить тот климат, в котором мы существовали в послевоенные годы. Я училась в университете, потом работала в Институте экономики, и на наши несчастные шеи была накинута такая петля, что творческому, мыслящему человеку впору было эту петлю у себя на шее затягивать. В экономической науке — все данные секретные. Цифры, которые печатаются, — чистое вранье, сопоставлять их друг с другом абсолютно бессмысленно. В научных дискуссиях только один критерий истины — соответствие линии партии. Представляете, ученые друг другу кричат: «Это не соответствует линии партии... Ты неправильно понимаешь линию партии. А вот у меня соответствует...» Дискуссии специально организовывались, и на них намеренно топили, уничтожали наиболее талантливых — так генетику погубили, кибернетику погубили, общественная наука была протитуирована. Мы знаем, что происходило, по книге Дудинцева «Не хлебом единым». В такой обстановке я дождалась до 29 лет. Жизнь казалась совершенно безнадежной и потраченной зря.

И вдруг совершенно неожиданно на этом фоне появляется доклад Хрущева, начинается развенчание культа личности. И вместе с этим пришла надежда,

да, причем надежда реальная. Те факты, о которых здесь говорилось, и сборник 1956 года, и «оттепель», и множество всего другого — все это надежду поддерживало и питало. И разные поколения, естественно, по-разному откликнулись на открывшиеся возможности.

Можно сказать, что началась другая жизнь. И смысл этой жизни, в общем-то, заключался в том, чтобы к 80-м годам страна смогла полностью отказаться от тоталитаризма и перейти сначала к авторитаризму, потом к слабому авторитаризму и т.д. Конечно, каждый жил и работал на своем месте. И вместе с тем мне кажется, что шестидесятников вполне можно охарактеризовать как духовное братство. Даже если они случайно встречались где-нибудь в поезде, то сразу узнавали друг друга. В основе их системы ценностей лежал гуманизм. Не власть, не деньги, а человек. А в основе поведения — высокая социальная активность. Нам было совершенно очевидно, что никто не принесет нам свободу на подносе. А вот завоевать ее некоторый шанс все-таки есть, но для этого надо постоянно бороться, пробивать новые идеи. Боролись и театральные деятели, и писатели, и ученые, и директора совхозов. Можно подумать, что уж где-где, а сельском хозяйстве шестидесятников и быть не могло. Но, например, был Иван Худенко, знаменитый экспериментатор, который хотел поднять производительность труда в сельском хозяйстве. И поднимал — и в пять, и в десять раз — в тех хозяйствах, которые ему доверяли. А умер в 1972 году в алматинской тюрьме, куда попал именно за результаты своих экспериментов.

Шестидесятники были замечательные, бескорыстные люди. Жить всем надо — и тогда тоже, но деньги не возводились на такой пьедестал, на какой они возведены сейчас. Однако я верю, что и в наше время пик поклонения золотому тельцу пройдет, и найдут свое место в умах и в сердцах молодежи более высокие человеческие ценности.

Ирина Ясина:

Я хочу попросить выступить Г.Х. Попова, члена Межрегиональной депутатской группы, первого демократического мэра Москвы, чей термин «административно-командная система», введенный в 80-е годы, провел водораздел между тем, что было, и тем, что есть сейчас.

Гавриил Попов, президент Вольного экономического общества

Попов Гавриил Харитонович, родился в 1936 г. в Москве. В 1959 г. окончил экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности «экономист, преподаватель политической экономии».

С 1971 по 1988 г. являлся заведующим кафедрой управления экономического факультета МГУ, с 1978 по 1980 г. — деканом того же факультета. С 1988 по 1991 г. занимал пост главного редактора журнала «Вопросы экономики».

В 1989 г. стал народным депутатом СССР, сопредседателем Межрегиональной депутатской группы (до 1991 г.). С 1990 по 1991 г. являлся председателем Совета народных депутатов Москвы, а в 1991 г. занял пост мэра Москвы и работал в этом качестве до 1992 г.

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

С 1992 г. по настоящее время является президентом Международного университета в Москве.

Г.Х. Попов — председатель Российского Движения демократических реформ, академик, действительный член Российской академии естественных наук, действительный член Академии творчества, действительный член (академик) Международной академии менеджмента, президент Международного союза экономистов, президент Вольного экономического общества России, президент Международной академии книги и книжного искусства, президент Международной бизнес-академии, президент Российского отделения Всемирной лиги за свободу и демократию.

Велик вклад Г.Х. Попова в становление и развитие общественных объединений экономистов как в России, так и за рубежом. С его именем тесно связано создание Международного союза экономистов и Вольного экономического общества России.

Г.Х. Попов — автор нескольких сот научных и публицистических работ, среди них «Проблемы теории управления» (1970, 1974), «Эффективное управление» (1976, 1989), «Снова в оппозиции» (1994). Увлекается водным туризмом, пчеловодством.

Что же нам все-таки помешало?

Для меня сейчас самым главным является анализ нашего общего прошлого, которое мы сегодня обсуждаем. Там есть кому воздать за заслуги, есть кому благодарить, есть чье мужество отметить. Но меня больше интересует другой вопрос: какие уроки мы должны были извлечь и почему не сделали этого? Ведь самые страшные — это неизвлеченные, нереализованные уроки.

Была ли у нас тогда возможность осуществить те преобразования, которые пришлось начинать спустя 40 лет? Это первый вопрос, который меня волнует. Была ли стартовая позиция для преобразований? В основном я склоняюсь к тому, что такая стартовая позиция была. В чем она заключалась?

Первая стартовая исходная позиция для крупных преобразований заключалась в поражении фашизма. Это был тоталитарный, очень родственный нашей системе строй, и его разгром не мог не привести всякого умного человека, умевшего сопоставлять, к выводу, что и наш строй некрепок.

Во-вторых, было тотальное поражение социализма в первый месяц войны, полный разгром сталинской системы, сталинской армии и всего остального. И страну потом пришлось спасать на базе совсем других рычагов. Не на базе социализма, а на базе патриотизма народа и на базе западной помощи. И то и другое сейчас в полной мере не оценивается, особенно масштабы западной помощи, без которой вряд ли смогли бы победить... Жуков как-то сказал, что патроны нечем было бы начинать, если бы не было этой помощи.

Третьим стартовым позитивным фактором было то, что на войне наш народ впервые за годы советской власти сам решал, подниматься ли в атаку. И люди, которые им руководили, — младшие командиры тоже сами решали вопросы и тоже начинали понимать, что они что-то значат.

Свою роль сыграло и то, что они побывали на Западе и увидели, что миллионы людей в других странах живут лучше, чем при социализме. Это, естественно, не могло не влиять на ход мыслей.

Был еще один мощный фактор. На Западе (прежде всего Рузвельт) думали об огромных преобразованиях мира и предлагали нашей стране грандиозную помощь, если мы начнем реформы.

Кроме того, в стране существовал достаточно мощный, независимый от государства частный сектор: два миллиона кустарей, кооператоров и т.д., которые ни в каком государстве не нуждались, работали своими руками и сами себя содержали. Десять миллионов работников личных подсобных хозяйств тоже ни в каком государстве не нуждались. 30 миллионов колхозников примерно одну треть времени, если не больше, тоже тратили на личное хозяйство. По 50% мяса и молока шло из частного сектора. Другими словами, в стране была мощная экономическая база независимого от государства развития. Этого мы абсолютно не имели в 1989–1990 годах, когда не на кого было опираться — пять фермеров на всю деревню (в середине 60-х годов в Институте экономики я увидел объявление о защите диссертации на тему производительности труда в сельском хозяйстве. К моему удивлению, она была закрытой — «для служебного пользования». Достав у знакомых автореферат, я понял, в чем дело: автор приводил данные, из которых следовало, что производительность труда в частном секторе была в 7(!) раз выше, чем в государственном. — *Прим. сост.*) Были другие позитивные факторы, все перечислять не буду.

Что же нам все-таки помешало? Прежде всего, то, что был взят курс на полную ликвидацию частного сектора. Хрущев осуществил тотальную национализацию. За один–два года исчезла вся промысловая кооперация, все кустари. В основном было ликвидировано подсобное хозяйство. Я тогда уже жил здесь, в Москве, в университете, и помню, как утром электрички были переполнены бабами, которые везли в Москву творог, сметану, масло, яйца и т.д., а через полтора года эти электрички были переполнены ими же, но с пустыми кошелками. Они ехали в магазины Москвы что-то покупать и становиться в очередь в государственное хозяйство. Ликвидация частного сектора — это первый удар по возможности другого развития для страны.

Вторым ударом было то, что бюрократия предприняла ряд мер, которые вывели ее из-под какого бы то ни было контроля. То, что советские выборы никакого значения не имели, всем было известно. Но были и внутрипартийные выборы. Я помню партийную конференцию в Московском университете. Собрание делегаций предлагает избрать партком МГУ в составе 17 человек, все аплодируют, потом поднимается один старый профессор и говорит: «Вы знаете, в этом списке нет старых большевиков». Тут же находят двух старых большевиков и включают в список. Я спрашиваю у соседа, в чем дело, почему президиум против старых большевиков. Он говорит: «Вопрос ясен. Вместо 17 будет 19 человек, и я тебе скажу, кто не будет избран. Не будет избран первый проректор Вовченко, который вместо беспартийного Петровского руководил

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

университетом, и не будет избран наш секретарь парткома Андрейченко». Так и произошло, оба не были избраны. Эта чистка, которая проходила на самом нижнем этаже, все-таки значительный слой карьеристов, шкурников, бездарей отсеивала (ой-ли? — *Прим. сост.*).

Что сделал Хрущев в борьбе с антипартийной группой для того, чтобы удержаться? Он внес в партийный устав небольшое изменение, а именно: все, кто включены в список для выборов и наберут больше 50% голосов, будут считаться избранными. Это означало, что если вместо 17 человек предложат 25 и каждый из них наберет больше 50%, то каждый пройдет. Менее чем через пять лет весь партийный аппарат знал только одно — как смотреть вверх, потому что от этого зависело, будет он включен в список или нет. А набрать 50% голосов против практически невозможно. Вот эта ликвидация внутрипартийной демократии и выход демократии в сферу самоконтроля и самоулучшения, на мой взгляд, сыграли свою роль при переходе к эпохе застоя.

Далее, не могу не отметить активную попытку влиять на решение внутренних проблем разного рода внешнеполитическими акциями. Например, нельзя просто выступить против каких-то реформ, но если их сначала подавить в Германской Демократической Республике, если их расстрелять в Венгрии, то тогда можно. Таким образом, это с нами боролись, расправляясь с демократическим движением в соседних странах. Нечто похожее сейчас происходит у нас с Чечней, так что мы не очень далеко ушли от той эпохи и тех методов.

Еще одно — уход от обсуждения совершенно очевидных, вопиющих, бросающихся в глаза фактов. Расстреливают новочеркасских рабочих. Я сам из Новочеркасска, это мои родные, мои друзья, с кем я учился. Приезжаю в Москву, пытаюсь поговорить с секретарем парткома, мол, надо обсудить, это не метод, если мы сейчас неотреагируем, завтра еще кого-нибудь расстреляют. Мне отвечают «да, да, да». Проходит две недели. Я прихожу на партком, и мне характеристику на загранвыезд не утверждают. Паспорт отобрали на несколько лет, чтобы я не очень интересовался событиями на своей малой родине.

И последнее, что, на мой взгляд, сыграло роковую роль, — это выдвижение национальной идеи, которая должна была мобилизовать и поднять страну и которая заключалась в строительстве коммунизма при жизни нынешнего поколения. Именно это нам предлагалось в качестве того, о чем надо думать, над чем надо работать, что должно нас вдохновлять... Я уже не говорю о том, что главным препятствием стал сам Никита Сергеевич, потому что подняться до идеи борьбы со строем, который вывел его на капитанский мостик в Кремле, он не смог. Он мог критиковать все что угодно, но только не партийный аппарат, свою опору.

Какие выводы для себя надо сделать?

Первый, по-моему, очень важный — надо не дать бюрократии снова выдвигать

нуть национальную идею и позволить этой идее снова впрячь нас в свою колесницу. Вот сейчас нам предложили национальные программы. Я не касаюсь собственно их социальной составляющей, но есть вещи, которые каждый из нас легко может посчитать. Какую сумму выделили на нацпроекты? Сто пятьдесят миллиардов. Что такое сто пятьдесят миллиардов в долларах? Пять миллиардов. А сколько у нас собрано в стабилизационном фонде? Пятьдесят миллиардов долларов. Вот и получается, что мы имеем дело с тем, что в народе называют откатом. Нам предлагают пять миллиардов из пятидесяти, и с утра до вечера накачивают по телевизору, чтобы мы успокоились и забыли об оставшихся сорока пяти миллиардах. Что-то подобное делал когда-то А.Б. Чубайс в ходе приватизации. Тогда нам тоже вбивали в головы, что все национальное богатство разделено на ваучеры, а когда посчитали, оказалось, не все, а 10%. Так что это тоже был откат, чтобы 90% пустить по другим каналам распределения, а с нас и 10% хватит.

Еще один простой арифметический пример. Сто пятьдесят миллиардов, отпущенных на нацпроекты, разделите на сто пятьдесят миллионов населения страны. Сколько на одного человека приходится? Тысяча рублей. В день на человека — три рубля. Вот эти три рубля в день и являются предметом великого национального похода за будущим. За трешку нам предлагают активно работать, внедрять и т.д. и т.п.! Это я вам сказал только об экономической стороне дела, о социальной тоже, поверьте, есть что сказать.

Второй вывод. Задача интеллигенции — выдвинуть альтернативную бюрократической картину будущего страны, программу будущего. И довести эту программу до всего народа. Народ должен знать, что есть другой путь и другие способы решения проблем. Бюрократия не может быть ни главной, ни основной силой, движущей реформы. Это аппарат вспомогательный. При правильной организации дела и народном контроле она будет работать. Но если она сама становится творцом программ и идей, то из этого ничего не получится.

Третий вывод. Если мы и впредь будем уповать на поиски какого-то там лидера, как вот сейчас СПС измотался в поисках президента... Да не нужен стране президент, нужна совершенно другая система руководства, которая решит проблему. Лидерский вариант исчерпал себя после Н.С. Хрущева, несомненно незаурядного человека, после М.С. Горбачева, после Б.Н. Ельцина. При нынешнем президенте рассуждать о лидерстве как о способе решения проблем страны могут только очень своеобразные люди.

И последнее замечание. Мне кажется, что основой реформ должны стать экономически независимые от государства люди. Никакая демократия невозможна в стране, граждане которой связаны государственной зарплатой или государственной должностью. Если не будет 10, 15, 20 миллионов экономически независимых людей, то и демократии не может быть в принципе. Поэтому во главе угла должна быть борьба за то, что называется гражданским общест-

---

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

вом. Сейчас начали поход против челноков, которых у нас в стране 10 миллионов. При определенных условиях они могут стать силой, и опасной силой. Кремль знает это лучше нас. Поэтому сейчас принято решение, запрещающее несчастным челнокам перевозить на самолетах грузы больше 35 килограммов. С кем борются? Вы думаете, со спекуляцией? Нет. С экономически независимым от государства слоем людей — его надо добить. Все демократические силы, весь Союз правых сил должен встать на защиту этого слоя. Экономическая независимость нужна и интеллигенции. Сейчас по всем линиям душат частное образование, которое есть не что иное, как независимая интеллигенция, которой платит народ.

Можно и дальше приводить примеры, которые доказывают — власть начала поход против экономически независимых людей для того, чтобы использовать демократию. С экономически зависимыми людьми она уже научилась это делать. Поэтому, подводя итог, я хочу сказать следующее: если мы, оборачиваясь в прошлое, будем думать о том, как не наступить на те же самые грабли, то 60-е годы дают нам исключительно ценный материал. Спасибо.

Петр Вайль:

Прежде чем на сцену выйдет следующий участник, давайте вспомним тех, кого здесь нет, но кто обязательно был бы тут и обязательно выступал, — это Александр Яковлев, Егор Яковлев и Отто Лацис.

<МИНУТА МОЛЧАНИЯ>

Ирина Ясина:

С Ю.М. Шмидтом мы встретились год назад при весьма неприятных для нас обоих обстоятельствах, и знакомство с этим человеком я считаю одним из важнейших событий в моей жизни. Юрий Маркович рассказывал мне, что впервые своего отца он увидел в 19 лет. Родители, когда справляли двадцатипятилетие свадьбы, совместно прожили 25 недель. А познакомились они в ссылке...

Юрий Шмидт, адвокат

Шмидт Юрий Маркович, адвокат, лауреат премии «Фемида», председатель Российского комитета адвокатов в защиту прав человека, родился в 1937 г. в Ленинграде. Спустя три недели после его рождения отец был арестован по политическому обвинению и провел в ГУЛАГе 19 лет. В 1955 г. Ю.М. Шмидт поступил на юридический факультет Ленинградского университета, в 1960 г. его приняли в Ленинградскую городскую коллегия адвокатов. Специализация — ведение уголовных дел.

С начала 60-х гг. был близко связан с диссидентскими кругами, принимал участие в издании самиздатских журналов и сборников, за что подвергался преследованиям со стороны КГБ.

В начале 90-х правоохранительная система стала рушиться, многие юристы ушли в коммерческие структуры. Достойных противников в лице судей и прокуроров становилось все меньше, и Ю.М. Шмидт стал сознательно ориентировать себя на дела с политическим контекстом. Последние 10 лет он преимущественно ведет дела, имеющие большое общественное значение. В его

активе многочисленные победы в острейших политических процессах. В 1993 г. организация Human Rights Watch наградила его специальным дипломом за деятельность в защиту прав человека. В 1997 г. он получил высшую юридическую премию России «Фемида» и титул «адвокат года». В 1999 г. специальный комитет наградил его золотой медалью имени выдающегося русского адвоката XIX века Ф. Плевако и знаком «Почетный адвокат». В том же году Ю.М. Шмидт удостоен премии Международной лиги прав человека, а в 2000 г. Международная Хельсинкская федерация присудила ему вновь учрежденную Награду признания.

Живет и работает в Санкт-Петербурге.

Ходорковский. Восьмой отряд

Я, вообще-то, не собирался выступать. И дал себя уговорить занять место в президиуме только по одной причине: чтобы, глядя на меня, вы помнили, что я адвокат Михаила Борисовича Ходорковского, и прониклись тем же чувством, что преследует меня вот уже долгое время, особенно после поездки в Краснокаменскую колонию, когда ко мне привели человека в серой форменной одежде с бейджиком, на котором было написано: «Ходорковский. 8-й отряд», — исхудавшего, совершенно седого. Этот образ постоянно стоит у меня перед глазами. И я считаю делом жизни постараться облегчить его судьбу и его участь.

Мой сознательный возраст пришелся на военное и послевоенное время. Тогда у многих отцы погибли на войне, и то, что у меня, собственно говоря, не было отца, казалось естественным. Мама скрывала от меня правду, да я и сам особо не задавал вопросов. Что-то, конечно, чувствовал, но до конца все равно не понимал и не ощущал реальной потребности.

Потребность возникла в год поступления в университет, когда нужно было написать в автобиографии, кто твои родители. Мама мучительно долго готовила меня и много раз отработывала фразу, которую следовало написать в автобиографии. К нашему, вероятно, общему счастью их брак тогда не был зарегистрирован, хотя у меня в свидетельстве о рождении отец был обозначен — Левин Марк Рахмилевич. Может, это нас и спасло. К слову скажу, что родился я в Ленинграде, прожил там всю войну и всю блокаду. Отца арестовали ровно через три недели после моего рождения. Он тогда жил в Саратове и адрес: Васильевский остров, шестая линия, дом 17, где мы жили с мамой и где случайно выжили в этой страшной войне, ему был известен только как почтовый адрес. Он в этом доме никогда не бывал.

Итак, в 1955 году, подавая заявление в Ленинградский университет на юридический факультет, я услышал от заместителя декана (кстати, эта милая дама до сих пор работает, правда, теперь она просто профессор) вопрос по моей автобиографии: «Что вы тут написали липу? Ваш отец сидит, вы 1937 года рождения. Зачем вы поступаете на наш факультет? Вы же не сможете работать ни судьей, ни следователем, ни прокурором, разве что адвокатом». Так

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

я впервые услышал, что отец сидит. И когда я это услышал, а также то, что я смогу быть только адвокатом, я сказал, что меня это устраивает, с вызовом сказал. И судьба моя была определена.

А потом произошло чудо. Однажды, придя в нашу коммунальную квартиру, я обнаружил на столике в прихожей, куда обычно клали почту, письмо без обратного адреса, адресованное моей маме, написанное очень характерным, с резким левым наклоном почерком, и почему-то это письмо я распечатал. По первым строчкам я понял, что это письмо от отца. О его судьбе мы ничего не знали. Как я сказал, брак был не зарегистрирован, и, естественно, мы не могли получать какую бы-то ни было информацию. Первые строчки звучали так: «Я знаю, что повторить воскресение из мертвых еще никому не удавалось, но я тем не менее жив и могу помочь тебе хотя бы материально». Я это письмо заклеил и неделю не отдавал матери. Когда же снова положил на стол, уже она мне неделю не говорила ничего. Так мы и ходили — каждый со своей тайной, которую друг от друга тщательно скрывали.

Надо сказать, что я в то время, хоть и отреагировал резко на слова замдекана, в отличие от В.П. Аксенова был полным неофитом и идиотом. Пытался писать стихи, как все в молодости, и эти стихи были о том, какое счастливое детство у детей в Советском Союзе и какие несчастные дети в Америке и вообще в капиталистических странах. И это при том, что и мама, и тетка, вся моя семья — все пострадали, но они настолько боялись, что молчали... Кстати, людям моего поколения тоже в какой-то момент пришлось делать выбор: воспитывать ли своих детей циниками, то есть говорить им все, но с условием, чтобы они это держали при себе, или идиотами, чтобы они оставались в счастливом неведении относительно того, что происходит. Мама предпочла, чтобы я ничего не знал.

После этого письма она поехала к отцу и, вернувшись, привезла мне от него письмо, в котором он просил зайти в гости к его бывшим сокамерникам: писателю Анатолию Горелову и его жене. Я уже не помню, как и когда они освободились, но это было еще до XX съезда. Зато с ужасом до сих пор вспоминаю разговор, который у меня с ними состоялся, потому что все вопросы, которые я задавал, были с позиции марксизма-ленинизма. И первый был примерно такой: «А почему же, если вы мне говорите, что он хороший человек, он сидит?» — «Вы знаете, совершались ошибки, и они постепенно признаются». Я говорю: «Он марксист?» — «Он, конечно, марксист. У него, может быть, только одно расхождение — он против диктатуры». «Вопрос о диктатуре является коренным вопросом пролетарской революции», — отчебучиваю я точно по учебнику. Боже мой, стыдно до сих пор...

Потом, когда я все-таки познакомился с отцом, процесс, что называется, пошел. Это было на следующий год. Он сказал мне тогда: «Пожалуйста,

не садись в тюрьму. Считай, что я отсидел за нас двоих». Отсидел он в общей сложности 27 лет. Начиная с 1929 года, со ссылками, с высылками. Сидела и мама. И мне стыдно, что я не сидел. Но я старался делать что мог для людей, хотя судьба меня берегла. До 1986 года меня даже не исключали из коллегии адвокатов, хотя никогда не давали защищать диссидентов, категорически не допускали до политических процессов. Но зато с 1989 года, с первого дела, которое просил меня провести А.Д. Сахаров, с дела Аркадия Монучарова и по сей день, я считаю, что я восполняю то, что не сделал когда-то, защищаю людей, преследуемых по политическим мотивам, и, не ведя никакой специальной статистики, с грустью констатирую, что их становится все больше и больше.

Марлен Хуциев, кинорежиссер

Хуциев Марлен Мартынович, родился в 1925 г. в Тбилиси, советский кинорежиссер, народный артист РСФСР (1977). С 1944 г. работает в кино (помощник художника). В 1950 г. окончил режиссерский факультет ВГИКа и дебютировал как режиссер. Ему особенно близка тема молодого поколения с его проблемами и взаимоотношениями. В фильмах «Весна на Заречной улице» (1956, совместно с Ф.К. Миронером), «Два Федора» (1959), «Мне двадцать лет» (1965, премия жюри на 26-м Международном кинофестивале в Венеции), «Июльский дождь» (1967), а также в телефильме «Был месяц май» (1970) обстоятельное, неторопливое повествование отличается документальной точностью, проникнуто глубоким внутренним драматизмом, тонкой лиричностью. М. Хуциевым снят также документальный телефильм «Алый парус Парижа» (1971).

Награжден орденом «Знак Почета».

М. Хуциев был ключевой фигурой в кинематографе 60-х годов. Каждая его новая картина становилась заметным событием не только кинематографической, но часто и общественной жизни. Хуциев не просто кинематографист в узком смысле этого понятия, его фильмы — это особый мир, особый взгляд на окружающую действительность. Мастер уникального лирического дарования, существующий в изобретенной им системе образов и характеров, он дарит нам свои открытия, которые так легки и органичны, что уже не один десяток лет киноведы и кинокритики занимаются анализом его фильмов, ищут секрет их обаяния и долголетия. А зрители просто смотрят, как будто эти фильмы сделаны сегодня.

Основная тема творчества М. Хуциева — это стремление людей к душевной общности и взаимопониманию, даже в самых драматических ситуациях он утверждает веру в жизнь и доброту людей. Все работы Хуциева объединяет одно: правдивость и достоверность, глубина, умение эмоционально донести до зрителя замысел, раскрыть сложные характеры героев. Его творчество всегда воспекает прекрасные человеческие качества человека: доброту, терпимость, сочувствие к ближнему, любовь к Родине и всегдашнюю тревогу за ее судьбу. Он вполне наделен способностью различать, выделять важнейшие черты окружающей жизни, характеров людей, а также доказывать свое стремление к истине не в декларациях, а в художественной форме.

М.М. Хуциев — народный артист СССР, лауреат Государственной премии СССР, президент Гильдии кинорежиссеров России со дня ее основания. Он неоднократно избирался секретарем Союза кинематографистов СССР, является секретарем обоих Союзов — Московского и Российского. В 1994 г. избран действительным членом Российской академии гуманитарных наук.

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

Газетный лист, изъеденный оспой

Я очень рад, что мы вспоминаем наше прошлое и что появились разные взгляды на суть и результаты XX съезда. Совсем недавно этого еще не было, но такое разнообразие взглядов нам необходимо.

Я хочу вспомнить 5 марта 1953 года, когда по радио объявили о смерти Сталина. Я жил на Покровке. Я вскочил, оделся и дошел до Красной площади. На Ильинке, тогда еще улице Куйбышева, мне попала женщина с красным от слез лицом. Холод жуткий, хоть и начало весны. Красная площадь пуста. Группа людей у Спасской башни. Я подошел, постоял. Что-то тихо стоят, безмолвно, скорбно. Кто-то говорил: повезут, не повезут. Это одно впечатление. Через два дня, пытаясь попасть в Колонный зал, идем с женой по Сретенскому бульвару. Нас начинает затягивать, и мы уже не подчиняемся себе. Навстречу — группа молодых ребят, которые не просто оживленно разговаривают, а смеются в голос. Заплаканная женщина и эти смеющиеся молодые люди... Так что я абсолютно согласен с тем, что этот процесс начался еще до XX съезда.

Я убежден, что это было неизбежно, это было закономерно, и с этим ничего нельзя было поделать. Я прекрасно помню, как исчезло имя Сталина с газетных полос. (Газета тогда напоминала лицо человека, изъеденного оспой, — вся в черненьких точках. Это жирно набранные слова «великий Сталин». О чем бы ни была заметка, хоть о состоянии ремонтных работ, все равно там должен быть «великий Сталин» и должно быть набрано жирно.) Слова «коллективное руководство», «преодоление культа личности» появились уже тогда. Не поймите меня превратно — я говорю об этом не для того, чтобы с кем-то или с чем-то считаться.

Также я не понимаю, что такое шестидесятники. Я, например, так же как Ю.П. Любимов, просто делал свое дело как мог и не особо задумывался. Вообще, мы довольно вольно вели себя в институте, еще при Сталине, кое-что позволяли себе. Мой друг Феликс Миронер написал:

Бородатые люди указали нам путь,
И с пути того будет нелегко нам свернуть —

гордый ходил по институту и делился этими стихами. Или когда была борьба с космополитизмом, Феликс, недоумевая, говорил: «Я не понимаю, почему же французскую булочку переименовали в городскую. Следуя этой логике надо переименовать пирожное "Наполеон" в "Кутузов"». И никто не донес. Конечно, иногда нам бывало не по себе. Помню, как мы с моим однокурсником Гришей Ароновым шепотом обсуждаем «дело врачей», говорим «ну ведь это же фашизм!», тут же оглядываемся, и я вижу, как на меня наставлен бронзовый наган. Это мы в метро «Площадь Революции», помните там скульптуру революционного матроса?

Я уже человек немолодой. Иногда встану резко, и начинает что-то с головой происходить. И вот я в последнее время часто задумываюсь: а всегда ли нужно делать резкие движения? И всегда ли нужно следовать формулам, которые стали привычными? Однажды Е.Г. Ясин меня просто потряс. Читаю я цикл его экономических статей, по-моему, в журнале «Знание — сила» (а я давний и регулярный читатель журналов «Знание — сила» и «Наука и жизнь»). Идут размышления о НЭПе. Что я знал о НЭПе? Что это было хорошо, должно было оживить страну и т.д., Сталин ликвидировал НЭП, и это ужасно. Но вот Евгений Григорьевич нашел возможность взглянуть на это по-другому. Он сказал, что в тех условиях, если бы не ликвидировали НЭП, мы бы, возможно, вообще никак не были бы готовы к войне. Такая дискуссионная постановка вопроса мне нравится, рецепты — нет.

Я долго могу на эту тему говорить, потому что меня тревожит ситуация, когда мы раз и навсегда решаем, что вот это хорошо, а то — нехорошо, демократия — хорошо, а, скажем, большевизм — плохо... Но большевизм — это вообще не идеология, с моей точки зрения, это метод. Его может использовать кто угодно — и демократы в том числе.

Читаю в том же журнале «Знание — сила» статью одного из наших политиков. Исторический обзор: при Николае II страна достигла огромных экономических высот, потом была катастрофа, потом большевики взяли власть и совершили переворот. Что же называется «катастрофой»? Война и затем Февральская революция. Думаю, а что же это такое — Февральская революция? На несколько дней не хватило хлеба, Дума не успела принять решение, чтобы его подвезли, и народные избранники, депутаты Государственной Думы, в условиях войны заставили сложить свои полномочия Верховного главнокомандующего, императора. А не будь этого, Германия бы выдохлась, никому воевать-то не хотелось, был бы заключен мир. Может быть, если бы они тогда не настояли на своем, нам бы и XX съезд не понадобился, и многое было бы по-другому. Нельзя резко вставать.

Петр Вайль:

Мариэтта Чудакова знакомила нас с другой литературой, не той, что проходили в школе. Там были Фадеев, Островский, Шолохов, а у нее Булгаков, Олеша, Зощенко. Чудаковские авторы выходили интереснее. Кроме того, было приятное ощущение других ориентиров. Получалось, что эпоха штопается, времена связываются.

Мариэтта Чудакова, культуролог
Убежденность у меня от отца

Начну с того, что я не отношу себя к шестидесятникам ни по возрасту, ни по статусу, ни физиологически. Если формацию пытаться определить бо-

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

лее-менее четко, шестидесятниками, по-моему, можно назвать тех, кто уже к середине 50-х годов или, скажем так, во второй половине этого десятилетия что-то значил. За ними должна была быть биография — фронтовая, лагерная или какая-нибудь другая. Мы повторяли слова Пастернака: «...позорно, ничего не знача, быть притчей на устах у всех...». Это первое.

Второе. Эти люди четко разделили Ленина и Сталина. Некоторые из них затратили огромное количество сил на то, чтобы покончить с высокопарными представлениями о Сталине, сказать правду о его злодействе, людоедстве. Как оказалось, этого было недостаточно. Три захода — в 60-е, в конце 80-х и в начале 90-х годов — оказались недостаточными, потому что сегодняшняя ситуация всем известна. Для нас же опираться на Ленина в борьбе со Сталиным после 1956 года было уже совершенно невозможным. Хотя мы понимали тех, кто это делает исходя из своего жизненного опыта. Вообще, это были замечательные люди, обладавшими утраченными сейчас качествами.

Во-первых, у них было чувство своей страны, или иначе — они чувствовали эту страну своей и хотели сделать что-то для нее, для общества. Нас с детства учили отцы коммунисты, что жить надо для общества. Я когда-то сказала в одном интервью, что мой отец был убежденный коммунист, я — убежденный антикоммунист, но убежденность у меня от него. Они выучили этому и шестидесятников, и тех, кто шел за ними, поколение, к которому я причисляю себя. У них была активность. Они были уверены, что человек рожден для действия. Это очень много, и это биологическое свойство. За него даже нельзя хвалить, потому что оно или есть у человека, или нет. У них оно было.

Пастернаком сформулирован соблазн:

Хотеть, в отличие от хлыща в его существовании кратком,
Труда со всеми сообща и заодно с правопорядком.

Они об этом мечтали. Многие из них в шестидесятые годы шли в партию, потому что хотели преобразовать ее изнутри. Для нашего достаточно узкого круга после XX съезда это было невозможно. В конце 60-х появилась поговорка: три качества никогда не даются в одном наборе — ум, партийность и порядочность. В 70-е никто уже в партию не вступал из идейных соображений, а они вступали, это важно. Это им и помешало впоследствии, они этого засуетнились и вошли в перестройку как бы родившимися в 1985 году. Надо было рассказать о высокой драме своего поколения, их бы поняли. А так на них пальцами показывали, и до сих пор на разных форумах поносят: мол, их отцы гноили и убивали людей, и сами они такие же.

Недавно один человек, который не был в партии, рассказал, как он верил в Сталина и как постепенно переставал верить, постепенно разочаровывался

в социализме. Это сделал Наум Коржавин, один из факелов шестидесятничества, в своем двухтомнике «В соблазнах кровавой эпохи». Он, пожалуй, один из немногих, кто это сделал. А надо было бы сделать всем. Скажу больше, тем, кто в 70-е годы вступал, тоже надо было об этом рассказывать. Ведь на самом деле множество драм, множество коллизий объясняется тем, что, вообще-то, люди не созданы для того, чтобы их прижимали к стенке. Все-таки вина в предложенных обстоятельствах. И если бы многие биографии были рассказаны таким образом, то очень многое было бы по-другому. Не было бы потеряно так глобально доверие к демократии и демократам.

Сейчас-то уже нечего об этом говорить, и те, кто упрекают шестидесятников, лучше помолчали бы. Вот мы все, с поджатыми губами, в свое время слушали, как они говорят правду о Сталине, не решаясь коснуться Ленина. И что? Можно и нам сказать: напрасно вы губы поджимали. В результате Сталина-то по-настоящему не разъяснили народонаселению — пятьдесят с лишним процентов считают его положительной фигурой. То есть они эту огромную работу начали, а мы не доделали. И сегодня идет навязанный Сталиным же аморальный счет: миллион убил или два? да что вы говорите, что два, всего лишь меньше миллиона... Понимаете, выяснять точные цифры — это удел историков, но для моральной оценки происшедшего этим оперировать нельзя.

Мне кажется, что задача шестидесятников не исчерпана и их огромный потенциал может быть передан нынешнему поколению именно сегодня. Там ведь кое-что было, что абсолютно невозможно отбросить. Ну, например, мысль о том, что человек должен оставить детям честное имя. Теперь это звучит довольно смешно. Какое честное имя? А потрогать его можно? Или общественная репутация — в 60-е годы люди боялись потерять репутацию. Это все не только возможно, но просто необходимо вернуть. Без этого общество не сможет развиваться, и экономика не вылезет из дыры.

Хочется закончить строками Окуджавы, которые и сегодня звучат необычайно актуально. Он написал это стихотворение в 1990 году и посвятил его одному из самых настоящих шестидесятников — своему другу Л. Карпинскому.

Шестидесятники развенчивать усатого должны,
 Им для этого особые приказы не нужны.
 Они и сами словно кони боевые,
 И бьют копытами, пока еще живые.
 Ну а кому еще рассчитывать в той драме на успех?
 Не зря кровавые отметины видны на них на всех.
 Они хлебнули этих бед не понаслышке,
 Им все маячило — от высылки до вышки.
 Судьба велит шестидесятикам исполнить этот долг,
 И в этом их предназначенье, особый смысл и толк.

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

Ну а приказчики, влюбленные в деспота,
 Пусть огрызаются, такая их работа.
 Шестидесятники не думают, что жизнь сторела зря,
 Они поставили на Родину, короче говоря.
 Она, конечно, в суете о них забудет,
 Но ведь она у них одна, другой не будет.

Здравствуй, племя молодое***Ирина Ясина:***

Мы пытались с Арсением Рогинским определить, к какому поколению он относится, и он сказал, что он на 10 лет моложе самых молодых из шестидесятников и на 10 лет старше самых старших из семидесятников. Вообще, наверное, те шестидесятники, которые не смогли вовремя остановиться, превратились в диссидентов...

Арсений Рогинский, председатель правления международного общества «Мемориал»

Арсений Борисович Рогинский, историк, правозащитник, общественный деятель. Родился в 1946 г. в городе Вельске Архангельской области, в семье репрессированного инженера-ленинградца, в местах его ссылки. Окончил историко-филологический факультет Тартуского университета (1968). Работал библиографом, учителем русского языка и литературы в школе. Как ученый занимался историей России XX века, особенно 20-х гг. — в частности, историей уничтожения партии эсеров и последующими политическими репрессиями. В 1975–1981 гг. составлял и редактировал самиздатские сборники исторических работ «Память», с 1978 г. публиковавшиеся за границей. В 1981 г. арестован, приговорен к четырем годам лишения свободы за подделку документов (писем в архивы и библиотеки с просьбой предоставить возможность работать в них). В качестве последнего слова на суде произнес речь «Положение историка в Советском Союзе» (была опубликована газетой «Русская мысль»). Отбыл срок полностью в 1985 г. освобожден, в 1992 г. полностью реабилитирован.

В 1988–1989 гг. стал одним из основателей общества жертв политических репрессий «Мемориал», с 1998 г. председатель его правления.

Ненасилие, легальность и право

До меня на этой сцене выступали люди, которые очень сильно на меня повлияли. В 10-м классе я читал «Звездный билет», и это дало мне ощущение свободы. Пройдет еще немного времени, и я прочту Солженицына. Потом, в университетские годы, ездил из Тарту в Москву, чтобы пробиться на спектакли театра на Таганке. Слушал доклады Мариэтты Чудаковой, которая открывала уже тогда для нас Зошенко, Олешу и Булгакова.

Я буду говорить о диссидентах и как участник, и как исследователь. Мне тем легче, что в зале много людей, которые имели отношение к этому движению, и прежде всего это первый его историк — Л.М. Алексеева. На ее работах, как и на трудах Александра Даниэля, я и базирую свое выступление.

Диссиденты — это люди, выросшие из шестидесятничества и впитавшие в себя его уроки. Я не буду говорить об истории и не буду давать определений. Будем считать, что интуитивно мы всё понимаем. Скажу сначала о трех стержнях, которыми, с моей точки зрения, скреплялось диссидентство.

Стержень первый и важнейший — ненасилие. И шестидесятники, и диссиденты решительно отрицают насилие как способ решения каких бы то ни было политических проблем. Это самое главное. Итог нашего XX века — это итог террора и войн. В нашем сознании воедино слились память о войне и ее цене и конечно же память о терроре. Отсюда разрыв со всякой революционной мифологией. Мифы о революции, о ее преображающей и обновляющей силе — это не наше. Мы точно понимали, что революция, в конце концов, это насилие.

Вторая базовая характеристика шестидесятничества — это открытость или легальность, а также возможность коллективного поступка. Очень хорошо помню, как на рубеже 70–80-х годов отец Ю.М. Шмидта, один из моих учителей, человек, прошедший реальную школу подполья конца 20-х годов (он был социал-демократ, один из последних, а может, и самый последний, арестованный в 1929 году), говорил, что самой нашей главной ошибкой будет, если нас загонят в подполье. А к тому времени уже почти всех арестовали... Так вот, с развитием диссидентского движения (а оно возникло ровно в середине 60-х годов — я говорю не об индивидуальном диссидентском поступке, а именно о движении) подпольные кружки исчезают. А ведь их было довольно много — и в послевоенные годы, и после XX съезда, точнее, между съездом и венгерскими событиями: марксистские, полумарксистские, околomarксистские, подлинные социалисты, подлинные коммунисты и т.д.

Вместо них возникают диссидентские ассоциации, группы людей, которые открыто говорят, что собрались вместе для борьбы против того-то и того-то: Инициативная группа по правам человека, Комитет защиты прав человека, Комитет защиты прав верующих, Комитет защиты прав инвалидов и, абсолютная вершина — Хельсинкская группа. Это переворачивало сознание людей и, между прочим, власти. Для интеллигенции это была реабилитация коллективного действия, которое все мы ненавидели, поскольку пионерско-комсомольский коллективизм себя исчерпал и скомпрометировал. Здесь же была совместная гражданская активность. А что такое совместная гражданская активность по граждански важным вопросам? Это и есть гражданское общество. Конечно, диссиденты не создали гражданского общества, но модель гражданского общества им создать удалось.

И третий момент, не менее важный. Надо было придумать язык, на котором можно было бы разговаривать с властью и на котором могли бы общаться меж-

---

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

ду собой разные группы: марксисты, почвенники, националисты, религиозные движения. Этот язык был придуман в 1965 году, и это был язык права. Провозглашение права как высшей ценности — заслуга диссидентства. А откуда они это взяли? Казалось бы, налицо связь с русскими либералами начала века. На самом же деле это не совсем так. Я опрашивал огромное количество диссидентов — никто из них в то время не слышал ни о Чичерине, ни о Кистяковском, ни о Струве, ни о Франке, не говоря уже о современных европейских документах. Только самые продвинутые знали, что такое конвенция, пакт и т.д. Так что этот велосипед они изобрели сами. И когда люди 5 декабря 1965 года вышли на первую диссидентскую демонстрацию, они вышли не под лозунгом «Долой советскую власть!», а под лозунгом «Требуем гласности судопроизводства!». Под такими лозунгами можно было консолидировать многих людей. Они были понятны, доступны. Но это был не просто тактический ход. Это была вера в идею права. На этой платформе сформировалось широкое движение, охватившее разные республики СССР, а в центре — небольшое правозащитное движение, которое один из исследователей остроумно назвал «коллективным спикером диссидентского движения». Это был действительно коллективный спикер с его информационным бюллетенем «Хроника текущих событий».

Итак, повторю, диссидентство зиждилось на трех вещах. Первое — ненасилие. Второе — легальность, открытость, принципиальные коллективные действия. И третье — право как высшая ценность.

И последнее. Что такое диссидентский поступок? Что такое было в те времена поставить подпись под письмом в защиту арестованного, или принять участие в самиздатовском журнале, или выйти на какую-нибудь акцию? Самое главное, в диссидентском поступке не было никакой прагматики. Только идиоты верили, что, подписывая письмо об освобождении человека, они этого человека действительно освободят. Не было и политики, не случайно диссидентство не создало ни одной серьезной политической программы. Зато была нравственная необходимость совершить тот или иной поступок. Если вся страна как один человек думает так, а я иначе, то, пожалуйста, вычеркните меня из списка. Я — против. Вот нравственная основа диссидентского поступка. И мне кажется, ни одна из названных мною основ диссидентского движения: ненасилие, право, открытость, поступок — не потеряла актуальности и сегодня.

Петр Вайль:

Как мы уже говорили, 60-е — это история. Прорастающая в сегодняшний день, но все же история. Александр Архангельский — известный публицист, журналист, телеведущий и замечательный историк. Его взгляд на эпоху.

Александр Архангельский, журналист

Архангельский Александр Николаевич, родился в 1962 г. в Москве. Окончил факультет рус-

ского языка и литературы МГПИ (1984). Кандидат филологических наук (1988). Работал в Московском Дворце пионеров (1980–1984), детской редакции Гостелерадио СССР (1985), журналах: «ДН» (1986–1988, 1989–1992), «Вопросы философии» (1988–89), читал курсы лекций в Женевском университете (1992–1998), в Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского (1998–2001). Обозреватель (с 1998), заместитель главного редактора (2001–2004), колумнист (с 2004) газеты «Известия». Вел программы «Против течения» (РТР, 1992–1993), «Хронограф» («Россия», 2002), в настоящее время ведущий программы «Тем временем» («Культура»).

Автор книг: «Стихотворная повесть А.С. Пушкина "Медный всадник"» (1990), «У парадного подъезда: литературные и культурные ситуации периода гласности. 1987–1990» (1991), «Беседы о русской литературе. Конец XVIII — первая половина XIX века» (1999), «Герои Пушкина. Очерки литературной характерологии» (1999), «Александр I» (2000, пер. на фр.: Paris, 2000), «Политкоррекция. Статьи для газеты «Известия». 1998–2001» (2001).

Подготовил и выпустил школьный учебник для 10-го класса «Русская литература XIX века» (2004).

Статьи Архангельского переведены на английский, немецкий, французский, финский языки, на иврит.

Член Союза российских писателей (сентябрь 1991), член жюри Букеровской премии за 1995 г., академик-учредитель (1997) и президент (1997–1999) Академии русской современной словесности (АРСС).

Вошел в число финалистов ТЭФИ-2005 в номинации «ведущий информационно-аналитической программы».

Нас ждет время культа безличности

Я родился и вырос в семье, где никто не состоял в партии, зато никто и не сидел. Так исторически сложилось, это исключение из правил. Я не был вовлечен ни в какие политические разговоры на домашней кухне и всегда надеялся, что никогда не буду диссидентом. Кстати, надеюсь до сих пор, хотя уже не так уверенно, как несколько лет назад. Наверное, если бы не те легальные литературные, театральные, киношные выступления шестидесятников, которые были доступны мне и моему кругу, то, наверное, я бы прошел гораздо более неприятный путь, чем прошел, и наделал бы глупостей и гадостей гораздо больше, чем наделал. При том, конечно, что, как и у любого человека моего поколения, у меня были периоды сложных отношений с шестидесятничеством и с шестидесятниками, особенно на рубеже 80–90-х годов, но все это никакого значения не имеет, это ушедший факт моей биографии, а в сухом остатке осталась благодарность.

Это благодарность за то, что впервые в новейшей российской истории обществу, экономике, самому историческому процессу был предъявлен моральный счет. Выяснилось, что на основе моральных представлений можно рассуждать о любой сфере жизни.

В истории всегда отмечалось мужество первого шага. Да, потом люди пойдут дальше, потом они поймут больше, но тот, кто делает первый шаг, остается в истории навсегда. Кроме того, это было не надрывное мужество, не мужество, с которым разрывают рубаху на груди, это было веселое мужество, веселый шаг навстречу свободе. Этот импульс передался нам, и он никуда не исчезнет. Никуда не исчезнет ощущение, что свобода — это нечто радост-

---

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

ное и великолепное. Это было в книгах Аксенова, которые я успел прочитать до того, как его после отъезда отовсюду изъяли. Это было в театре на Таганке, куда я ходил до отъезда Любимова. Это было в стихах.

Но было еще одно — это продемонстрированная миру готовность пойти на разрыв между эпохами ради восстановления чувства исторической преемственности. Это очень важно, потому что есть два взаимоисключающих принципа, почти таких же взаимоисключающих, как принцип права на самоопределение и принцип незыблемости государственных границ. Это принцип непрерывности исторического времени и принцип преемственности эпох. Тот, кто пытается восстановить непрерывность исторического времени в нашей стране, говорит: мы — наследники тех, кто строил социализм, и поэтому мы не можем разочаровывать людей, говорить, что их жизнь прожита зря. За эту попытку придется платить утратой ощущения причастности к истории, то есть платить принципом преемственности. Потому что если мы непричастны к худому, то не имеем права и на лучшее. Сегодня этот урок, может быть, еще более важен, чем урок свободы, урок мужества первого шага и урок этического расчета. Потому что мы слышим отовсюду, что Катюши не было, что пакт Молотова — Риббентропа не что иное, как техническое оформление Мюнхенского сговора, что Венгрия 1956 года оставляет чувство эмоционального осадка, но новая Россия не отвечает за дела Советского Союза и больше к этому мы не возвращаемся...

Эти уроки веселого мужества, радостного чувства свободы и бесстрашия исторической правды нам в ближайшую эпоху пригодятся. Единственное, чего мы лишены в отличие от шестидесятников, в чем мы не можем им наследовать, — у нас больше нет права на неведение. Когда ты делаешь первый шаг, ты не знаешь, каким будет второй, третий, четвертый, десятый. Мы же должны трезво отдавать себе отчет в том, в какие времена мы живем, что возможно, а что невозможно. Это значит, что мы не должны пугать друг друга больше меры. Очевидно, что нас ждут нелегкие, но пока не смертельные времена, нас ждет время культа безличности. И давайте не будем ждать следующего XX съезда, чтобы начать этот культ разоблачать.

Ирина Ясина:

Среди выпускников экономического факультета МГУ большое количество министров, есть даже премьер-министры, председатели Центрального банка, банкиры, миллионеры, появились общественные деятели. И первым из них стал А.А. Аузан.

Александр Аузан, экономист, президент Института национального проекта «Общественный договор»

Аузан Александр Александрович, родился в 1954 г. в Москве. В 1979 г. окончил экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор, с 2001 г. завкафедрой прикладной институциональной экономики экономического факультета МГУ.

Автор более 100 научных работ, в том числе двух монографий и университетского учебника по институциональной экономике.

Президент Ассоциации независимых аналитических центров экономического анализа (АНЦЭА), член Российского общественного совета по развитию образования и один из учредителей, член попечительского совета Московского Центра Карнеги.

Наше поколение не научилось договариваться между собой

В отведенные пять минут хочу сказать о трех вещах: о мире, о стране и о будущем.

Первое. Я не понимаю, коллеги, почему вы шестидесятников рассматриваете исключительно как факт истории нашей страны. Для меня, скажем, вполне очевидна связь 1968 года в Европе и в Америке и шестидесятничества в России. В одном и том же 1968 году вожак французского студенчества Даниэль Конбендит на стене Сорбонны пишет: «Будьте реалистами — требуйте невозможного!» — и Лариса Богораз, тоже будучи реалистом и требуя невозможного, выходит на Красную площадь. На мой взгляд, шестидесятничество — это часть мировой культуры, того мирового культурного поворота, с которого начался второй послевоенный период. Тот, в котором мы с вами продолжаем жить и который завершается у нас на глазах. Смысл его можно выразить так: с нами не договаривались о том, что жизнь будет такой, мы хотим другого. Это говорили и американские студенты во время Вьетнамской войны, и бунтари в Сорбонне, и диссиденты в Москве. Так что не следует трактовать шестидесятничество как этакую фазу переживания азиатской империи. Все гораздо масштабнее и серьезнее. Шестидесятничество — один из признаков нашей принадлежности к большому миру. Кстати, эта мысль у меня возникла, когда я увидел, как Арсений Рогинский общается с Даниэлем Конбендитом. Я не могу их разнять и сказать, что это два разных явления.

Второе — о стране. Я, в отличие от многих, не считаю, что сейчас мы снова находимся в той же точке, в какую после «оттепели» попали шестидесятники. Да, я сам все время говорю про колею России, но колея эта, на мой взгляд, не в том, что мы топчемся на месте, а в том, что ходим длинными дорогами, сбивая ноги. С места мы, безусловно, сдвинулись, хотя определенные параллели с тем временем провести можно. Но есть и поводы для оптимизма. Когда разразился шпионский скандал и я прибежал утешать Л.М. Алексееву, я, к своему удивлению, встретил человека, который совершенно не нуждался в утешении. Она сказала: «Саша, о чем речь? Я это уже переживала тогда. Где они, те? Ну и эти будут там же».

Я думаю, что мы сегодня стоим перед нравственной дилеммой: как относиться к стране, в которой происходит спад, отлив? Не экономический спад — это к банкирам и министрам, я говорю про некоторый виток реакции. И отношение к этому может быть разное, как было оно разным и у шестиде-

---

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

сятников. Например, Виктор Некрасов, увидев в Киеве плакат «Поднимем еще выше роль женщины в социалистическом сельском хозяйстве!» сказал: «Лучше умереть от тоски по Родине, чем от злобы на родных просторах». А Высоцкий говорил: «Не волнуйтесь, я не уехал, и не надейтесь, я не уеду». Мне ближе вторая позиция. Это правильно, что мы вслух не говорим о патриотизме, потому что это так же нелепо, как на каждом углу кричать «Я люблю свою мать», сразу возникает подозрение, что не ты не платишь старушке алименты по суду. Но занимать нравственную позицию по отношению к своей стране и понимать, что мы не намерены ее сдавать, во всяком случае без серьезного боя, — это, по-моему, очень важно и является продолжением нравственных исканий 60-х.

И наконец, третье — о будущем. Я вырос в кухонных салонах, где собирались совершенно замечательные люди, такие как Юлий Маркович Даниэль или Николай Силис и Владимир Лемпорт. Для моих студентов таких салонов уже не будет, потому что для них есть галереи, есть концерты, есть публичные дискуссии. Но вопрос в том, *что* так или иначе передается? Идея свободы? Думаю, нет. Я полагаю, что передается идея личного выбора и личной ответственности за этот выбор. Но эта идея передается с некоторым развитием. Я абсолютно согласен с Арсением Рогинским, что было очень важно заявить: вся страна — да, а я — нет. Это было осознание того, что страна состоит из людей с разными мнениями. Сегодня мы, по-моему, пришли к тому, что мы — разные. А развитие состоит в том, что следующему поколению нужно учиться тому, чему наше поколение, на мой взгляд, не научилось, — договариваться между собой. Потому что ключи к отношению с властью и к будущему страны — в способности людей, которые осуществляют личный выбор под свою личную ответственность, общаться между собой, жить друг с другом, решать проблемы друг с другом и в конечном счете этим определять будущее страны.

Петр Вайль:

В своих мемуарах Хрущев, который обладал таким диковинным земляным талантом в самых разных сферах человеческой деятельности, дал замечательное, несмотря на косноязычность, определение той эпохи: «Возникли потребности, вернее, я бы сказал, не столько возникли потребности, сколько возникла возможность говорить о потребностях». Это действительно настоящее завоевание — возможность говорить.

Татьяна Малкина по возрасту к 60-м годам никакого отношения не имеет, но ей принадлежит одна из ключевых фраз новейшей российской истории. Когда в августе 1991 года ГКЧП обратился со своей программой к стране, страна очень легко генетически что-то вспомнила и онемела, а Малкина спросила: «Понимаете ли вы, что то, что вы делаете, называется государственный переворот?» И внезапно всем, в том числе и ГКЧП, стало ясно, что да, это государственный переворот.

Татьяна Малкина, журналист

Малкина Татьяна Аркадьевна, родилась в 1967 г. в Москве. Окончила факультет журналистики МГУ им М.В. Ломоносова. С 1991 по 1993 г. работала корреспондентом отдела политики, «кремлевским» корреспондентом, политическим обозревателем, колумнистом «Независимой газеты». С 1993 по 1996 г. — обозреватель политической и деловой газеты «Сегодня». С 1997 г. — обозреватель отдела политики еженедельника «Московские новости». С 2001 г. — главный редактор журнала «Отечественные записки».

Серый цвет прекрасен

Я уже устала всем объяснять, что то, что я задала этот вопрос, ровным счетом ничего не значит. Правду, как известно, говорить легко и приятно, а кроме того, это вообще моя профессиональная обязанность, и, в принципе, можно было бы и получше спросить. Так что я попала в историю, как муха в янтарь: как сидела, так и попала. Вообще, тем, что для меня задать этот злополучный вопрос оказалось так легко, весело, незаметно, что это не было каким-то поступком, что даже речь не шла о выборе — делать или не делать, я обязана именно вам, шестидесятиникам. Это вы нас такими воспитали.

Принято считать, что нашего поколения, поколения 80-х, вроде как не и существует — очень уж мы какие-то «дробленные». Но, видимо, времена такие бурные, что возрастные когорты становятся все меньше и меньше. Тем не менее мы есть. Я родилась и выросла при Брежневе, а потом у меня на руках умерло много генеральных секретарей ЦК КПСС. В школе меня учили плохо, и я все время боролась за свободу Луиса Корвалана. Ученицей 10-го класса я читала в метро совершенно неподъемную слепую копию «Ожога» и плакала. В университет поступала, еще сдавая историю КПСС, а уже потом все случилось...

В общем, удивительное время. В этом смысле моему крошечному подпоколению очень повезло. Но нам повезло еще и в том, что у нас были вы. Мы росли на вас. Например, с помощью книжек и статей Мариэтты Чудаковой я писала свои курсовые и дипломы. И журналы со статьями Т.И. Заславской я храню до сих пор. Благодаря вам нам никогда не приходилось изобретать морально-нравственный велосипед — вы обеспечили нам своими душевными муками и тяжелыми выборами некое нравственное алиби. Поэтому, поверьте, у нас нет проблем с различением черного и белого. Этому вы нас научили сразу и на всю жизнь. Но мое так называемое поколение помимо способности четко отличать плохое от хорошего обладает еще несвойственной вашему поколению способностью различать огромное количество оттенков серого.

Я знаю, что серый цвет не в почете среди представителей моего поколения, но я полагаю, что он прекрасен, ведь это как минимум цвет мозга. Благодаря вам мы обрели способность мыслить свободно, рискуя прослыть ренегатами, научились быть более прагматичными, приватными людьми, научились не де-

---

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

лять резких движений, не утратив при этом активной жизненной позиции. И вот за все это, и за то, что мы такие другие, и за то, что вы нас вырастили и выучили, огромное вам спасибо!

Еще хочу отдельно поблагодарить Евгения Григорьевича, который меня исключительно за этот мой так называемый геройский поступок и любит. Я уже знаю, как буду в старости зарабатывать деньги: вижу себя бабкой с седым пучком и беломориной в зубах, рассказывающей на скаутских сборах, как я задавала свой вопрос...

И не надо, Евгений Григорьевич, беспокоиться о том, что будет утрачена искра свободы, если не передавать ее бережно из рук в руки. Я уже говорила вам и хочу повторить сейчас: не надо никому ничего передавать, потому что это не искра, которая может погаснуть, а вечный огонь. Вы назовете это оголтелым историческим оптимизмом, совершенно необоснованным? Может, и так, но корни нашего оптимизма, безусловно, в том, что вы так много за нас были биты, так много думали и страдали. И мы верим, что будущее — скорее, конечно, позже, чем раньше — будет прекрасно. Возможно, наши самые большие разочарования еще впереди, но, во всяком случае, я надеюсь, что сможем встретить их бесстрашно. Спасибо вам!

Ирина Ясина:

Владимир Милов — человек, который однажды сказал: «Слушай, мы тут собираемся одной компанией поговорить о будущем страны».

Владимир Милов, президент Института энергетической политики

Милов Владимир Станиславович, родился в 1972 г. в Кемерово. В 1994 г. окончил Московский государственный горный университет по специальности «инженер-механик».

С 1997 г. на государственной службе: сначала в Федеральной энергетической комиссии России (с января 1999 г. по март 2001 г. — начальник управления экономического анализа), затем в Министерстве энергетики России (советник, потом заместитель министра). В 2001 г. работал также в Центре стратегических разработок, где руководил рабочей группой по разработке энергетического законодательства.

В ноябре 2002 г., после добровольной отставки с поста замминистра энергетики, возглавил независимый исследовательский центр, с 2003 г. известный как Институт энергетической политики.

В. Милов — один из ведущих экспертов-концептуалистов в области энергетической политики в России. Один из авторов программ реформирования электроэнергетики и железнодорожного транспорта Российской Федерации, главный автор программы реформирования газового сектора России, разработанной под эгидой министра экономического развития и торговли в 2002 г. В 2002 г. в ранге замминистра энергетики руководил проектом разработки Энергетической стратегии России на период до 2020 г. Участвовал в разработке проектов федерального законодательства об электроэнергетике и о недрах.

Автор серии концептуальных докладов по проблемам развития энергетического сектора российской экономики, десятков публикаций в российской прессе. Один из наиболее часто цитируемых российскими СМИ аналитиков по проблемам энергетики. Колумнист ведущей российской деловой газеты «Ведомости», периодически публикует статьи в The Financial Times и The Wall Street Journal.

Нам нужны моральные лидеры

Мне было 17 лет в 1989 году, когда на нас обрушилось огромное количество новой информации. Мы, конечно, ничего не понимали, нам трудно было разобраться, сориентироваться, как жить дальше и что нас ждет впереди. Мы пытались найти опору, идеи, мысли у вас. Умению слушать других, уважать права окружающих, искать ответы на вопросы, а не просто проглатывать навязываемую точку зрения мы учились из ваших книг, из ваших фильмов, из ваших песен, из ваших статей и выступлений, которые мы в конце 1980 годов уже могли слышать, и нам не надо было делать слепые самиздатовские копии. Мы действительно очень многому научились.

Нам повезло, потому что мы как раз и есть первое поколение в нашей истории, которое не знало тоталитаризма. Это не значит, что он нас пугает. Напротив, мы его абсолютно не боимся и не ощущаем на себе руку большого брата. Мы не испытываем лишнего пиетета к власти. Мы готовы предъявлять ей счет и спрашивать, что она сделала для страны, а не отвечать, что мы сделали для нее. Мы — это те, кто начал строить свою жизнь уже как абсолютно свободные люди, не чувствуя на себе того груза, который чувствовали вы. И в том, что это так, есть большая ваша заслуга.

Сегодня россияне находятся под воздействием тяжелого постстрессового синдрома и потеряли доверие ко многим вещам. Общество испытывает острый дефицит моральных ценностей, утрачен нравственный компас. В 90-е годы нам пытались предложить взамен утраченной идеологии потребительства, идеологию обогащения, но многие из моих тридцатилетних ровесников не приняли эти идеи, и нам очень больно ощущать этот дефицит морального духа и, кстати говоря, моральных лидеров.

Я не согласен с Г.Х. Поповым в том, что нам не нужны лидеры. Мне кажется, что только моральные лидеры, какие были у других народов, например Вацлав Гавел или Нельсон Мандела, смогут нас вывести в будущее. Я думаю, что это общая задача и вашего, и нашего поколений — вернуть России моральный компас и помочь выйти наружу людям, которые будут пользоваться моральным авторитетом в обществе. Сегодня эта задача гораздо важнее, чем составление каких-то общих списков из политиков, чем участие в бутафорских выборах. Только с появлением в нашем обществе моральных лидеров ситуация изменится и люди опять захотят выходить на улицы и высказывать свое мнение, как это было в конце 80-х. Нам с вами это по силам. Очень важно объяснить тем, кто этого пока не видит, что нынешняя власть не может считаться достойной альтернативой аморальным 90-м годам.

Повод для оптимизма у нас есть, потому что представители нового поколения, нынешние двадцатилетние, умеют уже гораздо больше нас. Если мы вооружим их моральным компасом, то все будет хорошо.

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

Петр Вайль:

Антон Поминов учится в магистратуре Высшей школы экономики и активно участвует в молодежном движении «Я думаю». Кстати, хочется надеяться, что это в меньшей степени утверждение, а в большей — приглашение к разговору. Антон появился на свет в 1985 году, то есть он ровесник эпохи Горбачева.

Антон Поминов, движение «Я думаю»

Будучи студентом ГУ — ВШЭ, в марте 2004 г. участвовал в создании группы студентов «Я думаю». Организация была создана на следующий день после выборов президента России — 12 случайно встретившихся единомышленников объединяла идея, что страна идет в неправильном направлении. Сделав шаг вперед с точки зрения прав человека и демократии, с 2000 г. российское общество двинулось в обратном направлении — к авторитаризму и подавлению в человеке гражданина.

Основная цель, которую поставили себе студенты, — помогать таким же, как они, задумываться над тем, что и почему происходит в нашей стране, как это отразится на их жизни. К настоящему времени, за два с половиной года своего существования группа заметно выросла: в ее деятельности принимают участие студенты МГУ, РГГУ и других вузов Москвы; кроме того, некоторые проекты привлекают молодежь из других регионов России, Украины, Белоруссии. В рамках достижения отдельных задач осуществляется активное сотрудничество с другими молодежными и правозащитными организациями.

Группа «Я думаю» реализовала множество образовательных, благотворительных, правозащитных, просветительских проектов. Каждый участник группы может сказать: я делаю все что могу для того, чтобы человек в моей стране ощущал себя Человеком и признавался таковым.

Трава прорастет сквозь бетон

Мне не удалось пожить в то время, когда у нас была тоталитарная страна, но, судя по последним событиям, у меня все еще впереди. И если нашими старшими учителями двигало желание сдвинуть стену, чтобы завоевать большую свободу, приблизить тот момент, когда они смогут самовыразиться и сделать что-то для общества и для себя, то нас заставляет действовать понимание того, что, если не упираться в стену, она может придавить.

Я бы хотел выразить огромную признательность всем тем людям, которые были до нас и исповедовали ценности, которые мы смогли впитать в 90-е годы. Это прежде всего ценность свободы как возможности свободного выбора. Я надеюсь, что мы не подведем и будем продолжать в том же духе. Трава всегда прорастает даже сквозь бетон.

Петр Вайль:

Завтра исполняется 75 лет Михаилу Горбачеву, первому советскому, российскому лидеру и, кажется, увы, на сегодняшний день последнему, который сомневался в правоте своих действий. Давайте его поздравим.

Ирина Ясина:

У А.Б. Рогинского в «Мемориале» работают не только люди его поколе-

ния, но и существенно более молодые. Я хочу предоставить слово одному из них, Григорию Шведову.

***Григорий Шведов, директор информационного агентства
МЕМО.РУ, член правления Международного общества «Мемориал»,
главный редактор интернет-СМИ «Кавказский узел»***

Шведов Григорий Сергеевич, родился в 1976 г. в Москве. Филолог по образованию, начал работу в «Мемориале» в качестве редактора. С 1998 по 2001 г. вместе с коллегами создал четыре периодических издания, одно из которых публикует новости ежедневно — это интернет-СМИ «Кавказский узел» (<http://kavkaz.memo.ru>). Позднее они были переданы в управление информационному агентству МЕМО.РУ. Спланировал и осуществил более 100 региональных акций, включая проекты, специально посвященные ситуации в Чечне.

Под его общим руководством в настоящее время работает постоянный коллектив журналистов и региональных активистов (до 60 за последние два-три года). Основной задачей коллектива является продвижение либеральных, правозащитных ценностей в разные сегменты российского общества. В рамках МЕМО.РУ на основе технологии социального маркетинга проводится работа одновременно с несколькими целевыми аудиториями через специализированные программы. В 2002–2004 гг. было проведено пять полноценных PR-кампаний по правам человека на основе данных, полученных в ходе социологических опросов, специально проведенных Левада-Центром и компанией «Валидата». Данные этих опросов продемонстрировали широкую поддержку ответственностью на местном уровне продвигаемых в рамках PR-кампаний ценностей. Материалы о кампаниях были опубликованы, в частности, в журнале Economist и газете Washington Post. Г. Шведов — постоянный эксперт ВВС.

Является редактором-составителем брошюры «Социальный маркетинг и права человека» (2004, 2005); составитель и один из авторов сборника «Быть чеченцем: мир и война глазами школьников» (2004, переиздан издательствами AUFBAU в Германии, Humanist в Норвегии в 2006 г.); один из авторов сборника «Правозащитное движение в России» (2004); один из составителей и авторов сборника «Чечня 2003: политический процесс в Зазеркалье» (2004, републикован на англ. яз.); составитель, один из авторов брошюры «Горизонталь третьего сектора» (2002); один из авторов доклада «События в Кодорском ущелье, октябрь 2001: мониторинг общественного мнения» (2002).

Давайте обратим внимание на других молодых

Мне кажется важным сказать несколько слов об актуализации истории. Что происходит за пределами этого зала, вне круга собравшейся здесь интеллектуальной элиты, представители которой одинаково воспринимают то, что происходило десятилетия назад? Я думаю, что историей стала даже сама рефлексия над этими годами. Уже фильм «Покровские ворота» малознаком, хотя мы можем, наверное, тешить себя надеждой, что эта линия беспрерывно передается молодому поколению. Но хотя ценности шестидесятников, и в частности идея гражданских свобод, и потеряли свою популярность, они не утратили актуальности. Вопрос лишь в том, как выразить их на новом молодежном языке, причем это не тот язык, на котором гово-

---

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

рят молодые люди, сидящие в этом зале и учащиеся в элитарных московских вузах.

Надо обращать больше внимания на молодых людей, которые не похожи на собравшихся здесь, не похожи на наших близких, не похожи на наших сторонников. Надо изучать их, надо понять, о чем они думают, как оценивают сегодняшний день. Не следует тешить себя иллюзиями. Потому что, когда мы проводим такие опросы, они показывают, что молодежь относится к событиям на Украине или в Грузии совсем не так, как нам бы, наверное, хотелось. Но даже если мы и освоим язык реальной молодежи, как доносить до нее наши ценности? Какие формировать послания, чтобы они были услышаны? Ведь ни для кого не секрет, что, выйдешь ты на Красную площадь или выступишь на нее в белом халате, как делают флешмоберы, это действие не вызовет такого резонанса, какой вызывали действия наших глубокоуважаемых предшественников. Потому что сегодня совершенно другое информационное пространство.

Ответы на эти вопросы лежат в русле современных технологий: пиара, социального маркетинга, стратегической коммуникации, которые у нас, к сожалению, не в ходу. И еще хочу сказать, что стратегия передачи эстафетной палочки не кажется мне самой правильной. Нам еще очень долго будет нужно, чтобы наши глубокоуважаемые коллеги шли рядом с нами, чтобы они участвовали в том, что происходит, и не думали, что символически на этой сцене сейчас или в ближайшие годы может свершиться хоть что-нибудь отличное от подхватывания риторики. Подхватывание ценностей займет гораздо больше времени. К сожалению, сотни тысяч молодых людей сегодня не меньше комсомольцы, не меньше «наши», не меньше «идущие вместе», чем их предшественники. Опросы, которые Левада-Центр проводил в последние несколько лет, показывают, что 73% молодых людей не поддерживают свободу собраний, в принципе не считают это важной ценностью, что 57% молодых людей не считают важной ценностью свободу слова. Тогда зачем же нам напрасно ждать чего-то от этих молодых людей? Хочется напомнить слова нашего великого 24-летнего предшественника:

Печально я гляжу на наше поколение!
Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познаний и сомнений
В бездействии состарится оно.
<...>
К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно малодушны
И перед властью — презренные рабы.

Я не хочу сказать, что вся российская молодежь именно такая. Но не социальная ли апатия является значимой характеристикой сегодняшнего молодого человека?

Что мы можем изменить, что мы можем сделать? Мы можем задать вопрос прежде всего самим себе: готовы ли мы, выйдя из этого зала, начать говорить не с нашими друзьями, но с другими, с теми, кого мы почти не знаем, с поколением Pepsi, и как нам с ними говорить? Я думаю, что их, других, сегодня большинство и становится все больше. Но я также думаю, что поколение шестидесятников научило нас говорить с другими, научило нас быть публичными и открытыми, научило нас формировать язык. Так давайте обратим внимание на других молодых.

Петр Вайль:

Глядя на Ирину Воробьеву, активистку «Молодежного ЯБЛОКА», трудно удержаться от метафор, вроде «цветущая ветвь яблони». В общем, «ЯБЛОКУ» повезло. При этом Ирина, по ее собственному признанию, не собирается заниматься ни политикой, ни политологией, считая, что не те времена, а как раз совершенно в духе 60-х хочет заниматься и занимается общественной деятельностью.

Ирина Воробьева, «Молодежное ЯБЛОКО»

Воробьева Ирина Сергеевна, родилась в 1983 г. в Москве. Окончила Международный независимый эколого-политологический университет, факультет менеджмента в туризме. В 2003–2005 гг. — заместитель руководителя московского «Молодежного ЯБЛОКА». Участвовала в большинстве уличных акций «Молодежного ЯБЛОКА» того времени. В 2005 г. — кандидат в депутаты Московской городской думы четвертого созыва по Тушинскому округу. В 2005 г. — один из инициаторов создания молодежного коалиционного движения «Оборона», из которого через год вышла. С апреля 2006 г. редактор-корреспондент радиостанции «Русская служба новостей 107.0 FM».

У нас другие страхи

У меня было очень мало шансов захотеть заниматься политикой и общественной деятельностью, поскольку родители никогда со мной об этом не говорили. Но я видела, что они боялись и боятся до сих пор. Может быть, хорошо, что они ничего не рассказывали, а то их страх передался бы мне и я, наверное, ничего не стала бы делать.

Не так давно я случайно оказалась на «Эхе Москвы». Нателла Болтынская (у нее как раз шла программа на тему «Какое прошлое ждет нас впереди») посмотрела на меня и сказала: «Мне очень жалко ваше поколение, потому что вы не боитесь. Вот я знала, что читать Солженицына на улице нельзя, а вы не знаете». Тогда я не нашла что ей ответить, а сейчас отвечу. Мне не жалко свое поколение, потому что это очень хорошо, что мы не боимся. Это очень хорошо, что два года назад мы не боялись выйти на улицу и заки-

---

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

дать красной краской здание на Лубянке. Это очень хорошо, что мы не боимся хотя бы говорить об этом с друзьями в Интернете, здесь, на улице, неважно где. Нам нельзя бояться. Я хотела ответить Грише, почему молодежь такая, почему она не ценит свободу слова, свободу собраний. Потому что нам никогда не запрещали этого. Мы выросли с сознанием того, что все это есть. Большинство молодежи просто не интересуется этим настолько детально, чтобы понять, что на самом деле уже нет ни свободы слова, ни свободы собраний. У нас абсолютно другие страхи, и мы будем пытаться с ними бороться.

Почему я никогда не буду заниматься политикой? Потому что лозунг «Честность — лучшая политика» давным-давно устарел и никого не трогает. Так что в моем понимании заниматься политикой — значит обманывать себя. Я готова заниматься общественной деятельностью, я готова выходить на улицы, я готова заниматься просветительством, но я не хочу заниматься политикой в том понимании этого слова, которое есть сейчас.

Вообще, довольно странно выступать перед такой аудиторией, ведь между нами пропасть времени. Спасибо вам большое за то, что вы пришли, вы слушаете, вы говорите. И не считаете, что вы для истории уже многое сделали и на этом можно успокоиться. Нет, вы пытаетесь до нас что-то донести. Это очень ценно и очень важно. Спасибо вам.

Ирина Ясина:

Русский язык хорош для описания дворянских усадеб, но, например, говорить о гражданском обществе, о правах человека лучше по-английски. Ведь Ира, вообще-то, говорила о policy, никак не о politics, но в русском языке есть только одно слово для обозначения этих понятий — политика. Мы не зовем людей на баррикады, то, что мы сейчас тут делаем, это нормальная общественная работа. Это policy, а переводится как политика. По-русски это все равно политика.

Роман Доброхотов, движение «Мы»

Доброхотов Роман Александрович, родился в 1983 г. в Москве. Окончил МГИМО с дипломом магистра мировой политики по специальности «политэкономия». В настоящее время — аспирант факультета мировой политики Высшей школы экономики и корреспондент «Новых известий», замредактора отдела экономики. Является председателем центрального совета демократического движения «Мы», участник многочисленных правозащитных акций в России и Белоруссии. Автор публикаций в журналах «Полис», «Власть» и «Свободная мысль».

Мы боремся с невежеством и безразличием нашего общества

Я, напротив, хочу рассказать, почему я буду заниматься политикой в любом ее переводе.

О шестидесятниках, как и большинство моих друзей, я знаю очень мало и даже Советский Союз помню весьма смутно. Помню, в младших классах я был истинным ленинцем и стал бы октябренок, если бы папа не увез меня из города, чтобы я этого не сделал, что меня очень опечалило. Папа, кстати, был невыездным. Мама, простой советский инженер, в 1991 году вышла на баррикады. Начиная с 1991 года у нас дома звучало «Эхо Москвы». Постепенно я начал прислушиваться к тому, что говорят вокруг.

Потом я поступил в гуманитарный лицей на Воробьевых горах, где меня научили читать литературу не по-советски. Потом я поступил в МГИМО, где меня научили по-английски и по-немецки читать газеты. Вы сами понимаете, что на английском и немецком языке пишут немного не то, что на русском языке. И я стал понимать, что движется все куда-то не туда. Я мог бы, конечно, недавно выпустившись, пойти работать менеджером за тысячу долларов, есть по утрам йогурты, ходить в офис, потом снять квартиру, поставить там мебель из «ИКЕИ»... Но есть какое-то внутреннее чувство, такое ноющее, режущее чувство совершающейся несправедливости, ощущение того, что мне с экранов каждый день втюхивают ложь. И это чувство нельзя заесть йогуртами, нельзя компенсировать обыденным комфортом.

Правильно говорили мои коллеги, что, если сейчас выйти на Красную площадь с транспарантом «За вашу и нашу свободу», это никого не тронет и это ничего не значит. У нас, в отличие от вас, немного другая задача. Мы уже боремся не против диктатуры — какая же это диктатура? это пародия на нее — мы боремся с невежеством и безразличием нашего общества, и это не менее тяжелая борьба, пусть даже она и не требует такой смелости, какая нужна была вам.

Я не знаю, что волнует моих коллег, но я не могу спокойно смотреть, как закрывают НТВ, как разворачивают «ЮКОС», как сажают наших ученых, обвиняя их в шпионаже, как разоблачают известную английскую шпионку Людмилу Алексееву, я не могу на это спокойно смотреть и есть свои йогурты, работая менеджером. Пусть говорят, что нас сегодня меньшинство, а большинство все это поддерживает, и что это и есть демократия. Но демократия — это же не власть большинства. Власть большинства — это был Советский Союз. Невежественного, серого, агрессивного, запуганного большинства. Вы разрушили эту систему, а мы сделаем все от нас зависящее, чтобы она никогда не вернулась.

Петр Вайль:

Вы, наверное, заметили, что все выступающие получают четырехтомник «Антология самиздата». Здесь находится его составитель — Марк Барбакадзе.

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

Марк Барбакадзе, член-корреспондент Международной академии информатизации

Выбирай что читать: Бунина с Бродским или Бабаевского с Безыменским

Мне кажется, что духовной пищей шестидесятников был самиздат. Множество людей, которые читали в свое время самиздат, не были шестидесятниками, но все шестидесятники читали самиздат. Это один из объединяющих элементов.

Что побудило меня и моих друзей взяться за составление этой антологии? Главная причина в том, что феномен самиздата до сих пор до конца не исследован, и мы решили современным людям, особенно молодежи, показать, что же это такое. Когда сегодня молодежь приходит в книжный магазин или в библиотеку и видит, что, скажем, Бабаевский стоит рядом с Буниным, Погодин — с Пастернаком, Солженицын — с Софроновым, а Бродский — с Безыменским, она думает, наверное, что так было всегда. В нашей книге собрано то, что было доступно в то время очень ограниченному кругу — большинство не могло этого прочесть. И если из пяти лауреатов Нобелевской премии по литературе четверо пришли к нам из самиздата, то, я надеюсь, это должно заставить молодого человека задуматься, кем же он хочет стать — читателем Бабаевского с Безыменским или все-таки Бунина с Бродским.

Давайте говорить...

Петр Вайль:

Судя по многочисленным голосам из зала, пришло время свободной дискуссии. Ее будет вести умеющий командовать Евгений Ясин.

Евгений Ясин, президент фонда «Либеральная миссия»:

Мы начинаем. Выступать и записываться могут все. Сначала дадим высказаться политикам.

Никита Белых, председатель Федерального политического совета СПС

Белых Никита Юрьевич, родился в 1975 г. Окончил экономический и юридический факультеты Пермского госуниверситета и поступил в аспирантуру. Прошел стажировку в Оксфорде, Великобритания. Во время учебы в университете работал журналистом на телевидении в программе «Прикамье вечернее».

В 1993 г. учредил инвестиционную компанию «Фин-Ист». В июле 1998 г. становится вице-президентом Пермской финансово-производственной группы (крупнейшего финансово-промышлен-

ного объединения Прикамья). В июне 2002 г. создается ООО «ИБГ «Парма»», в которой Н. Белых занимает место заместителя генерального директора, а с мая 2003 г. становится генеральным директором. В 2001 г. был избран депутатом Законодательного собрания Пермской области, работал сначала заместителем, а потом — председателем Комитета по экономической политике и налогам, был членом депутатских групп «Промышленники Прикамья» и «Союз правых сил». В марте 2004 г. назначен вице-губернатором Пермской области.

28 мая 2005 г. избран председателем Федерального политсовета партии «Союз правых сил».

31 мая 2005 г. подал в отставку с поста вице-губернатора Пермской области.

В бой идут одни старики

Раскрою маленькую тайну. Мы позавчера собирались для решения организационного вопроса, и когда я пришел, как раз обсуждали, давать вообще мне слово или не давать. Евгений Григорьевич, как член Федерального политсовета СПС, говорил, что надо дать, а Ирина говорила, что не надо. В итоге сошлись на том, что слово дать, но о политике ни слова. Я мысленно представил тех, кто будет выступать передо мной и понял, что говорить-то практически и нечего. Тем не менее несколько мыслей я бы хотел до вас донести.

Как ни грустно, но сегодняшнее мероприятие, во всяком случае первая его часть, у меня оставило четкое ощущение научно-практической конференции. То есть я буквально кожей ощущаю, что все те события, о которых рассказывали, сопоставляя временные даты с открытием театра на Таганке, нас еще ждут. Поэтому многие из воспоминаний в ближайшее время могут иметь вполне прикладной характер.

Теперь что касается позитива. Оттепель — это время, когда начинается весна, рождается что-то новое, появляется новая жизнь. В ту, первую, «оттепель» общество породило морально-нравственные авторитеты. «Оттепель», которая случилась в конце 80-х — 90-х годах, тоже породила авторитеты, но не морально-нравственные. Это авторитеты в науке, в том числе прикладной, это авторитеты в бизнесе, это авторитеты криминальные. И они сыграли, точнее, до сих пор играют свою роль. Но, к сожалению, повторю, морально-нравственные авторитеты новой волны не появились. И сегодня в составе Общественной палаты, которая, как предполагается, должна включать сливки гражданского общества, я не вижу людей среднего возраста, которые хотя бы считались морально-нравственными авторитетами для большинства граждан страны. Но это не означает, что в них нет потребности.

Два года назад у меня состоялся интересный диалог с моим другом, который купил небольшой завод — душ на четыреста. Я не мог понять, хотя мы в свое время имели совместный бизнес, какой логикой он руководствовался. И когда я его спросил: «Зачем ты это сделал, кому ты собираешься его перепродать или

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

как ты собираешься его заставить эффективно работать?» — он ответил: «Дело не в этом. У меня сын растет. И я боюсь, что очень скоро он задаст вопрос: "Папа, а откуда все взялось?" А я завод покажу. Сложно объяснять, как я это намешковал раньше». Это мотивация. Но общество-то ведь не ребенок. И объяснить, как ты вдруг проснулся морально-нравственным авторитетом, не удастся. Им не становятся на полпути, как нельзя быть наполовину беременной.

Итак, морально-нравственных авторитетов новой волны нет. Те, кто у нас стоит во главе общественно-политических формирований, либо уже не моральные авторитеты, либо, скорее всего, ими не станут. Это я и к себе отношу. Поэтому у нас два пути. Или еще один цикл пропускать и ждать, когда Шведов, Яшин, Воробьева, Маша Гайдар и другие молодые лидеры покажут себя, или, что мне кажется более реалистичным, призвать в строй тех, кто есть, несмотря на серьезный возраст и не совсем хорошее здоровье. Это, возможно, тот случай, когда в бой идут одни старики. Потому что, когда потребность в моральных авторитетах не удовлетворена, приходится констатировать, что людям верить не во что и не в кого. Вот и верят в президента. Хотя, казалось бы, лучше голодать, чем все что попало есть. Не получилось — не удалось отойти от политики. На этом я и закончу.

Евгений Ясин:

Хочу заметить, что морально-нравственным авторитетом в молодости не становятся. Авторитет и признание нужно заслужить, и дается это непросто. Но даже когда дается, об этом часто начинают говорить только тогда, когда моральный авторитет уже ушел из жизни. Так случилось с академиком Лихачевым, который был настоящим нравственным авторитетом, но все как будто дожидались, пока он умрет, чтобы начать говорить об этом.

Никита Белых:

Как-то Леонид Гозман сказал, что «Единая Россия» с большим удовольствием приняла бы в свои ряды академика Сахарова посмертно. Наверное, не получится. А говоря о молодежи, я имел в виду другое. Проблема в том, что большинство молодых людей никогда не станут морально-нравственными авторитетами — у современной молодежи уже сейчас такой бэкграунд...

Евгений Ясин:

Ты пессимист.

Никита Белых:

Я оптимист. За власть мы будем бороться, и мы не погибнуть хотим, а разорвать порочный круг.

Алексей Симонов, президент Фонд защиты гласности

Симонов Алексей Кириллович, родился в 1939 г. в Москве. В 1956–1958 гг. принимал участие в экспедиции на полюс холода в Якутию (вальщик леса, повар, пекарь, лаборант). 1958–1964 гг. — учеба в МГУ им. М.В. Ломоносова на индонезийском отделении факультета

восточных языков. В 1963–1964 гг. — переводчик в Джакарте, Сурабае (Индонезия). 1964–1967 гг. — редактор, автор предисловий к переводам книг с восточных языков в издательстве «Художественная литература». 1968–1970 гг. — учеба на Высших режиссерских курсах. В 1970–1991 гг. работал в творческом объединении телевизионных фильмов Гостелерадио «Экран».

С 1991 г. по настоящее время председатель правления, президент Фонда защиты гласности.

Мы слышим только себя

Хочу напомнить всем присутствующим, что у шестидесятников был свой манифест, но фамилия его автора ни разу сегодня не прозвучала, и это обидно, хотя отношения у нас с ним сложные. Манифестом шестидесятничества было вот это стихотворение Евтушенко:

Я разный —
я натруженный и праздный.
я целе-
и нецелесообразный.
Я весь несовместимый,
неудобный,
застенчивый и наглый,
злой и добрый.
Я так люблю,
чтоб все перемежалось!
И столько всякого во мне перемешалось
от запада
и до востока,
от зависти
и до восторга!

В этих стихах, на мой взгляд, сформулирована позиция диссидентов и шестидесятников. Глубоко убежден в том, что диссидентство не выжило бы без шестидесятничества, это соединяющиеся сосуды, и говорить о них как о разных явлениях просто несерьезно.

Что касается реальных шестидесятников, которые сегодня выступали, то они наглядно продемонстрировали, что одной из их отличительных черт до сих пор является неспособность кого бы то ни было слышать, кроме самого себя. Зато мы увидели наших преемников — Рогинский, Аузан, Архангельский, их же счастье было слушать! Степень погружения, логика, внятность... Ребята, если нам придется оставлять эту сцену, то мы оставим ее на хороших артистов!

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

Владимир Рыжков, независимый депутат Государственной Думы Российской Федерации

Рыжков Владимир Александрович, родился в 1966 г. в Рубцовске Алтайского края. В 1983 г. поступил в Алтайский государственный университет на исторический факультет. С 1985 по 1987 г. проходил срочную службу в войсках связи под Новосибирском. Закончил служить в звании старшего сержанта, замкомвзвода роты связи. Был награжден медалью «За отличие в воинской службе».

В студенческие годы ведет активную общественную жизнь, и к концу 80-х становится одним из основоположников демократического движения на Алтае. По окончании вуза был приглашен работать на кафедру Всеобщей истории АГУ. В 2000 г. защитил кандидатскую диссертацию в Санкт-Петербурге, кандидат исторических наук.

В 1991 г. назначен секретарем администрации Алтайского края в ранге заместителя главы администрации.

Четыре раза (1993, 1995, 1999, 2003) избирался депутатом Государственной Думы РФ.

В 2005 г. вошел в состав Политсовета Республиканской партии, в 2006 г. — избран сопредседателем РПР.

Добить гидру сталинизма!

Пятидесятилетие XX съезда — это, безусловно, одна из величайших дат и в нашей, и во всемирной истории. Всякое говорят о Хрущеве. Но мне кажется, что самое главное — это то, что были реабилитированы миллионы людей и сотни тысяч вышли на свободу. И больше в нашей истории, к счастью, массовых репрессий уже не было. Это первое.

Во-вторых, прекратилось обожествление вождей. И хотя попытки были, и сейчас, как мы видим, они есть, но после Хрущева уже ни один человек, сидящий в Кремле, Богом никогда не будет. Это его великая заслуга.

Ну и, в-третьих, конечно, появилось поколение шестидесятников, которое пронесло это пламя до наших дней. Кстати, вот, пожалуй, классический шестидесятник — М.С. Горбачева. Не было бы XX съезда — не было бы Горбачева. Не было бы Горбачева, не было бы ни Рыжкова, ни Белых. Потому что как шестидесятники — это дети XX съезда, так мы дети Горбачева.

Но десталинизация не завершена. Больше того, мы каждый день сталкиваемся с признаками новой сталинщины. Людям и целым партиям запрещают участвовать в выборах. Телевидение опять превратилось в рупор самой разнузданной пропаганды. Читаю знаменитое выступление Суркова пару дней назад, он говорит: мы знаем, куда вести страну, и больше никому не позволим. То есть мы можем подвинуться. Они, как выясняется, патриоты, а мы все нет. Вот свежая новость: то ли в Якутии, то ли еще где-то решили поставить памятник Рузвельту, Черчиллю и Сталину, это сейчас форма такой стыдливой сталинизации — дескать, мы же не только Сталину... Задачу нашего поколения я вижу в том, чтобы добить эту гидру до конца. Вы это начали, Михаил Сергеевич продолжил, а наше с Никитой Юрьевичем дело — завершить.

Людмила Алексеева, председатель Московской Хельсинкской группы**Это — для молодых**

Я хочу отметить, что наше поколение передало следующему не просто моральные ценности, а то, что можно пощупать руками, прежде всего самиздат. Когда началась перестройка, вы помните, был целый шквал публикаций. А не было бы самиздата, наша молодежь того, что мы сохранили в самиздате, не узнала бы. И она бы стала беднее, потому что в самиздате сохранялись только качественные вещи. Это было не что иное, как передача культурного наследия, большая часть которого без самиздата бы умерла.

И второе. Итогом 25 лет диссидентского движения в СССР стала вторая глава нашей Конституции, в которой перечислены права человека и говорится, что не человек для государства, а государство для человека. Скажете, что это только на бумаге, что в жизни этого нет? Так пусть молодые и перенесут это с бумаги в жизнь — еще через одно, через два поколения. Вот вам и задача.

Юрий Рубинский, политолог, специалист по истории и политике Франции

Рубинский Юрий Ильич, родился в 1930 г. в Киеве. В 1953 г. окончил Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) МИД СССР по специальности «историк-международник», в 1956 г. — аспирантуру того же института по кафедре истории международных отношений и внешней политики СССР. Доктор исторических наук (1969; тема: «Политические партии и государство во Франции в период Третьей республики»), профессор.

В 1956–1977 и 1986–1987 гг. — младший, затем старший научный сотрудник, главный исследователь, заведующий сектором Франции и стран Южной Европы Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) АН СССР.

С 1963 по 1977 г. по совместительству старший преподаватель, доцент, профессор Института общественных наук. В качестве ассоциированного профессора читал курсы лекций в университетах Парижа, Экс-ан-Прованса, Тура, страсбургском Институте политических наук, парижском Институте по изучению международных отношений. Выступал с лекциями в университетах США (Нью-Йорк, Сан-Франциско), Великобритании, Италии, Швейцарии, Португалии, Алжира, Туниса, Марокко, Мали, Сенегала, Гвинеи, Конго (Браззавиль), Мадагаскара, Пакистана, Шри-Ланки и других стран.

С 1997 г. — руководитель Центра французских исследований Института Европы РАН. Лауреат премии Гизо Французской академии за книгу «Россия во Франции» (Париж, 1997).

В 1978–1985 и 1987–1997 гг. работал в МИД СССР, затем РФ в качестве советника, первого советника посольства во Франции. Имеет дипломатический ранг советника I класса.

В 2000–2001 гг. являлся советником-консультантом заместителя председателя Государственной Думы РФ по европейским проблемам.

Опубликовал в России и Франции 19 монографий и брошюр по проблемам международных отношений, свыше 300 глав коллективных монографий и научных статей.

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

От Дубчека к Гавелу надо было сделать шаг

Самым страшным днем в моей жизни в 60-е годы было 21 августа 1968 года, когда наши танки вошли в Прагу. Потому что всем стало ясно, что наша эпоха, эпоха тех, кто тогда на что-то надеялся, закончилась.

В 90-е годы слово «шестидесятник» стало приобретать не просто негативный, а несколько презрительный оттенок. И ладно бы в устах закостенелых сталинистов, так нет, это демократы и либералы говорили: «Ну что это за люди — шестидесятники? Они апеллировали к Ленину против Сталина, они строили какие-то иллюзии относительно национально-освободительных движений, третьего мира». И это действительно было. Но на определенном этапе людям надо, видимо, на что-то надеяться, а другой реальности, кроме той, что они имели в условиях тоталитаризма, они не знали и не видели. Призывать к тому, чтобы брать пример с Запада, тогда было трудно и не было бы понято. Да и чувствовали мы себя именно так, как чувствовали, как говорили.

Солженицын в одном из своих романов называет «Интернационал», который поют политзаключенные в тюрьме, великим пролетарским гимном. Это сейчас смешно и даже несколько стыдно, но в этом все-таки был какой-то смысл.

От Дубчека к Гавелу надо было сделать шаг. И он был сделан в Чехословакии, не у нас. У нас, к сожалению, только двадцать лет спустя его начал делать Горбачев. Но когда этот шаг был уже сделан, тогда о шестидесятничестве стали говорить как о пройденном этапе, о котором надо с улыбкой вспоминать, как о грехах или заблуждениях молодости.

Сегодня мне бы хотелось, как человеку, который жил в то время, призвать младшее поколение придумать что-то новое, свое, во что люди бы поверили и на что они могли бы опираться в поисках смысла жизни.

Алла Гербер, президент фонда и сопредседатель центра «Холокост»

Я и мы

Я принадлежала и принадлежу, и не боюсь этого, к числу шестидесятников. Меня даже в журнале «Юность» так и называли — «наша простая шестидесятница». Мы все тогда находились в поразительной атмосфере свободы. Это было состояние безумного счастья.

Куда бы я ни приезжала, первое, что спрашивали: «Ну что там у вас в "Новом мире", что там у вас в "Юности"? Зачитывались, читали не меньше, чем самиздат. Тогда «Новый мир» был духовным лидером граждан нашей страны.

Что происходило, когда пел Окуджава, когда пел Галич? Мы научились говорить, мы научились слушать, мы научились не бояться молчать. Ведь было время, когда мы боялись даже молчать. Это барды впервые заговорили от сво-

его имени, от имени «Я». Ведь до этого были только «мы»: мы идем, мы строим, мы ребята-молодцы.

Когда началась перестройка, появилось ощущение: зачем нам это надо? Многие шестидесятники тогда отошли от дел. Но еще есть слово, которое мы можем вам сказать, еще есть вера, которую мы можем вам передать, еще есть чувство, что можно быть вместе, оставаясь каждый единственным и неповторимым.

Денис Драгунский, журналист, научный руководитель Института национального проекта

Драгунский Денис Викторович, родился в 1950 г. в Москве. Окончил филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (1973). Преподавал греческий язык в Дипломатической академии (1973–1991), работал политическим аналитиком и журналистом в информационном агентстве «Постфактум», в журналах «Век XX и мир», «ДН», «Итоги», «Новое время», старшим научным сотрудником Института мира США (1994–1995). С марта 1999 г. советник партии «Союз правых сил», с марта 2000 г. основатель и научный руководитель Института национального проекта «Общественный договор».

Не бывает хорошего Аятоллы Хомейни

Свобода — вещь очень требовательная. Я вспоминаю мемуары Бунина о Брюсове, где он писал, что Брюсов призывал сбросить всех классиков на помойку, писать не так, писать по-другому, всех отменить, но в новом мире свободы у Брюсова уже все было расписано до секунды во времени и до миллиметра в пространстве. Было понятно, какое авангардное искусство правильно, а какое авангардное искусство неправильно.

Соблазн революции очень опасен в том смысле, что ведет нас все туда же, в ту же самую вороночку — вороночку подчинения, вороночку большинства, вороночку общего блага. И когда я здесь слышу «ради страны, ради общества», я настораживаюсь. Мне кажется, что это такое смоляное чучелко, к которому, как в сказке, стоит раз прикоснуться — и влипнешь в ту же самую омерзительную государственническую мифологию, в которой мы, к сожалению, до сих пор существуем. Потому что мы хотим блага для всех, мы хотим демократии для всех, мы хотим процветания для всех и даже авторитетов духовных мы тоже хотим для всех.

Господа, одумайтесь! Какие духовные авторитеты? Уже Аятолла Хомейни был. Мы хотим нового Аятоллу Хомейни? Не бывает хорошего Аятоллы Хомейни. Духовный авторитет — это всегда утонченная форма духовного рабства.

Каждый должен себе сказать: я не работаю для кого-нибудь, я не ищу общего языка ни с властью, ни с народом, ни с молодежью, которая играет рэп, ни с молодежью, которая слушает Бетховена или Шонберга. Это значит: я емь, я могу, я прав. И, очевидно, только на этой основе мы сможем существовать дальше. Я нарочно не говорю обрывших слов «страна» и «общество».

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

Елена Гусева, депутат муниципального образования Левобережное города Москвы

Гусева Елена Борисовна, родилась в 1951 г. в Москве. Окончив школу с золотой медалью, поступила в МАИ на факультет систем управления. Как и многие люди своего поколения, после института работала в «почтовом ящике», пройдя путь от инженера до начальника сектора автоматизированных систем управления.

В годы перестройки, когда оборонная отрасль слабо финансировалась, параллельно с основной работой освоила специальности экономиста и бухгалтера, работала в Московском народном доме и научно-производственной фирме главным бухгалтером.

В 2000–2005 гг. — помощник депутата Д.И. Катаева в Московской городской думе по вопросам местного самоуправления.

Неоднократно участвовала в выборах в качестве кандидата по одномандатным округам в МГД и ГД.

В настоящее время член Общественного совета по жилищному самоуправлению при депутата Г.П. Хованской в Государственной Думе, участник Всероссийского гражданского конгресса, член Федеральной ревизионной комиссии партии СПС.

Дважды (1997, 1999) избиралась советником районного Собрания района Левобережный города Москвы.

Чему учить соседа

Когда шло закрытие Олимпиады в Турине, я собиралась его посмотреть. А в это время по РТР показывали фильм про Светлану Аллилуеву и других родственников Сталина. И что-то меня к этому фильму все время притягивало, не отпускало, хотя я честно пыталась в момент рекламы переключиться на Олимпиаду. Наконец я сформулировала, что мне кажется страшным в том времени: это было коллективное зло. Сталин стоял только на вершине пирамиды, а внизу была огромная питательная среда, которая реанимировала, подпитывала и реализовывала все эти страшные проекты. Каждый раз, уничтожая предыдущих реализаторов, возникали новые. Вот он стоит на Мавзолее во время парада, уже после войны, смотрит в небо на пролетающие самолеты, в его глазах отрешенность и растерянность, по-моему, он тогда уже сломался, а рядом уже стоят они — самоуверенные, наглые и злые. Вы знаете, о ком я говорю.

Меня больше всего беспокоит, что эта питательная среда по-прежнему существует. Очень страшна та скорость, с какой сегодня реанимировалось это холуйство — ведь практически все чиновники записались в «Единую Россию»! Я являюсь членом СПС, и мои товарищи, с которыми я работаю и которые не состоят ни в каких партиях, говорят мне: «Ты хороший человек, зачем ты идешь в политику, политика — это грязное дело». Я им отвечаю: «А вы можете провести грань между грязью в политике, наверху, и чистотой внизу?» На самом деле политика доходит до самого низа, и вы эту грань никогда не проведете.

Я, наверное, не соглашусь с предыдущим выступающим, который говорил, что человек должен сам в первую очередь про себя что-то решить. Мне ка-

жется, что мы должны научиться общаться с людьми, которые рядом с нами, которые что-то не понимают, объяснять им. Я бы хотела, чтобы не «я отдельно, а все остальные против». Я бы хотела свою страну научить думать по-другому, как мы с вами думаем. И это можно делать на примере вполне реальных вещей.

Есть проблемы, которые заботят нас каждый день. Так прочтите Жилищный кодекс и каждого соседа в своем многоквартирном доме обучите, как правильно действовать в этой ситуации. Люди должны начать самостоятельно мыслить и понимать, что свобода — это прежде всего ответственность за то, что ты волен делать. А то мы свободу дали, а ответственности не научили.

Дмитрий Катаев, депутат Московской городской думы

Катаев Дмитрий Иванович, родился в 1937 г. Окончил Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Кандидат химических наук. С 1990 по 1993 г. — депутат Моссовета, председатель Комиссии по свободе слова, средств массовой информации и делам общественных организаций.

Депутат Московской городской думы первого (1993–1997), второго (1997–2001) и третьего (2001–2005) созывов.

Главный наш противник — бюрократия

Недавно я понял простую вещь. Мы можем отрицать историю, можем ее ругать, но она непрерывна. И непрерывна наша родная российская бюрократия. С Петра I или, может быть, еще раньше, пусть историки меня поправят, она пережила и декабристов, и реформу 1860-х годов, и земство, и войны, и Октябрьскую революцию. Она мимикрировала, она менялась, она пережила и революцию 1990 года, и неизвестно, сколько чего еще переживет, если мы ей не поможем. А помочь ей нужно. Вот мы говорим, что нельзя пренебрегать российской спецификой, надо ее учитывать, бесперспективно и вредно копировать Европу или США. Всё так. Но дело в том, что бюрократия — это как раз и есть российская специфика.

Пока мы спорили о правых и левых, пока мы воевали с товарищем Зюгановым или еще с кем-нибудь, избиратели свой выбор уже сделали. В 2003 и в 2005 годах мы с коллегой Любаревым обрабатывали результаты голосования по районам Москвы и обнаружили удивительную, парадоксальную, на первый взгляд, вещь. Например, в Гагаринском районе, где я долгое время был депутатом, один из лучших результатов по Москве за демократов и один из лучших — за коммунистов. И там и тут максимальные проценты. И так по всей Москве — абсолютно четкая положительная корреляция порядка 70–80%. А вот между коммунистами, демократами и «Единой Россией» с ЛДПР такая же корреляция, но отрицательная. То есть народ уже объединил и коммунистов и демократов в одну

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

оппозицию. Я вовсе не предлагаю сейчас развернуть знамена и выдвигать единого кандидата в президенты или хотя бы в Государственную Думу. Провалится этот единый кандидат, потому что нас не поймут ни коммунисты, ни демократы. Но осознавать, что главный наш противник — это бюрократия, мы должны.

Поэтому, как говорила только что Е.Б. Гусева, надо объяснять каждому своему соседу, что свобода — это не абстракция. Это право, но это и обязанность. И от самого человека зависит, переселят ли его после сноса пятиэтажки в тот же район или отправят куда-нибудь на окраину, построят у него во дворе двадцатипятиэтажный дом или нет. И до тех пор, пока это не войдет в подкорку каждого школьника, мы по-прежнему будем ходить кругами.

Виктор Стародубровский, экономист

Стародубровский Виктор Георгиевич, родился в 1936 г. в Москве. В 1958 г. закончил Московский государственный экономический институт. Доктор экономических наук, профессор, первый заместитель генерального директора Международного научно-исследовательского института проблем управления.

Сейчас легче дышится

Я не собирался выступать, но не могу не сказать несколько слов еще об одной грани шестидесятничества. Здесь совершенно справедливо шла речь прежде всего о лидерах, людях, которые несли новые идеи в массы, в народ, и их роль совершенно неопределима. Но все-таки это только видимая часть айсберга, а явление было поколенческим.

Когда пришло сообщение о смерти Сталина, мы заканчивали 10-й класс. Огромные слои населения восприняли это как тяжелейшую личную трагедию — было непонятно, как вообще не рушатся здания и как можно продолжать жить дальше. Об этом грустно говорить, но это факт. Кстати, наши родители были настроены более скептически, а вот молодежь... Именно она пошла на Трубную площадь, снесла оцепление и несколько часов варилась в смертельном котле, совершенно искренне пытаясь попасть к гробу.

И вот XX съезд. И сваливается на голову доклад Хрущева. Это был шок, но шок не трагический — в результате слетели вот эти шоры и мы поняли, что верить можно только себе и собственной оценке того, что происходит. Это был действительно очень глубокий исторический поворот. Но вопрос не только в том, кто говорит, но и в том, кто слушает. Кроме того, были единицы, которые выходили на Красную площадь после начала оккупации Чехословакии, ссылались в Нижний Новгород, организовывали самиздат. Но был еще очень широкий слой людей, занимавшихся тем, что я называю «биться головой об стенку», то есть они пытались хоть чуть-чуть расшевелить своими действи-

ями и предложениями эту заскорузлую систему, которая всех опутывала. Они не надеялись на какой-то быстрый или реальный эффект, но понимали, что и капля точит камень.

Процесс этот, как известно, долгий. И я тогда не мог себе даже представить, что доживу до нынешних, очень сложных, но совершенно других времен, в которых по-другому дышится. Опыт показывает, что история всегда дает определенный шанс — иногда достаточно быстро, иногда приходится долго ждать. Я слушал сегодня молодежь, которая говорила о своем активном стремлении участвовать в общественной и политической жизни, и думал: очень велика надежда на то, что этот шанс не будет упущен.

Игорь Иртенев, поэт

Иртенев Игорь Моисеевич, родился в 1937 г. в Москве. Поэт, член Союза писателей Москвы и ПЕН-центра. Пишет и прозаические произведения. Закончил ЛГИТМиК и Высшие театральные курсы. Главный редактор журнала «Магазин» (Жванецкого). Публиковался в «Литературной газете», «Московском комсомольце», журналах и сборниках: «Юность», «Новый мир», «Знамя», «Магазин», «День поэзии», «Молодая поэзия-89», «Порыв», «ГН», «СП», «Кардиограмма», «СТР», «САМ», «РПА», «Солнечное подполье» и др.

Будем вскапывать огород

Прошу прощения у собравшихся за собственный стихотворный эпиграф:

Здесь можно жить, причем неплохо жить.
Скажу вам больше, жить здесь можно сладко,
Но как и чем то право заслужить —
Оно большая и отдельная загадка.

Здесь на такие пики можно влезть,
От вида коих голова кружится.
Как в Греции, здесь все буквально есть
Для тех, кто здесь сподобился прижиться.

Но чувства добрые здесь лирой пробуждать,
В благословенном этом месте,
Боюсь, придется с этим обождать
Лет сто, а как бы и не двести.

У меня такое ощущение, что идея свободы, которая постоянно муссируется, обсуждается, произрастает на нашей почве плохо, и с этим надо не то что смириться, а просто трезво к этому отнестись. Очень небольшая часть наших сограждан, думаю максимум 10%, это население европейской страны. Только

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

эта часть общества способна не просто впитать идею свободы, но и реализовать ее и воспроизводить в следующих поколениях.

Я очень хорошо помню, как в августе 1991-го на «Краснопресненскую»-кольцевую прибывали поезда, облепленные ельцинскими призывами «Все на баррикады!». Из вагонов выходили по 5–6, может быть 10, человек, а все остальные, закрывшись газетами или весело болтая между собой, ехали дальше. Дальнейшие события подтвердили, что количество людей, которые «выходят из поезда», всегда ограничено. Денис Драгунский абсолютно правильно, на мой взгляд, сказал, что каждый это должен делать для себя. Ну, не только для себя, давайте немного расширим масштабы до приемлемых и, не покладая рук, но и не питаясь бесплодными иллюзиями, будем вместе вскапывать огород.

Евгений Ясин:

Теперь разрешите, я завершу наше сегодняшнее мероприятие. И начну с того, что сегодня мы тихо отпраздновали также седьмую годовщину существования фонда «Либеральная миссия». Можете нас с этим поздравить! Мы, в свою очередь, пытались устроить для вас праздник, и вам судить, насколько эта попытка удалась. Я думаю, что наша задача и дальше будет заключаться в том, чтобы предоставлять площадку для тех, кто желает высказаться, а затем распространять эти идеи.

В истории России всякое бывало. Вот сегодня в фойе продавалась моя книжка «Приживется ли демократия в России?», в которой я пытался показать, что те объективные основания несвободы, которые существовали в советский период, по ряду причин, в сущности, отпали. И сегодня мы представляем собой индустриализованное, образованное, урбанизированное общество, которое, в принципе, не должно подчиняться давлению, а должно уметь и желать отстаивать свои права. Вопрос в том, желает ли оно этого. В конечном счете, бессмысленно критиковать власть, если большинство граждан гражданами быть не хотят, а хотят быть подданными. Это уже в нас самих сидит какая-то дрянь, от которой надо избавиться. Я обращаюсь не к вам. Здесь собрались люди, которые уже прошли освобождение. Но есть много других — они ходят строем, они довольны тем, что у нас наконец есть сильный национальный лидер, они пишут книжки под названием «Зачем нам нужен Путин на третий срок?».

Миссия наша не в том, чтобы устраивать революции и бить посуду. Наш национальный опыт показывает, что если революции заканчиваются успешно, то приводят к власти новые национальные авторитеты, новых диктаторов, может быть и молодых, но нам-то от этого не легче. Поэтому каждому нужно защищать свои права. Каждый должен уважать свое достоинство. Если мы будем уважать свое достоинство, мы сможем сострадать другим, тем, кто не всегда может себя защитить.

Собственно говоря, социальная ткань, порождающая отношения доверия,

возникает не тогда, когда мы все вместе выходим на улицу и кричим «Ура!». Нет. Не в этом дело. А у нас многие люди, считающие себя демократами, понимают гражданское общество так, что это когда «все в один голос». Не надо в один голос. Пускай будет разнообразие. Пускай будут националисты, либералы, социалисты. Пускай они между собой спорят. Ведь в чем, мне кажется, прежде всего проявила себя эпоха шестидесятников? А в том, что появилось это разнообразие. Плита, которая лежала на обществе, поднялась, и оказалось, что все люди разные, что у каждого свои взгляды. Конечно, я глубоко убежден в том, что России нужна либеральная экономическая политика. Предположим, если бы мы сегодня устроили по-настоящему свободные выборы, либералы бы победили? Сильно в этом сомневаюсь. Что важнее сегодня? Демократия? Чтобы победили те, кто набрал больше голосов? Или нет?

Не надо обязательно бороться с властью. Государство, как сказал однажды наш президент, будет всегда стремиться подавить общество, а общество должно сопротивляться. В некотором смысле он прав — сопротивляйтесь. Надо, чтобы власть знала — она не может с этим обществом делать все что угодно. В России существует длинная история сопротивления. Но всякий раз то обстоятельство, что мы находили лучший порядок в деспотизме, приводило нас к одним и тем же результатам. Поэтому пора с этим покончить.

Шестидесятники были очередной волной сопротивления, начавшейся после сталинизма. Потом был Горбачев, перестройка, реформы Ельцина, Гайдара. Сейчас мы опять видим откат. Но наша задача не допустить этого. Встать и сказать: «А я против». Мне очень нравятся тезисы А.Б. Рогинского. В них, по-моему, очень точно сказано о том, что именно мы все должны делать. К этому я хочу добавить только одно — не бояться. *Не бояться!* Потому что именно на это рассчитывают власть предрежащие.

Спасибо вам за то, что вы здесь. Всего вам доброго!

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ В ЗЕРКАЛЕ ИНТЕРНЕТА

Интернет переполнен сведениями о шестидесятниках: почти в тысяче сайтов так или иначе затрагивается это всем известное и тем не менее все еще загадочное, противоречивое и плохо осмысленное явление. Разброс мнений широчайший — от безусловной поддержки и безудержного восхваления до уничижительной и откровенной грубости, переходящей в площадную брань. Видимо, мы все еще находимся в переходном состоянии, раз не остыли страсти, полыхавшие во время революционных (а каких еще?) событий 90-х годов прошлого века, разделивших страну и общество на непримиримые лагеря. Взвешенная и объективная оценка должна, вероятно, прийти позже.

Заключить наше исследование шестидесятничества мы решили фрагментами статей, обнаруженных во Всемирной паутине и посвященных так или иначе этой теме. Мы умышленно не приводим ни названий сайтов, ни фамилий авторов, чтобы читатель мог спокойно сосредоточиться на смысле приводимых текстов, а не бросаться, как бык на красную тряпку, на порой одиозные имена своих идеологических и политических противников.

Итак, мы начинаем...

* * *

Шестидесятники — самое удачливое поколение в истории нашей страны. Представители творческой интеллигенции, взгляды и жизненные принципы которых сформировались в 60-е годы прошлого века, навсегда остались символом перемен, свободомыслия и творческого подъема. Стиляги, вкусившие от жизни эстетские радости, плотские наслаждения и деловой успех! Они сумели навязать свой стиль жизни целой стране, донести до последующих поколений частицу собственной внутренней свободы!

* * *

В начале 60-х власти вернули интеллигенции ее законное, неоспоримое и драгоценное право, заменяющее ей все другие права и обязанности: право ныть. Не слишком громко, в подушку, на манер Каштанки: «ску-ску-ску»... Кричать в голос — да еще в окно, да еще в сторону Запада, да с запалом и ненавистью — никто права не давал. Поэтому, как только Василий Аксенов вылез из своих «Коллег», «Бочкотар», поющих девочек и добродетельных мальчиков с их экскурсиями на природу и на «севера», с гитарным народничеством и провинциальным идеализмом то ли Татьяны Лариной, то ли Нины Заречной и влил режиму по фейсу «Ожогом» и «Острове Крым», он сразу же погорел.

Но скульпить было можно. Поэтому у Твардовского в «Новом мире» прошел «Один день Ивана Денисовича», с его вечно бодрым и незлобным Платоном

Каратаевым XX века, и не получилось с романом «В круге первом». Потому что желание, чтобы на СССР бросили бомбу, и афоризм «людоед не прав, а волкодав прав» — это уже серьезно. А «Архипелаг» серьезней всего. И даже не факты, а то, что они завернуты в слепящую ненависть. Но можно было ныть и смиряться на кладбищах, в стройбатах, в казармах и школах. Все так и поступали, опираясь на Сергея Каледина, Бориса Васильева и Юрия Полякова.

Жалкие кукиши в карманах редакторов-прогрессистов (печатающая «Один день», А. Твардовский в предисловии ухитрился похвалить КПСС) прекрасно гармонировали с общим фасоном брюк-галифе, к которым были пришиты карманы. Брюки были самые верноподданнические, цвета хаки или с лампасами. В Чехословакию — так в Чехословакию! В Афган — так в Афган! Читатели толстых журналов пошли по маканинской стезе, как «один», так и «одна»: то зазывали приятелей на поздний философский чай и трепались до утра, причем даже КГБ такой треп не интересовал, то жгли костры у реки и пели под гитару. Костер очень удобен: это не дневной беспощадный свет, и можно не смотреть друг другу в глаза, чтобы не видеть общего поражения — поражения поколения приспособленцев и трусов, выживавших рядом с могилами Юрия Галанскова, Василя Стуса и Анатолия Марченко. Чужие слова, спетые под гитару, заглушали свои, произнесенные. И легче было взвалить на себя рюкзак, чем нести бремя ответственности за себя и за страну.

Но вот поводок ослабили, и в конце восьмидесятых — начале девяностых начался золотой век. Из самиздатовских сундуков стали доставать обновки; журналы наполнились тем, что не напечатали в 60-х... в 70-х... в 40-х... Но кроме хорошей дозы ненависти от Солженицына, Кестлера, Конквеста и Лидии Чуковской читатели получили еще лучшую дозу нытья от вечных «шестидесятников» с Арбата, перековавших кортики на ПЕН-центр. Ни Алдан-Семенов, ни Тендряков, ни Юрий Трифонов, ни Анатолий Рыбаков, ни Евгения Гинзбург не могли ничем поделиться с читателем, кроме своих закоренелых заблуждений махровых социалистов и почтительных ленинцев, как-то до судорог сумевших вцепиться в свои кумачовые иллюзии, подобно Михаилу Шатрову, так и оставшемуся в ледовом плену умиления перед Ильичом.

Читатель глотал заблуждения пригоршнями, а мыслить самостоятельно толстые журналы его не научили. Поэтому иные бывшие демороссы, озверев от реального капитализма и не найдя в нем своих плакучих ив и вождя безделья, пошли дружно в национал-патриоты и левые организации.

Когда же иссякли ливневые дожди благодетельного самиздата, где горькая правда была самым бесстыдным образом перемешана с малиновым звоном и абрикосовым вареньем «социализма с человеческим лицом», оказалось, что за душой у шестидесятников, не вступивших в «Демвыбор России» и не потянувшихся за суровым посохом Егора Гайдара, указующего путь в реальную капиталистическую жизнь (где ни сиропа, ни слюнявого идеализма юродивых

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

«советских интеллигентов» уже нет и не будет, а будет сухой и четкий асфальт нормальной человеческой жизни с ориентирами: «Фирма. Деньги. Банк. Знание. Интеллект. Информация. Машина. Компьютер. Умные книги. Ирония. Скепсис. Одиночество. Индивидуализм»), ничего нет и не было, кроме обломовщины и шигалевщины. И пустоты. Которая клубится в беспомощных этюдах Солженицына-98, в его последней книге, которую цитирует газета «Завтра», в искусном романе Пелевина «Чапаев и Пустота», где герой не умеет даже возненавидеть Чапаева и К^о, в бесполезных lamentациях героя маканинского «Андеграунда», не нашедшего себе иного места, чем в психушке.

История шестидесятников кончается обрывом. Вакуумом. Пустотой. Эпоха нытья кончилась. Капитализм lamentациям не верит.

* * *

Александр Солженицын как-то сказал, что весь пафос поколения, пришедшего в пору хрущевской оттепели, свелся к протесту против сталинских репрессий тридцать седьмого года. Тем самым он выразил расхожее мнение: шестидесятники были «истинными ленинцами» и боролись «за социализм с человеческим лицом» или, если использовать имя известного чехословацкого правозащитника, за социализм «с лицом Пеликана». Так авторитетом вермонтской (а ныне троичельковской) пифии подтверждалась давняя легенда.

В последнее время, однако, это мнение подвергается коррекции с разных сторон, в широком спектре от «Независимой газеты» до газеты «Завтра». «Шестидесятники» вновь оказываются в фокусе внимания, и не только как геронтологический феномен. Их влияние на нашу жизнь продолжается, зачастую пусть даже и посмертно. Все это побуждает и нас вернуться к пройденному в надежде обнаружить нечто принципиально новое там, где его другие не находили.

* * *

Кто же такие шестидесятники?

Правду сказать, на виду оказались главным образом дети тех репрессированных партаппаратчиков, которых пожрала ими же созданная гильотина. Явившийся ранее Юрий Трифонов, Чингиз Айтматов, Василий Аксенов, Булат Окуджава, Камиль Икрамов — вот первые пришедшие на ум имена «детей Арбата», свято веровавших, что чистые идеалы их родителей-мучеников были растоптаны сапожищем Сталина.

«Ах, Арбат, мой Арбат, ты мое отечество...»

Им не приходило в голову, что гибель их отцов была неким возмездием за судьбу других, пожалуй, куда более законных «детей Арбата». А что случилось с теми, подлинными?

Да вот хоть свидетельство Бориса Зайцева об Арбате — улице Святого Николая — в лихолетье Ленина и Троцкого: «Полусумасшедшая старуха в рваной кофте и матерчатых полусапожках, широко расставив ноги, бредет с палкой и бессмысленно бормочет: "Помогите! Помогите!" — и протягивает руку. Старый человек, спокойный, вежливый, важный, полузамерзающий, в очках, сидит на выступе окна и продает конверты близ Никольского. А у Николы Чудотворца, под иконой его, что смотрит на Арбат, в черных наушниках и пальто старовоенном, с золотыми пуговицами, пристроился полковник с седенькими тупо заслезившимися глазками, побелевшим носом и неукоснительно твердит: Подайте полковому командиру! Рыцарь задумчивый, с высот дома в Калошином, вниз глядит, на кипение, бедный и горький бег жизни на улице, и цепенеет в седой изморози, на высоте своей. А внизу фуры едут, грузовики с мебелью. Люди в ушастых шапках, в солдатских шинелях, в куртках кожаных въезжают и выезжают, из одних домов увозят, а в другие ввозят, вселяют, выселяют, все перерывая, вороша жизнь старую».

«Ах, Арбат, мой Арбат, ты моя религия...»

Поколение шестидесятников осталось в общественной памяти прежде всего благодаря тем из них, кто, если так можно выразиться, был наиболее советским.

Красноречив пример партийно-комсомольских идеологов, которые в первой половине 50-х годов проводили на филфаке МГУ в идейно-воспитательных целях подлинно карательные мероприятия, — А. Лебедева, И. Виноградова, Ю. Рюрикова, В. Лакшина. Узнав, что я приятельствую с одним из них, мой добрый учитель Н.К. Гудзий даже выронил портфель, такая его оторопь взяла: «Это же страшный человек...»

После пятьдесят шестого года многие резко поменяли полюса и с той же косной и слепой силой принялись таранить чучело Сталина. Это была первая ласточка либерального террора, который воцарился сегодня в средствах массовой информации. Переменились только знаки.

Среди этих шестидесятников, бесспорно, были очень одаренные люди, скажем Е. Евтушенко или В. Аksenov.

Но Евтушенко упустил шанс на гребне 60-х годов стать певцом нации, предпочтя этому роль интернационального легата и перманентного гастролера — проповедника советского образа жизни и светлого явления Ленина народу (поэма «Казанский университет» — «Люблю тебя, Отечество мое... за твоего Ульянова Володю, за будущих Ульяновых твоих»). Он нанимал в США самолеты, снимал стадионы и воспевал (убежден, совершенно искренне) режим Фиделя Кастро (сценарий «Я — Куба»), дружбой с которым очень гордился.

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

С «другого берега», из зарубежья, он виделся просто рупором правящей партии. Эмигрант Борис Парамонов писал в парижской «Русской мысли»: «Вся евтушенковская "общественная философия" сводится к тому, что Ленин хороший, а Сталин плохой». «Кого сегодня, — спрашивал он, — проведешь на этой мякине?» Впрочем, в самой совдепии так не думали. Евтушенко еще сохранял колючки, вызывавшие местные неудобства и начальственную чесотку. Задетый им в дерзких стихах «румяный комсомольский вождь» Павлов гневно восклицал: «Зачем нам нужен Евгений Евтушенко, если у нас есть свой, советский Евтушенко — Роберт Рождественский?»

Характерно, что когда вспоминают о шестидесятниках, то страдальцами, мишенью режима называют очень узкий (и определенный) круг инакомыслящих. Но разве не жертвами коммунистической тирании в области духа стали Дмитрий Николаевич Ляликов — философ-полиглот, знаток Фрейда и Юнга, медленно сходявший с ума, или неуклонно, трагически спивавшийся на наших глазах Юрий Павлович Казаков, или сгоревший от невозможности осуществить себя, свой поэтический дар Анатолий Передреев, или годами содержащийся в психушках русский Вийон Сергей Чудаков, или заживо похоронивший себя в ресторанных джаз-бандах феноменальный трубач Андрей Товмасын, или искавший гибели и нашедший ее от рук близкого человека, любимой женщины, Николай Рубцов?

Им было некуда эмигрировать. И они — в большинстве своем — эмигрировали в смерть.

Когда, скажем, Лен Карпинский и другие «молодые коммунисты» в споре с идеологическими мандаринами стремились очистить от наслоений облик Ленина, Чудаков писал:

Ильич отсель наш агнец лысоватый.
 Был вундеркинд, а ныне экспонат.
 Висел в петле его мятежный брат,
 Играла мать кучкистские сонаты...

У этого поколения (в отличие, скажем, от предыдущего поколения фронтовиков) не было целостности. И оно как поколение не состоялось. Состоялись отдельные личности, разными путями шедшие через тернии к звездам. Они трудились — каждый в своей индивидуальной штольне, но ключи от руководящих кабинетов передавались через их головы.

* * *

Лен Карпинский был одним из самых ярких и самых знаменитых шестидесятников. В бурную эпоху реформ это определение звучало порой сомнительным комплиментом. Громко заговорили люди, умные и смелые задним чис-

лом: что же за наивный народ были эти шестидесятники, боровшиеся за социализм с человеческим лицом, — неужели они не знали, что из социализма ничего путного не получится?

Знали и не знали. Знали о пороках утвердившегося строя и громче других говорили об этом. Но знали и о том, что этот строй не был тем социализмом, в который полагалось верить советским людям. «Бюрократический не-социализм» — так определял этот строй Лен Карпинский. «Господствующий класс системы, — писал Карпинский, — это бюрократическая корпорация, включающая партийный и государственный аппарат, административные структуры общественных организаций, сложившихся как монополюный собственник средств производства».

Экспериментальная проверка социалистической мечты в виде победившей пролетарской революции дала отрицательный результат. Поколение молодых шестидесятников могло бы счесть этот опыт исчерпывающим, если бы не хрущевская «оттепель», если бы не XX съезд КПСС, вдруг открывший способность правящего класса к самокритике и породивший новые надежды. «Пражская весна», грянувшая уже после снятия Хрущева, сделала эти надежды совсем живыми. Однако точку поставили вошедшие в Прагу советские танки.

К этому времени биография Лена была уже, казалось, сделана. Он был сыном Вячеслава Карпинского, одного из ближайших друзей Ленина. Старый Карпинский, в отличие от большинства друзей Ленина, не был репрессирован Сталиным, но «врагами народа» были объявлены его жена и ее родня. Мать Лена избежала лагерной участи лишь потому, что пришедшим ее арестовывать пришлось бы ее нести: она умирала от болезни. Причудливая судьба: сын советского вельможи из тех, что жили в самом Кремле, а затем в Доме на набережной, он же — сын врага народа.

Клеймо сына врага народа помешало Лену поступить, как он хотел, в аспирантуру после окончания философского факультета МГУ. Он поехал работать в Горький, там началась его комсомольская карьера, которая привела его на должность одного из секретарей ЦК комсомола хрущевской эпохи, а затем — номенклатурного журналиста: он был назначен членом редколлегии «Правды», главной газеты страны.

Тут он согрешил всерьез. В 1967 году написал (в соавторстве с коллегой) статью против театральной цензуры, в которой легко прочитывался протест против цензуры вообще. Главный редактор «Правды» отверг статью, после чего Лен предложил ее «Комсомольской правде» — там она прошла. Леонид Брежнев лично распорядился уволить из «Правды» обоих авторов. Так Лен появился в «Известиях» — уже не в номенклатурной, а в рядовой должности. Там мы и познакомились. Из «Известий» его уволили всего лишь за выступление на редакционной летучке, в котором он процитировал Ленина: государство у нас рабочее, но с бюрократическим извращением. Потом был институт

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

социологии, вскоре разогнанный из-за вольнодумства некоторых сотрудников, потом — издательство «Прогресс», где Лен заведовал редакцией.

К этому времени главной для Лена стала другая, негласная жизнь. Еще будучи в «Известиях», Лен пригласил меня в кружок, который сколачивал вместе с работавшим в «Правде» Тимуром Гайдаром. Нелегальный кружок, имевший целью издание подпольного журнала. В стране, где марксизм был государственной религией, Лен планировал издавать ортодоксальный марксистский журнал подпольно. Он считал, что от подлинного марксизма власть отошла, страна переживает «фарс неосталинизма», нужна общая очистительная дискуссия — для этого и журнал.

Возможности издания журнала мы не нашли. Зато утечка информации о намерениях Лена каким-то образом произошла, и с тех пор за ним следили.

На собрании кружка в квартире Егора Яковлева Лен зачитал свой трактат «Слово тоже дело». Изъятая впоследствии сотрудниками КГБ, эта рукопись сохранилась в партийном архиве. Да, в партийном, а не в лубянском. У Андропова хватило ума отодвинуть от себя эту историю. Из КГБ направили в ЦК КПСС «для принятия решения» материалы слежки за кружком Карпинского, включая информацию об изъятом в конце концов если не журнале, то машинописном сборнике, куда Лен включил и свой трактат. «Дело» рассматривалось в Комитете партийного контроля. «В ЦК нас не поняли», — с хитровой меланхолией написал позднее в своих мемуарах генерал Филипп Бобков, заместитель Андропова и руководитель пресловутого Пятого управления, которое вело слежку за Карпинским. Комитет партийного контроля исключил Лена из партии — это означало, что его оставляют без заработка. Ему вернули партбилет в пору горбачевской перестройки, но вскоре он сам вышел из партии, с основателем которой дружил его отец.

Лен умер десять лет назад, будучи главным редактором «Московских новостей».

В заключение — еще одна выдержка из работы «Слово тоже дело»: «Если прадеды, рассчитывая изменить образ правления, не иначе как выводили на Петровскую площадь мятежные полки, а деды и отцы звали на улицы "железные батальоны пролетариата", то современный революционер должен вывести в каналы информации "отряды" точно стреляющих идей». Этого оружия и боялись те, кто преследовал Лена Карпинского. Этого оружия боятся их наследники. Будто о сегодняшних битвах за средства массовой информации написаны эти строки. И сегодняшние кремлевские люди не хуже, чем это было тридцать лет назад, понимают значение таких битв. Одно неясно: способны ли они понять, что идею может победить только другая, более прогрессивная идея, но не насилие?

Есть, конечно, другой вариант: тот, кто не в силах одержать верх в борьбе идей, удовлетворяется тем, что уничтожает носителя неугодной идеи. Но это дорога в никуда. Что, кстати, тоже проверено опытом шестидесятников.

* * *

Поэт в России — больше чем поэт.

Е. Евтушенко

Евгений Александрович Евтушенко — поэт, который на протяжении почти сорока лет будит совесть, честь и благородные порывы в своих почитателях. Он с гордостью причисляет себя к шестидесятникам, сумевшим глотнуть свободы и донести ее до своих читателей.

В стихотворении «Шестидесятники», посвященном Р. Рождественскому, поэт гордо говорит о своем поколении:

Кто были мы,
шестидесятники?
На гребне вала пенного
в двадцатом веке,
как десантники
из двадцать первого.

«Без робости» и «давая звонкие пощечины» шло это поколение смело вперед, подталкивая отстающих, сомневающихся и несмелых. Задорно, звонко и весело звучат слова о том, что:

Мы прорубили
зарешеченное
окно
в Европу
и в Америку.

Молодые и отважные, шокирующие «добропорядочную» публику шестидесятники боролись за свободу не для себя (в душе они всегда были свободными), а для всех.

Мы для кого-то были «модными»,
кого-то славой мы обидели,
но вас мы сделали свободными,
сегодняшние оскорбители.
Пугали наши вкусы,
склонности,
и то, что слишком забываемся,
а мы не умерли от скромности
и умирать не собираемся.

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

В этих строках звучит молодой задор, искренность и веселость, та интонация, с которой поэт вступил в литературу в «далекие шестидесятые». И радуется мысль, что прошедшие годы не остудили душу и сердце этого замечательного мастера.

Пускай шипят, что мы бездарные,
 продажные и лицемерные,
 но все равно мы легендарные,
 оплеванные,
 но бессмертные!

Это стихотворение последних лет напомнило читателям прежнего задорного Евтушенко, который, не боясь никаких преград, шел к цели. Приятно осознавать, что поэт, перешагнувший шестидесятилетний рубеж, полон сил, творческих замыслов, молод душой и сердцем.

«Поэт в России — больше чем поэт» — эта строка Евгения Александровича Евтушенко в большей мере относится и к нему самому.

* * *

Как-то раз, участвуя в коллективном трепе космического масштаба, который у нас называется спором о политике, я получил слово и высказался. После чего один из спорщиков, молодой человек лет 25, с сожалением сказал мне: «Ну, ты почти шестидесятник»!

Незаслуженную награду я принял, а над молодым оппонентом посмеялся в душе. Сам того не ведая, он задвинул меня в историю на целое поколение назад.

«Шестидесятники». Статью под таким заглавием критик Станислав Рассадин напечатал в 1960 г. в журнале «Юность». Слово мгновенно прижилось, вошло в обиход. Оно и сейчас в ходу, только значение его почти бранное. Кто же такие, эти окаянные шестидесятники, и какие за ними числятся смертные грехи?

Начну со списка грехов, ибо он пространен. Шестидесятникам вменяется в вину то, что они:

- а) сперва плакали над гробом Сталина,
- б) потом аплодировали XX съезду КПСС,
- в) верили в возможность совершенствования большевистского режима, чем соблазнили и сбили с толку всех сырых, убогих, юных и неопытных,
- г) развели слюняво-розовую гитарную романтику целины и всесоюзных комсомольских строек,
- д) накаркали перестройку,
- е) развалили СССР,
- ж) с чувством исполненного долга ушли на покой.

Приписанный в пылу дискуссии к племени шестидесятников, я должен ответить за этого теоретического «козла». Поскольку люди от рождения до смерти некоторое время все же пребывают в числе живущих, то одновременно сосуществуют представители трех поколений, причем разница между старшими и младшими членами соседних поколений может быть не особенно велика. А потому не так легко разобраться, кто «шестидесятник», кто «семидесяхнутый», кто «восьмидераст», кто «девятистукнутый».

Шестидесятники — условный термин для обозначения того поколения, которому в достопамятном 1956 году было двадцать лет или около того, чья молодость и зрелость пришлись на эпоху «оттепели».

Разумеется, это не поколение целиком: они — не движение, не партия, не «слой», а совокупность сравнительно немногочисленных групп прежде всего горожан, причем групп весьма пестрых по образовательному уровню, по роду профессиональных занятий, по образу жизни, по убеждениям. В политической жизни общества шестидесятники не доминировали, но и не выламывались из нее, не уходили стройными рядами в диссидентство.

В нашей истории шестидесятникам досталась совсем другая роль. Трудная и неблагодарная роль разгребателей грязи, реаниматоров той светлой идеи, которая провозглашалась от лица прекрасного бога, в одночасье обернувшегося уродливым идолом.

Идейные ломки страна переживала неоднократно. Всякий раз они приводили к большой драке и большой крови. В этой ситуации шестидесятники оказались двуликим Янусом: критикуя, но не перечеркивая прошлое, они продолжали стремиться в будущее на основе прежних идей и убеждений. Как иначе объяснить тот факт, что почти все шестидесятники могли выставить сталинскому режиму большой личный кровавый счет за дедов и отцов, но не сделали этого? Как иначе объяснить своеобразный романтический аскетизм шестидесятников, их походную непоседливость, их песенно-балладный, с «туманом и запахом тайги», протест против карьерного шарканья по столичным паркетам?

Шестидесятники не были ангелами, совершали человеческие ошибки. Зато они были первыми отказниками от идеологического фанатизма, первыми, кто показал, что и в условиях принципиально не изменившейся системы можно оставаться людьми, можно жить, не предавая и не донося, можно пену сдуть, а пиво выпить.

Трагическим рубежом для шестидесятников стала горбачевская перестройка. Именно тогда они, люди оптимального для свершений возраста (уже все знаешь и еще все можешь), оказались как бы в своем времени и первоначально в нем лидировали. Но непривычная для них роль общественных лидеров могла быть сыграна только в привычной им атмосфере мировоззренческого несогласия с властью. А инструментом несогласия уже прочно завладе-

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

ли другие люди — циничные, опытные, поднаторевшие в аппаратных методах борьбы за реальную власть, давно похоронившие в душе коммунистические бредни.

Вот почему после краха советской власти те шестидесятники, которые на волне популярности возвысились в системе власти и даже заняли некоторые посты, были очень быстро с них отодвинуты и сброшены.

Ныне здравствующим шестидесятиникам уже под семьдесят, а «их» время отделено от «поколения Pepsi» полувековым сроком. В масштабе человеческой жизни — бездонный провал, непреодолимая пропасть.

А что касается меня, то к славному племени я имел лишь то отношение, что даже еще не ходил пешком под кухонный стол, за которым велись шестидесятнические споры.

* * *

Мы были первые после сталинизма. Страна совершила крутой поворот от тотальной эпохи к новому времени. Именно после 1953 года и после XX съезда родилось поколение шестидесятников, которое оказалось наиболее свободным, наиболее яростным, наиболее продуктивным и в литературе, и в кино, и в театре, и в музыке, а также, думаю, и в науке, и в раскрепощении мысли и чувства, в сознании. Это и питало шестидесятников. Хотя мы этого сами, может быть, и не осознавали. Сейчас, оглядываясь на пройденный путь и сравнивая себя с «семидесятниками», «восьмидесятниками» и абсолютно освобожденными «девяностиками» и поколением творцов, вошедшим уже в XXI век, мы видим свое отличие от них. Даже такое явление, как развал Советского Союза (а это явление, безусловно, революционное!), не породило ни в одной литературе ярких имен, не создало событий в культуре. Оно прошло вяло, не было во всем этом процессе возбуждающего момента. Казалось бы, независимость, полное «бесцензурье» — а обернулось на деле полной и узаконенной бесцензурщиной...

Писатель, особенно если речь идет о поэте, постоянно работает с обществом, на общество. Поэтому так или иначе его деятельность напрямую связана с политикой. Мы мыслим категориями «народ», «страна», «государство», «мир», «вселенная», «жизнь»... Если ты пишешь «в стол», тогда тебе нечего делать в политике. Это понятно. А если ты обращаешься к людям, зываешь к сознанию общества, человека, пытаешься его направить по тому пути, который тебе видится, то ты без политики немислим.

Вот мы развалили Берлинскую стену и получили вместо нее множество других стен внутри бывшего Советского Союза. Этого не предусматривалось. Это был результат поспешности, необдуманности, романтического подхода к совершенно практическим делам, к делам, которые требовали прагматического подхода. Но было отпущено мало времени, и некоторые слишком торо-

пили этот процесс. Я призывал тогда с трибуны не торопиться, не спешить. Я говорил, что наша демократия только-только нарождается, она еще — маленькая девочка (в это время родилась моя внучка, поэтому я привел этот образ). А вы уже сгрудились вокруг нее и требуете удовлетворения своих потребностей. Дайте ей вырасти, дайте ей стать сознательной, большой, сильной, и тогда она сама — без ваших требований — поймет, что вам и всем нам нужно. Иными словами, я призывал к постепенному развитию, а не к огульному разваливанию. Раз — и назначили капитализм! Так же, как в свое время назначили социализм. Потом социализм отменили и потребовали объявить светлую дорогу капитализму. Вот по этой дороге, на которой написано: «Светлая!», мы (на самом деле — впотьмах!) все вместе шагаем, и не хватает зрения, чтобы разглядеть эту надпись.

* * *

«Я вновь повстречался с надеждой. / — Приятная встреча...» Начинаясь этими словами песня Булата Окуджавы пользовалась необычной популярностью в первые годы горбачевской «перестройки», особенно в 1987–1988 гг. Это было время всеобщей эйфории, когда все вдруг поверили в начинающийся переход нашего общества к подлинному социализму и подлинной демократии, неразрывных в своей сущности. Открывавшаяся свобода слова, возобновившееся обсуждение общественных проблем обещали изживание командно-бюрократической системы управления, демонтаж «железного занавеса» и многое другое. Эта эйфория захватила и многих иностранных друзей Советского Союза, с искренней доброжелательностью встречавших давно назревшие перемены.

Песни Окуджавы выражали настроения и чаяния шестидесятников, и поэтому для них было неприятной неожиданностью и даже моментом потрясения одобрение Окуджавой ельцинского расстрела Верховного Совета в октябре 1993 г., а тем более его злорадство по этому поводу. Заметим все же, что он был не единственным, о ком тогда говорили есенинскими словами: «Он малый свой талант / Покрывл большим позором»... а ведь в его биографии были и действительно хорошие страницы.

Приведенная песенная строка имела буквальное значение для шестидесятников, оказавшихся на первом этапе «перестройки» ее авангардом. Именно они вновь повстречались с «прекрасной надеждой»: им казалось, что речь идет о тех самых переменах в обществе, которых они добивались с середины 50-х и до конца 60-х годов и за которые подвергались идеологическому осуждению и прямым гонениям. Эти перемены в представлениях шестидесятников состояли в полном преодолении сталинского наследия в политическом режиме и экономической организации советского общества, что означало, конечно, и полную ликвидацию репрессивной системы, включая реабилитацию всех

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

жертв сталинского террора, их деятельности и мышления; действительную свободу выборов в органы советской власти; решительное устранение таких факторов внеэкономического принуждения, как, например, обязательные поставки сельскохозяйственной продукции колхозами; введение более широкого и организованного использования товарно-денежного обращения в советской экономике при сохранении государственного регулирования, планирования в первую очередь.

В перечне перемен, к которым стремились шестидесятники, следует назвать и освобождение общественного сознания от ига «догматизма и начетничества», по выражению того времени, обрекавшего на незнание и непонимание того, что происходило в родной стране и в окружающем мире. Ю.В. Андропов, поднявшийся до открытого признания: «Мы не знаем страны, в которой живем», вселял новые надежды, но не успел претворить их в жизнь.

* * *

Шестидесятничество, которое зародилось на рубеже 50–60-х годов и решающим образом определяло интеллектуальную и духовную атмосферу страны до начала 90-х годов, по своему положению и самосознанию отличалось и от официального общественного слоя, представленного партийными и околопартийными гуманитариями, и от контробщества, представленного диссидентством. Телом они были с первыми, а душой со вторыми. Шестидесятники имели легальный статус, действовали в официально практикуемых формах активности, но при этом находились под трудно скрываемым подозрением, напоминая в данном отношении чем-то положение буржуазных специалистов на начальных этапах советской власти. Для партийной номенклатуры они были скорее терпимы, чем желанны. Действуя так, что формально к ним нельзя было придаться, используя возросшую дифференцированность общества, которая уже не поддавалась тотальному контролю, а также неизбежно сопряженную с этим противоречивость институциональных и персональных интересов во властных структурах, они создали свою собственную среду — внешне неуловимую, но внутренне цельную и очень эффективную. Это была именно их среда, которая для всех остальных оставалась закрытой, непроницаемой, недоступной. Чтобы попасть в нее, надо было словно обладать каким-то особым органом, о наличии которого могли знать только те, кто им обладал.

Определить шестидесятничество, объяснить, что это такое, людям, которые не принадлежали к ним или хотя бы не находились рядом с ними, очень трудно, почти невозможно. Оно представляло собой совокупность людей и ценностей. Это были конкретные, известные по именам, в большинстве своем знавшие и поддерживающие друг друга люди, которые исповедовали определенные ценности и были сплочены благодаря им. Содержательный анализ

ценностей шестидесятников также представляет собой самостоятельную и отнюдь не тривиальную задачу; их опознавательными знаками в области политики были XX съезд КПСС, хрущевская «оттепель», Пражская весна, в области идей и ценностей — понятия гуманизма, личности, антисталинизма. Шестидесятники не просто обозначили сдвиг от монументальности, самопожертвования, послушания к камерности, приватности, индивидуальной ответственности. Они были вдохновлены этим и вели себя как люди, которые знают очень великую тайну.

Шестидесятники, конечно, не были рыцарями, которые идут в бой с открытым забралом. Но хотя забрала были спущены, тем не менее они легко узнавали друг друга. Окружающие их тоже узнавали. Шестидесятники работали в тех же учреждениях (иногда даже партийных), ходили на те же собрания, пользовались теми же благами, что все прочие люди, но жили по своим законам, вели собственный — гамбургский! — счет, стремясь к тому же навязать его всюду, где можно, в качестве легального канона. К примеру, докторские диссертации защищали многие, среди них также шестидесятники. Но все понимали, что есть докторская диссертация и докторская диссертация, и их нельзя путать. Докторские диссертации шестидесятников шли по особому разряду, и, что интересно, они, как правило, с точки зрения внутреннего напряжения и общественного внимания были по-особому обставлены. Статьи в «Вопросах философии» печатали многие, в том числе шестидесятники. Но опять-таки все понимали, что есть статьи и статьи. Шестидесятники создали больше, чем особую атмосферу, они создали особое публичное пространство.

По существу, это был «параллельный полис», если воспользоваться термином В. Гавела, но только по существу, ибо формально он не был отделен от основного (официального) полиса, а находился внутри него. «Шестидесятники, используя наличные формы жизни, одновременно стремились преобразовать, трансформировать их, они были деятельны, активны, всюду где могли и как могли навязывали свои критерии. Они не просто сами защищали хорошие диссертации и писали хорошие статьи, они исходили из того, что диссертации, статьи вообще должны быть хорошими, и как могли боролись за это. О. Шпенглер считал Россию псевдоморфозом, имея, в частности, в виду, что она наполняла европейские формы азиатским («татарским») содержанием, как бы заливала в новые меха старое вино. Шестидесятники действовали прямо противоположным образом: они принимали европейские формы советско-российской жизни всерьез и стремились придать им адекватный смысл, они, если продолжить ту же аналогию, скорее в старые меха заливали новое вино.

Шестидесятничество, будучи несомненно движением исторического масштаба, не имело вместе с тем социологически фиксированных форм, привыч-

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

ных для феноменов такого размаха. Оно было воплощено в индивидах, их личных отношениях, поступках, функционировало так, как если бы представляло собой этическое состояние. Это единственное в своем роде сочетание социального и индивидуального, когда первое было скрыто, спрятано во втором, когда не общественные маски застыли на лицах, урезая, усредняя, омертвляя их, а, напротив, живые трепетные лица просвечивали сквозь общественные маски, этот уникальный опыт неотчужденного существования в отчужденном и даже чуждом социуме составляет характерную черту шестидесятничества вообще, философского шестидесятничества в особенности.

* * *

О шестидесятых, о шестидесятниках сейчас много говорят: с ностальгией, с насмешкой, с раздражением, с умилением, с благодарностью. Существует попытка сравнить шестидесятые годы с «молнией», тогда как восьмидесятые ассоциируются у авторов модели с «радугой» Противопоставление этих двух эпох еще более точно определяется так: «Время разбрасывать камни и время собирать камни».

Повышенный интерес к тому, что было тридцать с лишним лет назад, объясняется тем, что шестидесятые годы, шестидесятники для многих и во многом являются ключевыми понятиями в процессе осмысления событий, явлений, предшествующих нынешнему состоянию мира и общества в нашей стране. Во всяком случае, шестидесятники стали живой легендой, создав свою систему мифов, построенную на базе и в борьбе с советской мифологией.

Нельзя все поколение родившихся в начале и в середине 30-х годов, называть шестидесятниками. Это очень распространенная ошибка, бытующая особенно активно сейчас, когда многим кажется, что настало время шестидесятников, т.е. то время, о котором они мечтали и за которое боролись. Поэтому очень удобно свалить на них ответственность за ошибки и просчеты «перестройки». Сегодня мы часто слышим, читаем и определяем: «этот из шестидесятников» или «мы — шестидесятники»). По каким параметрам определяется это качество: по возрасту? по внешнему виду? по целям? по мифам?.. Можно и так попробовать. Многим шестидесятникам в эти годы исполнилось шестьдесят. Внешне многие из них сохранили вид растрепанных мальчишек. Можно найти еще много общих штрихов, но тогда есть опасность запутаться во второстепенных и порой совсем неважных признаках. Скажем, если им шестьдесят и за шестьдесят сегодня, значит, они родились в 30-х и сформировались после войны, но как быть с Б. Окуджавой и Э. Неизвестным, войну прошедшими? И почему мы оставляем за бортом И. Эренбурга, давшего название времени, и писателей, начавших процесс «оттепели»? Может быть, попробовать утвердить в звании шестидесятников художников, состоявшихся в 60-е годы, выразивших их в своих произведениях?

Пленум московской писательской организации в 1962 году обсуждал творчество молодых писателей, среди которых наряду с Е. Евтушенко, Р. Рождественским, А. Вознесенским, В. Аksenовым, Б. Ахмадулиной звучали имена В. Чивилихина, Е. Исаева, Ю. Семенова. Очевидно, что не все писатели, художники, бывшие молодыми в 60-е годы, стали шестидесятниками в нашем сегодняшнем понимании.

Значит, необходимо определить комплекс характерных особенностей, объединяющих разные творческие индивидуальности в понятие «шестидесятники». Вероятно, самое лучшее — искать их в идеях, героях и конфликтах, увиденных в жизни художниками и воссозданных в определенной образной структуре, свойственной именно этим художникам. Причем, шестидесятники остались таковыми в 70–80–90-е годы, взрослея сами, заставляя взрослеть своих героев; в чем-то иначе относясь к ценностям своей юности, они до конца оставались им верны. Не случайно критики до сих пор, пытаясь определить того или иного писателя, часто стараются примерить на него костюм шестидесятника. Не случайно критики более позднего времени говорят о шестидесятниках с завистью и иронией, сетуя на то, что они, став популярными рано, долго не уходили из памяти и душ читателя-зрителя последующих годов, десятилетий, не давая художникам более поздних поколений занять подобающее место, может быть, полагающееся им по таланту больше.

Наверное, дело в том, что те, кого мы называем шестидесятниками, были молодыми в молодую эпоху и успели созреть; в том, что они сами это время создавали и украшали. Они органично вошли в мифологическую систему своего времени, сами эту систему преобразовывали и в результате сами стали мифологическими героями. Их отличает особое нравственное единство; искренность, возведенная в крайнюю степень; неприятие всякой фальши, ненависть к равнодушию и мещанству; ответственность, выраженная в постулате «кто, если не ты»; максимализм; ...они совершили много глупостей, подлостей — никогда.

* * *

Когда за окном бурлили страсти послесталинских лет, Андрей Вознесенский был почти борцом: «Уберите Ленина с денег...» Поэт был красным, как стыд.

Но вот политические страсти поутихли — поэт оставался красным, но — как фонарь у входа в публичный дом, что, кстати говоря, также выделило его из бесполой поэзии тех лет. Секс так секс!

И вдруг Вознесенский внес «левую» поэтику в тему, казалось, исключаящую новации. В лениниану! Икона — это икона. Она требует традиционного нимба. Вознесенский создал «Лонжюмо».

Он не посягнул на содержание, Боже упаси! Все как у «ортодоксов», только в «левой» манере. В «Лонжюмо» Ленин играет в городки, где целит городошной палкой в будущих Берия и прочих козлов отпущения.

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

Вначале недоумеваешь. Кто он? Приспособленец? Трус? Раздавленный временем талант?

Постепенно, с годами видишь, осознаешь с горечью, что Вознесенский стал порой *бесчувствен*, совершенно бесчувствен к *содержанию*. Главное, чтоб за него не влетело. Важно демонстрировать новейшие модерновые мехи, а какое вино в них налито — ему его не пить. Так постигаешь, что страсти его — поддельны, темперамент — ложный.

Имитированная, почти наркотическая взвинченность, вопль, трагедийный размах больше уж никого не могли обмануть; даже умение изобразить патологические реалии, калеку-урода и пр. не вызывало сочувствия.

Я не разделяю крайнего мнения литературоведов, говорящих об Андрее Вознесенском: антипоэт, антигуманист... Однако и меня не очень греют сцены, подобные следующим. Одно из своих первых стихотворений Вознесенский посвятил Корнелию Зелинскому, любившему выступать над гробом своих жертв... На похоронах Пастернака Андрей Вознесенский положил на гроб поэта, театрально положил, под тоскливыми взглядами родных Пастернака, этот свой сборник, вырвав из него страницу с посвящением Корнелию Зелинскому.

Однажды, пожалуй, вырвалось у Вознесенского искренне: «Судьба моя глухонемая». Ох, обсчитала жизнь, обсчитала...

Но обсчитала она прежде всего читателя.

Ни в одной стране мира — в XX веке — новации художественной формы не являются запретными. Не преследуются государством.

Только в Советском Союзе картины художников-нонреалистов сметались бульдозерами; поп-музыка воспринималась как политическая диверсия. Даже белый стих считался не так давно почти «антисоветской вылазкой». Как и узкие брюки, шорты или длинные волосы а-ля хиппи.

Немудрено, что необычная стихотворная форма приветствовалась молодыми слушателями с жаром. Как вызов властям! Как мужество поэтов, ломавших закоряченные формы соцреализма.

Литовский поэт Межелайтис и московский Солоухин, которые стали «грешить» белым стихом, обратили на себя внимание. Белый стих сам по себе казался протестом.

Однако... шли годы. К новым формам привыкли. Поэтов-«реформаторов» переставали бранить даже конвойные «попки» из комсомольских газет: новая форма не несла нового содержания. Как в поэзии А. Вознесенского.

Это особая тема. Особая книга — ломка стихотворной формы, находящейся в прорези прицела. Думаю, оно будет написано в свое время, такое исследование, выходящее за пределы этой работы.

Здесь я хочу отметить лишь один аспект этой интереснейшей темы: когда поэту безразлично или почти безразлично *«что»*, быстро тускнеет и обескровливается *«как»*: у Евтушенко и Вознесенского, поэтов вначале полярных

по образной структуре, по ритмике, афористичности — полярных буквально во всем, — теперь гораздо более общего, чем различия.

<...> О Евтушенко написаны горы исследований. Кто не слышал, что он — поэт-трибун. Полемист и «театр одного актера». В общественно-социальном смысле он, было и такое, оппозиция ко всем проявлениям сталинщины: «...древко нашего знамени хватала грязные руки». Он был искренним, и эта искренность совпадала с вектором эпохи. Он поистине был противоположен Вознесенскому. Ему важен смысл, содержание. Даже в ущерб форме. «Из десяти книг Евтуха время отберет одну», — верно сказал Борис Слуцкий.

За Евтушенко пошла не только молодежь. Как-то в «Литературной газете» редактор по разделу литературы, сверхбдительный О. по прозвищу Железный Ортодокс, сказал сослуживцам, заперев дверь своего кабинета на ключ: «Я был на вечере Евтушенко. Он произвел на меня гигантское впечатление. Этот человек может возглавить временное правительство».

Даже прозорливый Юзовский, битый, мудрый Юзовский, признал его: «Посмотрите на его лицо, — вскричал он. — Это Савонарола!..»

Но вот эпоха начала менять окраску. Вначале пропали подписи Евтушенко (как и Вознесенского) под документами протеста. Выяснилось, что он умеет изгибаться «вместе с партийной линией». «Подвижник подвижной морали», — саркастически заметил один из поэтов. «Неправда! — вскричал Евтушенко. — Я тактик!..» И даже ответил стихами о тактике: «...я делаю карьеру тем, что не делаю ее!»

Но все это были слова. Пустые слова. Государственные «народные» хоры запели по всей стране новую песню на слова Евтушенко «Хотят ли русские войны?», где он слил воедино устремления Брежнева и воинствующей генеральской клики и обездоленных русских городов и деревень, где в каждой семье — потери...

Это хитренькое «патриотическое» сюсюканье вполне укладывалось в рамки казенных лозунгов, развешанных на всех заборах: «Народ и партия едины».

Насколько честнее оказался тут, скажем, Булат Окуджава с его «песенным вздохом»: «А третья война — твоя вина...»

А Евтушенко?! Ему уж теперь необязательно было пережить ситуацию, прочувствовать, осмыслить ее до конца, достаточно было чьего-то рассказа, порой намека. Кто-то вспоминал в Клубе, как Леонид Леонов покупал в эвакуации мед оптом, отобрав его у матерей, стоявших в очереди со стаканами и кружками. Евтушенко написал, что сам был тому свидетелем. Еще не ложь. Поэтическая вольность. Но... путь выбран.

Над Бабьим Яром памятников нет.
Крутой обрыв, как грубое надгробье.
Мне страшно.

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

Мне сегодня столько лет,
 Как самому еврейскому народу.
 <...>
 Ненавистен злобой заскорузлой
 Я всем антисемитам,
 как еврей.
 и потому —
 я настоящий русский.
 1961 г.

И даже в работе над этим — этапным для Евтушенко — стихотворением, искренним по своей направленности, он уже с легкостью расставался с одной символикой, заменяя ее противоположной. Завершая «Бабий Яр», он позволил поэту Межирову: «Слушай, Саша, когда Моисей выводил евреев из Египта, светила ли над ним Вифлеемская звезда?»

— Старик, — ответил изумленный Межиров, — это было совсем в другой раз и в другой религии.

— Тогда дай мне другой образ.

— Посох Моисея... — начал было Межиров.

— Спасибо! — не дослушав, вскричал Евтушенко, и в трубке зазвучал сигнал отбоя. Ему было достаточно. И посох, и Вифлеемская звезда, и «я, на кресте распятый, гибну...», и «лабазник избивает мать мою», и «доброта моей земли...» — все стало при новой, облегченной системе творчества только поэтической бутафорией.

Евтушенко — поэт непосредственных чувственных фиксаций. Его ранние стихи «О, свадьбы в дни военные...» — прекрасны.

Для поэта-гражданина, поэта — «владельца дум» качеств недоставало. Недоставало силы духа, поэтической взыскательности, готовности расстаться с грошовым комфортом. Недоставало *личности*.

* * *

Шестидесятничество было порождено хрущевской оттепелью. Оно было зачатком формирования российского самосознания, способствовало закату большевистского режима. Одно это делает Хрущева выдающимся российским реформатором.

Шестидесятники, правозащитники, диссиденты пытались реформировать советскую систему без кровопролития и репрессий, привести ее к виду, когда она могла бы функционировать не на волевых, а на демократических стимулах.

Некоторые наши современники пытались изобразить шестидесятников как неких Мосек, лающих на Слона — на незыблемую советскую власть, на пар-

тию — «ум, честь и совесть эпохи», характеризовали шестидесятников как «театр приблизительной правды и скупулезно дозированной смелости» и т.д.

В год 89-й все демократические организации противостояли «Памяти», и мы несли плакаты, не интересуясь, в русских они руках, еврейских или армянских, писали и говорили с ничем не ограниченной смелостью.

Мы были уверены: если Россия желает разделаться с наследием веков, путь к этому один, а именно просвещение прежде всего просвещенных слоев — интеллигенции, духовных вождей так называемых широких масс трудящихся.

После снятия Хрущева раздраженное поношение шестидесятников стало как бы неотъемлемой частью нашего обихода. Ниспровергатели жестко и уверенно доказывали, что это поколение было, в сущности, бесплодным и не привнесло ничего по-настоящему дерзкого, живого, изменившего общественный климат.

На самом деле шестидесятничество не только не утратило право на благодарность сегодня, но и в будущем. Оно сближает людей разного возраста и положения. Шестидесятники были активными участниками этого праздника духа 60-х. Они мучились, искали, ошибались, но никогда не лгали, не приспосабливались и не прислуживали.

Каждая эпоха имеет своих пророков и героев. Если начать с исторических аналогий, то я бы сравнил эпоху, сформировавшую шестидесятников, со счастливым периодом русской истории, подарившей нам декабристов, Чаадаева и его плеяду. И там и здесь, может быть, наивный, но стойкий оптимизм, нацеленность на реконструкцию общественных устоев, возможное их усовершенствование.

«Дети XX съезда», пройдя через горький опыт общественных катаклизмов, сумели сохранить упрямый оптимизм правдоискателей, дававший силу подниматься и преодолевать тьму и вселять надежду. Появившись в краткий миг хрущевской «оттепели», они создавали литературу, искусство, ориентированные на огромную аудиторию.

Евтушенко, Вознесенский, Бродский, Матвеева, Мориц, Галич, Высоцкий тоже были шестидесятниками. Они заражали массы своей свободой самовыражения, стремлением к новизне проблем и форм, внутренним сопротивлением и несоответствием тому, о чем вещали постановления и указы властей. Устное Слово, с которым они обращались к людям, стало их главным оружием.

Тогда, в 60-е, еще не настало время сегодняшнего осмысления революции, проблем насилия, а лишь начинался этот процесс. Именно «шестидесятники» выходили тогда на «передний край» — за пределы давящих идеологических штампов и «разрешенных» проблем, соцреалистических схем и бодрых мелодий, приучая народ к мысли о демократизации российского общества.

Возникла огромная потребность в слове, в хотя бы первичном осмыслении того, что произошло с народом и страной. Таких профессий, как социолог и тем более политолог, тогда просто не существовало, и аудитория привычно

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

повернулась к писателям, поэтам, лекторам, артистам: от кого и ждать слова, как не от мастеров слова? Шестидесятники в полной мере вкусили, что значит быть властителями дум.

Не всем моим современникам была близка и понятна взрывная сила шестидесятничества: подтекст «Охоты на волков», магнитофонные записи Окуджавы, Галича и Высоцкого. Немногие сжимали кулаки, когда газеты публиковали разносные статьи об Аксенове и Трифонове, били под дых Евтушенко за «Автобиографию», изданную в Америке, или Окуджаву — за вышедший в ФРГ сборник стихов.

* * *

Шестидесятники нередко расходились между собой и во вкусах, и в позициях, совершали немало глупостей, но вот подлостей не делали никогда. Единство у них было нравственное, и холуями шестидесятников не называл никто.

Молодые поэты вызывали у властей раздражение, а то и просто ненависть. Во время короткой «оттепели» государственные чиновники растерялись, не сразу освоились с новой реальностью и уловили опасность, исходящую от непривычных талантливых строк. Строчки эти были советские по-своему, а не по-указанному, а такое в России никогда не поощрялось.

Хотя партийная верхушка давила под собой все, но и сама испытывала давление, в том числе от домашних. К тому же начальники — тоже люди, и их порой прошибает талантливое слово. Где-то я читал, что с песнями Окуджавы Хрущева познакомил сын самого Хрущева. И ведь не кто иной, как Хрущев велел печатать Солженицына.

Жестко вломившийся в российскую жизнь после отстранения Горбачева рынок подвел черту под этой эпохой. Всего за несколько месяцев интеллигенцию отгеснили за черту бедности. Для учителей, врачей и рядовых инженеров проблема выживания стала основной. Да и для литераторов тоже.

С приходом Путина ускоренными темпами происходит деградация культуры. Телевизионный спрос на боевики, попсу и мыльную оперу считается уже не позором, а подарком судьбы. В хаосе неприглядного рынка и засилья криминалитета в возрастающих масштабах вырождается нравственность.

Шестидесятники превыше всего ценили истину. Сегодня спецслужбы, бизнесмены и эстрадники с большим отрывом выходят в лидеры. Им сопутствует неизменный успех. Телеканалы, несшие актуальную политическую информацию, по указанию сверху закрываются. На их смену приходят «развлекаловки», «попрыгушки», «мыльные» телесериалы, засилье голых задниц.

* * *

Понятие «шестидесятники», как известно, довольно размытое. Вместе с тем они — единственное поколение в нашей истории (как минимум за по-

следние шестьдесят лет), которое оправдывает это «высокое название». После шестидесятников поколений почему-то не было. В оттепель — возникло, а потом, в заморозки и даже в годы настоящей революции 1989–1993 годов, поколений уже не было — была только слякоть.

Условием «необходимым, но недостаточным», чтобы попасть в ряды шестидесятников, был, понятно, возраст. Годы рождения — от 1915 до 1935. Судьба — от тех, кто вернулся с войны, до тех, кому к моменту XX съезда было около двадцати лет. Речь идет о «детях XX съезда», чье мировоззрение мог потрясти, перевернуть, сформировать сам этот съезд, слухи о докладе Хрущева (доклад, которого никто не видел, был открыто опубликован только через тридцать лет), вся «атмосфера XX съезда», которую и надышали сами шестидесятники.

Но, разумеется, не всякий человек из этого поколения — шестидесятник. И даже не всякий человек с высшим образованием. И не всякий интеллигентный человек... Например, Горбачева, с его юрфаком МГУ, можно, хоть и с натяжкой, причислить к шестидесятникам, а «уральского медведя» Ельцина — совсем уж невозможно (поэтому шестидесятники так легко и приняли первого и так трудно — второго).

Из другой оперы: скажем, Бродский был куда дальше от шестидесятничества, чем Евтушенко, а Тарковский — куда дальше, чем Хуциев или Кулиджанов. Тут была масса причин — и личные (например, некоторые люди вообще, как правило, выламываются из любых рамок и обозначений, им в утешение остается лишь одно прилагательное «великий»), и групповые (все-таки шестидесятники были прописаны, как правило, в Москве — хотя были и Александр Володин, и Илья Авербах, и Олег Басилашвили...).

Интересно, что из трех бесспорных лидеров и кумиров шестидесятников только один — Окуджава, «своим двором взведенный во дворянство», был не только канонизированным, но и каноническим героем, всегда полностью остававшимся в канонах своей веры. Двое других — Сахаров и Солженицын — были кумирами, но сами от этой веры в значительной мере ушли, особенно, конечно, Солженицын, публично много раз проклявший «наших плюралистов». Сахаров оставался ближе к берегам шестидесятничества, но все равно, конечно, слишком далеко уплыл вглубь «диссидентского залива».

Теплый гольфстрим шестидесятничества не смог отогреть российскую почву и сам начал подмерзать — но до конца не замерз, а в 80-е полынья стала опять быстро расширяться, пока в ней не потонул весь СССР, чего, впрочем, большинство шестидесятников не предвидели (и не хотели) и в 60-е, и в 80-е. Дело в том, что, хотя диссиденты и вышли из шестидесятников — но именно что «вышли», — сами шестидесятники так и оставались умеренной фрондой, их символ — не поднятый кулак, а фи́га в кармане.

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

Конечно, шестидесятники не были какой-то единой партией, «сектой». Это течение сразу разбилось на множество рукавов. Деление шло не только по самой очевидной гражданско-политической шкале «диссидентство-фрондерство-конформизм», так сказать, от Буковского до Бурлацкого, от Галича до Пахмутовой. Были и многие другие, более эстетически человеческие измерения, шкалы.

Как мне кажется, настоящий, коренной, ствол шестидесятник должен быть сентиментален, романтичен, неуживчив, ироничен, может (да и любит) кричать. Он не любит (не умеет) твердо договаривать до конца, но, с другой стороны, презирает тех, кто умеет и хочет «договариваться». Словом, шестидесятник должен быть «недоделанным», «недосиженным», сотканным «из тумана и из запаха тайги». Шкала, измеряющая степень сентиментальности-романтичности-ироничности, — одна из важнейших при оценке шестидесятников.

Безусловно, все эти человеческие и эстетические качества имели прозрачный политический смысл — «в случае чего» мы ведь только так... молодо-зелено, чего с нас взять, дело молодое, мы ж не до конца вот такие... испорченные. «Путаники», «с завихрениями» — но ведь не враги же! Но кроме этой «защитно-розовой» краски был тут и совсем другой — общечеловеческий — момент.

Ведь тогда же свои шестидесятники возникли и на Западе — и уж никак не в ответ на XX съезд, верно? Может быть, отчасти они спрятались «над пропастью во ржи» от своего маккартизма, может быть, они смотрели грустными «глазами клоуна» на свою историю концлагерей и парадов, может, они бунтовали в 1968-м против своих вьетнамских и алжирских войн? Но, вернее всего, общий стиль всех этих «диссидентов с человеческим лицом» — от тех, кто «смог выйти на площадь» (Красную) «в тот назначенный час», до тех, кто смог повесить знамя анархистов над парижским театром «Одеон», — определялся не только (и не столько) политикой.

Было тогда — в 50–70-е годы что-то такое в атмосфере Европы (и «европейской России»). В СССР — «дети XX съезда». Ну а «за границей» — дети неореализма.

А «детский сад» у этих детей оказался общим — европейская культура протеста 60-х. Сексуальная революция, хиппи, битники, стилиаги, рок, «джинсы протеста»... Ясно, все эти проблемы были вроде бы очень далеки от робких советских шестидесятников («руссо туристо, облик морале»), которые всего-то и мечтали хоть бочком приблизиться к западному потребительскому либеральному раю, к Нью-Йорку, «городу контрастов», — к раю, из которого с воплями рвались (куда?!) их западные братья по разуму. Да, проблемы были разными, причины (или поводы?) для протеста были разными, но во взгляде на жизнь, в ощущении жизни у «бунтаря без причины» (Джеймс Дин) и «бунтаря с гитарой» (Владимир Высоцкий) было все-таки много общего.

Сентиментально-романтические «Гамлеты с заставы Ильича» вздрагивали, когда кто-то (известно кто!) пытался играть на них «как на флейте». Сами они при этом на своих гитарах умели (любили) жаловаться, иронизировать, мечтать, в общем, «ходить легкими фигурами», не имея сил сдвинуть фигуры тяжелые. И «сил не было» не только политических. Сил не было и моральных, и интеллектуальных.

Но, как известно, все познается в сравнении.

Да, русские шестидесятники — переходники от совкового социализма к постсовковому капитализму (или, как сейчас говорят, «из ниоткуда в никуда») — не тянули ни на золотой, ни на серебряный век русской культуры. Не смогли они всерьез, по-взрослому поставить вечные вопросы о смысле жизни, о Боге и человеке... Не было среди них Чайковских и Достоевских, не нашлось и таких «последних могилок», как Пастернак или Шостакович. Так и среди их ровесников на Западе не было ни Бальзаков и Бетховенов, ни «даже» таких «гигантов потерянного поколения», как Хемингуэй (великий папа шестидесятников) или Фолкнер.

Но при всем том шестидесятничество в России (думаю, и на Западе) — это культурная, духовная, научная эпоха. И по сей день — последняя эпоха. Атлантида не Атлантида, но все-таки некий культурный слой, который погрузился в болото, в котором мы благополучно живем и откуда поквакиваем сегодня.

Если речь идет о науке, то эта истина самоочевидна — наука в России кончилась. Авторитет научной профессии обнулен, но и результаты давно уже нулевые. Нет ничего подобного школе Ландау, школе Боголюбова, школе Гельфанда и т.д. (а это были как раз шестидесятники — по возрасту и ощущению). И не будет — потому что рубить не строить, развалить легко, создать почти невозможно. Но самое смешное, что, по оценке экспертов, и на Западе уровень науки резко упал за последние пятнадцать–двадцать лет, когда она полностью перешла в «коллективно-индустриальную фазу». Вроде бы и там последнее «великое поколение» относилось все к тем же шестидесятикам (Фейнман, Гелл-Манн, Уотсон и т.д.). Впрочем, не буду судить о том, что знаю весьма поверхностно. И вообще, оставим Запад (хотя я уверен, что все процессы у нас связаны с происходящими там) и сосредоточимся на родных трех соснах.

Такая же картина, и когда мы говорим об искусстве, литературе. Интерес к этим видам деятельности потерян — попробуйте представить себе атмосферу вечеров поэзии в Политехническом, спектаклей на Таганке, концертов Высоцкого в НИИ, попробуйте вспомнить, с каким чувством читали Солженицына (и попробуйте перечитать это сегодня!), вспомните, как раскрывали «Новый мир», и раскройте любой сегодняшний журнал... Итак, атмосфера выдохлась — и этого уже достаточно, чтобы остановился вмертвую автомобиль с проколотыми шинами, из которых воздух вышел. Да, извините, «читатель не захочет — писатель не вскочит».

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

Конечно, и сегодня не вся литература сводится к детективно-дамским штучкам Оксаны Робски — Ксюши Собчак, как не все кино — к «Бригадам антикиллеров», но и высшие достижения современной русской литературы — от Шишкина до Пелевина — не идут в сравнение с Трифоновым, Бродским, даже Стругацкими. И дело вовсе не в том, что пишут хуже, — дело в том, что надорван какой-то главный нерв. В 1960–1970 годы писали-снимали-ставили серьезно. Это не значит «скучно», «пафосно» и т.д., это значит, что относились к литературной продукции не только как к товару, а как к чему-то другому. Сейчас и производители, «инженеры человеческих душ», и потребители относятся к фильму-книге-спектаклю только как к товару — хорошо сделанному, хорошо рекламируемому. И — «что-то кончилось». Хороший товар стал легким, гламурным, он не выдерживает никакой нагрузки — ни моральной, ни психологической. «Грузите штучки-с бочками, братья Карамазовы».

Производство «штучек-с» — процесс подчас приятный. Но он во всяком случае не предполагает, а полностью исключает такую, скажем, вещь, как боль. Обезболенное искусство. Вот его мы и имеем, вот в том и отличие сегодняшнего творчества от творчества тех же шестидесятников. Обезболенное искусство — бессмысленное восприятие.

Может быть, тем же объясняется и еще один феномен. Совершенно исчезла социальная функция искусства.

Казалось бы — рождение капитализма! Тема Бальзака и Достоевского, Маркса и Мопассана. Да ладно уж, что там говорить о великих. Обратимся к тем же шестидесятникам. О «свинцовых мерзостях» совка писали, снимали, пели — Жванецкий, Рязанов, Гайдай, Высоцкий... Где оно всё? Где хотя бы «сатирическая функция» искусства? Что вместо? Животный гогот «Аншлага»-Винокура-Арлазорова, «новорусский реализм». Насмешки над «новыми русскими» на понятном для «новых русских» языке?

Почему даже совсем очевидное — и то исчезло? Может быть, потому, что шестидесятникам был все-таки действительно противен совок (при всем их конформизме, «прикормленности» и т.д.)? А «новым русским художникам» вовсе уж не противны их новые русские персонажи, то есть они ощущают себя одними из них?

Да, шестидесятники с их премиями, дачами и тиражами отнюдь не бедствовали (хотя, будем справедливы, многие не имели ни премий, ни тиражей), но все же они чувствовали себя в оппозиции системе. А сегодняшние бизнес-художники чувствуют себя неотъемлемой частью системы, недаром плох тот актер, у которого нет еще и ресторана. Актер-при-ресторане... Лучший ресторатор среди режиссеров и лучший режиссер среди рестораторов. А разве журналисты, писатели и прочие «обличители язв» — хуже? Нет, их рестораны еще поборются с актерскими! Черт подери, чем «обличать язвы», не проще ли кормить язвенников?

Но самое, пожалуй, смешное, это то, что даже в области политики шестидесятники нас обштопали! Да, у них на кухнях накал политических страстей и уровень обсуждения был куда выше, не говоря уж о том, насколько честнее, чем сегодня на ТВ-кухнях!

Получив впервые в истории России неслыханную, практически полную свободу, наследники шестидесятников употребили ее вот на что. Сначала они превратили публичную политику в бесконечную презентацию и шоу, а затем... без боя уступили арену и ковер новым шоуменам — национал-шоуменам прохановского розлива. Самая мрачная, чисто совковая ксенофобия, имперский шовинизм, национализм, антиамериканизм, деревенская зависть, люмпенская злоба и похвальба — вот и все, чем славна наша сегодняшняя «публичная политика». «Англичанка гадит», «Америка — параша, победа будет наша», «великий и могучий Советский Союз» — кроме этих слюней больше ничего не летит с ТВ-экрана.

Да, госзаказ (абсолютно безумный — но это отдельная тема) здесь очевиден. Но что же наследники шестидесятников? Где они? Если к этим детям лейтенанта Шмидта относить лидеров СПС и «Яблока», то их ответ известен: дешевые по содержанию и дорогие по оплате предвыборные ТВ-шоу, в ходе которых они промотали свои последние шансы попасть в Думу. Другие сами мгновенно обратились из западников в ура-патриотов, совершили сальто-мортале, которое никаким Валентину Зорину и Генриху Боровику не снилось. Третьи (я и сам из их числа) работают в этом балагане «тихими либеральными балалайками» — ведь кроме литавр и барабанов такие инструменты тоже нужны, у нас же полноценный политический оркестр. И всё? Да, кажется.

Ну, есть еще такие, кто ради борьбы с «кровавым режимом» готов брать с Лимоновым. (Почему тогда не с тем же Прохановым? Ах да, Проханов же выступает с патриотическими речами в телепередачах наследников шестидесятников.)

Скучно, девушки...

В 70-е популярен был спектакль Анатолия Васильева по пьесе Виктора Славкина «Взрослая дочь молодого человека». Когда взрослые дети шестидесятников пришли им на смену в 90-е, оказалось, что они (мы!) куда скучнее, пошлее, вульгарно корыстнее, чем «вечно молодые» (то есть вечно незрелые!) шестидесятники.

Но послушайте... Если сын — пустой проныра, то разве отец в этом не виноват? А с другой стороны, если сын вполне взрослый человек, то какого черта ему кивать на своего отца? Сам не маленький...

* * *

Вначале в этимологическую основу термина «шестидесятники XX века» входил фактор временной: период прихода генерации поэтов, а затем художников, прозаиков, драматургов, публицистов, режиссеров в отечественную

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

культуру, их творческое развитие, период «оттепели». Термин появляется к середине 60-х годов, когда отчетливо начинают проступать поколенческие черты ряда: Евтушенко, Вознесенский, Рождественский, Ахмадулина. Фактор временной предполагал и определенную мировоззренческую ориентацию, и отчасти «общую» стилевую направленность. Временем конфирмации шестидесятников становится XX съезд партии, давший основу для оформления их миропонимания и художественных устремлений.

Важным вопросом, на наш взгляд, является определение критериев отнесения ряда писателей к шестидесятническому литературному движению. Положенный в основу термина единый историко-литературный контекст, объединяющий представителей разных идейных и художественных ориентаций, по нашему мнению, позволяет в определенной мере уточнить состав шестидесятничества. Если включить уточняющее определение «поэты», то в ряд шестидесятников-традиционалистов (Е. Евтушенко, Р. Рождественский, А. Вознесенский, Б. Ахмадулина, Н. Матвеева, Ю. Мориц, В. Высоцкий, Р. Казакова) необходимо включить шестидесятника И. Бродского, а также трех других «детей Ахматовой»: А. Наймана, Е. Рейна, Д. Бобышева (+ Глеб Горбовский), начинавших в ранние 60-е годы, представлявших собой своеобразную «ленинградскую» ветвь русской поэзии.

Осознав себя поэтически в 60-х, они в основном самоопределяются на рубеже этого десятилетия.

«Дети Ахматовой» восстанавливали нарушенную связь времен, подключаясь к высокой и чистой энергии «серебряного века». Традиционные шестидесятники и представители «ленинградской» литературной школы, смыкаясь во временном пространстве, выбирали разные пути в литературе, входили в один историко-литературный контекст, подчас имея одних и тех же учителей. Не случайно один из «детей Ахматовой», близкий друг Бродского Евг. Рейн убедительно утверждает, что их лидер испытал на себе влияние М.А. Светлова, Я.В. Смелякова, Н.С. Тихонова, которые были учителями и у Е. Евтушенко.

Противопоставление их, которое насаждается в современной критике, представляющей поэтов одного исторического контекста антагонистами, резонно лишь в том смысле, если, не нанося вреда целостному представлению о закономерностях литературного развития в 60-е годы, способствует выявлению его идейно-эстетического своеобразия. Все остальные подходы бесперспективны и опасны возможным креном в сторону необъективного прочтения шестидесятничества как литературного течения.

На наш взгляд, вполне резонно назвать поэтов-ленинградцев «младшими шестидесятниками», добавив, что художественный опыт их лидера — опыт ускоренного усвоения идейно-художественных уроков традиционных шести-

десятников через их преодоление. Роль «восприемника» — не пассивная, а активная, перерабатывающая, рождающая возможность встречного взаимовлияния.

«Форма конфликтной связи» приводит И. Бродского к борьбе с внешним «подражательством», к пробуждению самобытных творческих сил. Это обстоятельство в свою очередь способствует идейно-художественной дифференциации внутри шестидесятничества, одновременному возникновению и развитию его стадий и форм.

Деление шестидесятников на поэтов-традиционалистов и «младших шестидесятников» по принципу их эстетической «разностойности» необходимо понимать диалектически: как равнодостоинство в одном историко-литературном контексте. Не случайно единство шестидесятничества, при несхожести и непохожести почерков его разных представителей, с понятной ревностью признается и выделяется их литературными «преемниками» — семидесятниками.

Среда писателей-шестидесятников не была однородной. В современной литературной критике выделяется два ее идейных крыла: шестидесятники-меньшевики и шестидесятники-большевики.

Шестидесятники-меньшевики стояли уже в 50–60 гг. на позициях полной конфронтации к советской системе, считая, что катастрофа в России произошла в октябре 1917 года. Прошлому они давали положительную политическую оценку, утверждая, что будущего у советской системы быть не может. К этому крылу обычно причисляют И. Бродского, А. Кузнецова, В. Аксенова и других.

Иллюзорно-либеральные сталинисты — шестидесятники-большевики (большинство) признали социализм законным строем в стране, однако критиковали его недостатки: сталинизм, партийную бюрократию, отсутствие гражданских свобод и другие, то есть следствия, но не причины. Им виделось и ответственное будущее — коммунизм, к которому можно было прийти через построение социализма, очищенного от указанных недостатков.

Приведенная классификация шестидесятников на идейной основе, на наш взгляд, может быть принята с рядом существенных уточнений.

Шестидесятников объединяли не только идеологические причины, но и противостояние догматикам, ортодоксам советскости. Понимая «историческую» необходимость подобного объединения, шестидесятники-большевики до определенного времени скрывали копящиеся внутри их движения идейные и эстетические разногласия. Так, например, начавшаяся еще в 60-е годы скрытая полемика Е. Евтушенко с А. Вознесенским, Б. Ахмадулиной, Р. Рождественским, И. Бродским и другими шестидесятниками будет легализована лишь тридцатилетие спустя, особенно усилится во второй половине 90-х годов.

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

---

* * *

К концу 40-х годов индустриальность в СССР из радужной перспективы превратилась в прозаический факт. Перед страной во весь рост встала проблема «нового» будущего. Решить ее маразмизирующий сталинизм, естественно, не мог. На Хрущева и пришедшую с ним команду шестидесятников была возложена сложнейшая историческая миссия — реформировать, вывести из кризиса индустриальный социализм и — одновременно — дать стране будущее.

Итак, Хрущев, понимаемый сегодня в основном лишь через призму либерализации, должен был решить многие задачи помимо разоблачения «культа». Само по себе такое разоблачение могло лишь «подживить» начинающее окостеневать общество на сравнительно недолгий срок — за счет высвобождения негативной энергии по отношению к действительно чудовищным злодеяниям сталинизма.

«Сжигая» сталинизм, можно и нужно было разогреть общество прежде всего для антикризисной реформы индустриального социализма. Реформы такого типа — это совокупность мер, эффективно и в кратчайшие сроки устраняющих только самые крупные наросты и патологии, мешающие решить проблемы развития. Дальнейшее и более скрупулезное копание в механизме, не обладающем энергией будущего, бессмысленно. У каждого общества есть естественные пределы в улучшении его настоящего, и нелепо делать его более привлекательным, чем оно могло бы быть. Во сто крат важнее — думать о будущем. С упорством, достойным лучшего применения, шестидесятники «чинили» хозяйственный механизм, «догоняли» индустриальный капитализм по производству вещей на душу населения и вязли в этих «улучшениях». Искренне желая сделать индустриальный социализм лучше, чем он мог стать по своей природе, они делали его хуже, чем он мог бы быть. Так чересчур чадолюбивые родители пытаются «вогнать» свою неказистую дочку в стандарты суперзвезды, принося в жертву не только ее здоровье, но и здоровье ее детей, свое будущее...

Уже к началу хрущевского периода будущее социализма полностью определялось его способностью производить творческий, интеллектуальный продукт, по существу дела, единственный продукт, органически свойственный обществу, провозгласившему «тотальное творчество» своей высшей целью и ценностью. Используя духовный потенциал «оттепели», мы к середине 60-х могли создать плацдармы постиндустриального социализма. Разумеется, для этого необходимо было иметь осуществленными немногие ключевые реформы конца 50-х и вместе с тем оставить в покое свою от рождения неказистую экономику.

На существование в 60-е годы такой возможности указывает хотя бы интерес США к решению у нас в стране проблемы использования интеллектуаль-

ного капитала, интеллектуальных сил общества. Учтя наш опыт, они осуществили рывок. Мы же взяли у них — химизацию и кукурузу. Мы растворили коммунизм в несостоятельной концепции изобилия. И, как итог, начали пробоксовывать.

Эйфорическую радость по поводу того, что индустриальный социализм вот-вот будет улучшен, вытеснило постепенно разочарование. «Дочка», которая, не имея задатков «суперзвезды», ею, разумеется, не стала, превратилась в «падчерицу», которую если кто и мог взять замуж, так только очень и очень неразборчивый или корыстный жених, преследующий свои, весьма далекие от идеальных, цели.

Так началось разрушение социальной мотивации, которое, ко второй половине 70-х годов, приобрело характер мотивационной катастрофы. В отличие от экономической стагнации — которая вторична (!) — мотивационная катастрофа осталась и по сей день неотслеженной и неосмысленной. А ведь именно она лежит в основе всех экономических, социальных, политических болезней, поразивших наше общество. Тяжесть их, по-видимому, до сих пор еще до конца не осознана.

Наше понимание закономерностей, управляющих развитием — или деградацией — общества, осталось на уровне начала 60-х годов. Мы слепо верим в чисто экономические законы, хотя вот уже более десяти лет весь мир развивает сначала социологическую, потом психологическую и даже этическую экономику.

В то время как в Японии изучали опыт первых пятилеток как способ экономически эффективного использования психологических ресурсов, мы сосредоточились на ускоренной распродаже сырья — и разрушении психологических ресурсов общества. Нам до сих пор в диковинку, как это кто-то может использовать — вместе, разом (!) — психологические (и уж тем более этические!) и экономические категории. Для нас в этом — нарушение чистоты жанра, его эклектика. Увы, вне этой «эклектичности» сегодня никому не дано оценить перспективу развития, распутать весь узел противоречий.

Общество 70-х годов — это общество разочарования. Его экономика — это экономика разочарования. Характерные черты — заимствование, подмена созидания добыванием. В самом деле, а во имя чего созидать? Концепции будущего — нет, настоящее — уныло.

Ситуация поистине трагическая, сложившаяся у нас с вычислительной техникой, имеет своим источником все то же разочарование. Мы-де заведомо хуже, а раз так — зачем надрывать, зачем создавать свои машины?! К чему это приведет? СССР отстал в области вычислительной техники не только от США и Японии, но и от Южной Кореи. Мы производим компьютеров меньше, чем Тайвань, и они хуже по качеству.

Но главное: мы капитулировали психологически. И не только в вычислительной технике. Нет, пожалуй, уже ни одной отрасли, в которой

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

бы мы не продекларировали свою несостоятельность, подчас даже вопреки объективной реальности. И разве не разочарование, не смена ценностных ориентаций легли в основу скачкообразного роста «теневого бизнеса», а если уж называть вещи своими именами, то криминальной национальной буржуазии, заявляющей о своих политических претензиях — пока лишь (!) — в ходе национальных конфликтов.

В массовом сознании возникла и закрепилась как будто сформированная намеренно, забавная, с точки зрения любого серьезного информационного аналитика, иллюзия, что капитализм — это и есть демократия. Идеалом рая земного для советского обывателя стали Швеция, Швейцария, на худой конец — Соединенное Королевство. Не вступая в дискуссии, просто как технолог, как человек, привыкший просчитывать сценарии возможного разворота событий, хочу сказать, что ЭТО нам «не грозит», извините, попросту «не светит». А вот колумбийский вариант — эдакий мафиозный тоталитаризм со специфическими оттенками для каждой из союзных республик — теоретически не исключен. Один из отечественных «бизнесменов», очевидно, контролирующих южные плодовоовощные республики, высказался по этому поводу вполне определенно: «С большевиками покончено, скоро возьмемся за либералов». И забавно перефразировал Николая Шмелева: «Эффективно то, что безнравственно».

В отличие от наших прекраснородушных шестидесятников деятели преступного бизнеса в СССР, контролирующие не менее ста (!) миллиардов рублей, поделили страну на зоны влияния и свободно налаживают связи со своими зарубежными «коллегами», вплоть до откровенного участия в международных «форумах». Они-то прекрасно понимают, что первична политика, а не экономика. Они озабочены прежде всего вопросом о власти.

В обществе разочарования силы стремительно поляризовались. На одном полюсе — официальный камуфляж, хорошая мина. И чем сильнее разочарование, тем толще слой грима, тем алей румяна. Сложился своего рода негативный консенсус. Ярмарка 70-х предложила два типа невест — на выбор: румяную куклу или оскобленный скелет. Одержимые игрой в правдолюбство, мыслители в массе своей выбрали вторую модель. Обыватель, жаждущий покоя, — первую. А работники идеологического фронта, занимающие промежуточное положение, как сказано у Чехова, женились сразу на двух. При тотальном господстве этой схемы мы с вами уже перестали бы есть, пить, одеваться, не говоря уже — запускать космические корабли. Борьба шла буквально не на жизнь, а на смерть. Увы, о ней пока еще сказано мало. Боролись те, для кого общественно-политический идеал сохранил свое обаяние. В известном смысле здесь сложился широкий демократический фронт. В него — хотя он не был ни зарегистрирован, ни провозглашен — вошли «спасатели» всех видов: как известные обществу имена, так и безвестные, и столь общественно непопулярные работники «органов» из числа тех, кто пытался остановить

коррупцию (другие поддерживали ее, а для одураченного общественного мнения все были одним миром мазаны), и столь же «непопулярные» партийные лидеры, включая члена Политбюро, по поводу преждевременной кончины которого Брежнев плакал. Леонид Ильич вообще был сентиментален. Или, по крайней мере, с успехом играл эту роль.

Крайне важно осознать, что, распахивая дверь перед теневыми дельцами, Брежнев опирался не только и не столько на бюрократию, которая была совсем не так монолитна, как это пытаются сейчас изобразить, а на весь негативный консенсус. Трагедия шестидесятников состояла в том, что их благородный критический пафос был активно подхвачен и перехвачен! Это нетрудно было сделать, поскольку позитивные модели, творимые шестидесятниками, не убеждали и убедить не могли. Подобно тому, как в конце 20-х годов никто уже не мог заставить сколько-нибудь мыслящие слои верить в то, что торгующий пирогами нэпман «социалистичней» Саввы Морозова, так же в 70-е стало ясно для думающего большинства, что всерьез построенное на частной собственности и крупном капитале общество работоспособней так называемого рыночного социализма.

Шестидесятники от политологии «громили» Сталина и традиционный социализм, пытаясь отстоять, «высветлить на контрасте» и даже отмыть от копоты образ Ленина-либерала и Бухарина как его преемника и нэп — как единственно истинную модель. Те, кто шел следом за ними, выждали, пока шестидесятники сделали свою работу, а потом без труда не оставили камня на камне от самих шестидесятников. Логика соскальзывания была проста: если Ленин (читай: Бухарин) лучше Сталина, то Мартов лучше Ленина. Каутский лучше Мартова, а дальше — либо «Память», либо — Демократический союз. Но только не «красные».

В истории такое повторялось не раз. Главное, чтобы Карно расправился с Робеспьером, а уж дальше Баррасу расправиться с Карно не составит труда. Не успели шестидесятники распотрошить классику, как настал их черед... Это и есть соскальзывание.

Брежнев получил политическую индульгенцию. Он как бы не нес персональной ответственности за происходящее. Все списывалось на систему. И даже более того. Поскольку очевидную для всех правду необходимо было скрывать, как раковый диагноз — от больного, то и его собственное поведение было для всех оправдано. Говорит и не верит? А как же в такое можно верить?.. Затыкает рты? А как же можно про такое распускать языки? Нагло лжет? А что ему остается делать в такой ситуации? Общество было идейно обезоружено, способно только на горький смех, и Брежнев был даже необходим для него — в качестве посмешища.

Перестройка пришлась на момент социального шока. Смерть Андропова, черненкоцкий коллапс — призрак Гришина. Унижение было столь велико,

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

что мобилизовались все. Время разочарований кончилось. Наступило время новых надежд. Оно у всех на памяти, и поэтому я позволю себе обратить внимание только на один аспект. Все надеялись на разное, но всяк на свое. Ключевым в этой ситуации был вопрос об авторитете самой партии. Она сделала ставку на демократизацию. Пожалуй, единственно возможную. Но социальные процессы, вызванные таким ферментом, требовали замены репрессивного авторитета духовным. А его-то и не было...

* * *

Отечественное шестидесятничество во многом воспринималось следующими поколениями как вредное заблуждение в возможностях модернизации и гуманизации советской системы («социализм с человеческим лицом»), а следовательно, как тормоз на пути к реальным переменам, как фарисейство и прекраснодушие подцензурной правды в искусстве, «неопасной» борьбы с властями и т.п. Оправданны ли эти оценки «промотавшихся отцов» их повзрослевшими детьми? Или сегодняшнее ощущение исчерпанности шестидесятничества есть проявление идейного кризиса, в том числе кризиса романтизма, в мировоззрении, культуре, повседневности, морали?

«Революция закончена». Исчезла протестная идеология как питательная среда шестидесятничества. Из искусства ушел подлинный конфликт. Связано ли это с потерей образа врага в лице режима, системы? Или с обретением относительного социального благополучия (средний класс стал большинством)?

Главные идеологемы шестидесятничества, определявшие духовную реальность эпохи, — свобода, отсутствие цензуры, религиозное и национальное равенство, социальная демократия, вера в великую преобразующую роль искусства. Через двадцать пять лет после ее завершения они вновь актуализированы радикальными переменами в обществе 90-х. Однако художественная культура, на наш взгляд, не смогла ответить на запросы времени. В чем тут дело?

Драйв поколений — почему он утрачен сегодня? Почему нет ощущения мощного присутствия в сегодняшней художественной реальности нового поколения революционеров?

Так вот: я не считаю, что шестидесятничество исчерпано. И замечаю, что лучшие спектакли (пока говорю только о театре) сегодня делают именно шестидесятники, а не так называемая новая волна. Потому что молодые одержимы и самонадеянны в своей краткосрочной молодости. А сейчас время требует объема, ответственности. Раскрыть событие объемно способны битые шестидесятники.

А Тарковский — шестидесятник? Ведь «Зеркало» — 1975 года, «Жертвоприношение» — 1986-го?

А Иоселиани — шестидесятник? Смотрите *In vino veritas!*

А долгожитель Солженицын — шестидесятник?

В 1960-е годы жили живые и очень разные люди.

Бесперебойный «драйв поколений». Работают (вкалывают!) наши великие старики, эти «сгустки истории» — аж зажмуришься: Козинцев, Райзман, Ромм, а уж на Западе-то просто звездопад, Дрейер снимает «Гертруду», Бунюэль — «Дневную красавицу» (это было, было, было! — кричу, как Настя из «На дне»). Вливаются фронтовики — их мало, поколение выбито, но с ними в искусство вливается нескончаемо трагедийный запас.

И вот вступают в профессию люди рождения 1930-х — по демографической статистике это верхняя шкала талантов и гениев за весь XX век. И все клубится, варится, дышит — последствия тектонического сдвига, свершившегося в середине двадцатого столетия.

Из «цветущей сложности» (выражение К. Леонтьева) реальных 1960-х далее сформировали советские идеологические останки шестидесятничества. Из потрясающих творческих и личных судеб, счастливых, ужасных, прямых, зигзагообразных (каждая — роман), выкроили какой-то временной отрезок-обрубок, квоту.

Как «Титаник» на дне океана — то ли поднимать, то ли пусть дальше ржавеет и обрастает ракушками все новых легенд и вымыслов...

Настаиваю: 60-е живы! И если о них сегодня, когда мы пошли другим путем, говорят и спорят, значит, они нужны.

Кризис романтизма? Но он в русской культуре был всегда, и всегда была ностальгия по романтизму. А сегодня, например, романтический актер Олег Меньшиков любим, но не востребован с его романтическим талантом.

Да, мы идем по иному пути. Появилась частная собственность, а она предполагает другую мораль. Но это тупиковый путь. А если мы все-таки движемся по кругу, то все равно от себя не уйдем.

Пусть опрометчиво уверяют: «Революция закончена». Нет, революция идеи существует.

Чувствую, что сейчас нагнетается активность каких-то пока тайных творческих сил, которые вскоре позволят первым разрезать ленточку.

На пустом месте ничего не родится. До Пушкина существовала хорошая поэзия, и роза не расцветает на помойке.

Тайное бродит еще невыявленным. Есть новые имена, не отягченные традицией. Развитие всегда идет циклами. И если в 60-е революционная идея носилась по всей Европе, то в середине 70-х стал ощущаться некий вакуум.

Казалось, что революция закончена. Но это был лишь спуск, затишье. Впереди — птица Феникс.

Решительно не принимаю устаревший, политизированный и публицистический контраст 60-х («золотой век либерализма») и застоя 70-х (капитуляции, «зажима»). Это был единый процесс духовного высвобождения, герценовское «время наружного рабства и внутреннего раскрепощения» — это ска-

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

зано было о 30-х годах XIX века после краха декабрьского восстания, но, мне кажется, очень подходит к нашим 70-м.

Снижения, спуска, поверхностно наблюдая его, люди не прощают. Когда цикл рождения естественно закончился и увиделся спуск, стали вешать всех собак на шестидесятников. И в застое тоже они виноваты.

Дальше настала перестройка. Казалось, что начнется новая прекрасная жизнь. Но едва эйфория утихла, начали оглядываться на изруганные 60-е.

Если бы не было 60-х, не было бы и 90-х.

Появляется клише: застой, шестидесятники «виноваты», они «задержали» ход перемен...

Конечно нет! Они расшатывали власть. Но, обратим внимание, изнутри, ангажированно, абсолютно по-совковски. Уверена, потому что сама была задействована в одну из знаменитых шестидесятнических историй — так называемую подписантскую.

Началось, как известно, с письма литераторов в защиту Синявского и Даниэля, осужденных, соответственно, на семь и пять лет колонии строгого режима после закрытого, но очень громкого процесса. Их громили за пересылку и публикации на Западе своих «очернительских» произведений.

«Письмо 73-х» первыми — сверху — подписали К. Паустовский, И. Эренбург, В. Каверин, В. Шкловский и другие маститые, внизу — скромная писательская молодежь. А составлял текст сам Лев Копелев, легендарный лидер шестидесятников (в 70-е этот замечательно талантливый, благородный и по-детски чистый человек вынужден был уехать в Германию и там стал автором грандиозного проекта — начатый им многотомник российско-германских культурных связей осуществляется до сих пор).

Письмо было стопроцентно советским документом. Адресовались к Брежневу и Косыгину, тогдашним правителям, журили проштрафившихся коллег и предлагали... «взять их на поруки». Дескать, мы ручаемся, писать не будут, публиковать — тоже. И дальнейшие письма (против высылки А.И. Солженицына, в защиту брошенных в тюрьму составителей «Белой книги» Гинзбурга и тяжелобольного Галанскова и другие) выглядели законопослушными и верноподданническими, пусть подписать их было немалой смелостью и расправы не заставили себя долго ждать. Ну а уж «неолениниана» 1960-х, все эти умильные фальсификации, в которых блистательные актеры, славные имена, пожилые и молодые, полные и худые, напяливали лысый парик и учились слегка картавить... Да, увы, это компромат...

У нас же надо было найти слово, а главная идея 60-х была — поставить диагноз болезни общества... Но тут-то они и застопорились!

И только шестидесятник М.С. Горбачев поставил! И разве нас не ждали новые — сериями! — снижения, спуски, разочарования? Светлые часы защиты Белого дома в августе 1991-го не обернулись ли удавкой рынка? Вся «идеология» и поэзия свободы сдались рынку.

Но рынок способен стать сильнее идеологии лишь на какое-то время. А для нас, России, эта игра вновь, все оглядываемся на Запад.

Для противостояния рынку сохранился старый шлейф наших традиций, нашей духовности (этого слова не боюсь, оно точное). Кстати, и на Западе-то нас ценят именно в этом качестве.

Да и мы сами даже и сегодня в обычной жизни разве не склоняем головы перед чеховскими «недотепами», которые идут наперекор коммерческому ажиотажу? А коммерциальность существовала всегда и при советской власти тайно процветала, только называлась по-другому — привилегии, карьера. И человек мог делать в этом отношении выбор и тогда. И потом тоже, ибо это фактор скорее психологический. Все зависит от человека.

В 60-е были великие имена: БДТ, Смоктуновский, Борисов, Евстигнеев...

Каждое время выдвигает своих «монстр сакре». И сейчас можно с грустью видеть, как измельчал актер. Недаром возник феномен Евгения Миронова, актера душевного, играющего «себя в предлагаемых обстоятельствах», естественного — и только. И его принимает зритель. Но — повторяю — наступило время ожиданий.

Недаром мы сегодня столько говорим о шестидесятниках, недаром не затихает спор — значит, они нужны!

В 60-е годы был дан сильный толчок искусству, мировоззрению, морали. То, что сегодня начинается — новые имена, новые мысли, новые веяния, — действительно имеет исток там, в 60-х.

* * *

Шестидесятник

Э, брат, да ты, похоже, шестидесятник...

Анахронизм.

Динозавр.

Отрывка советской империи.

Разуй глаза!

Двадцать первый век на дворе.

Что ты мне тычешь свой паспорт —

А то я не знаю, что во времена Большой Кукурузы

тебя еще и в проекте не было.

А ну — СМОТРЕТЬ В ГЛАЗА, ОТВЕЧАТЬ БЫСТРО И НЕ ЗАДУМЫВАЯСЬ:

«Девять дней одного года» — любишь?

«Понедельник начинается в субботу» — читал?

Веришь, что человек произошел от обезьяны, но звучит гордо?

Считаешь астрологию лженаукой?

Вот ты себя и выдал,

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

шестидесятник.

И что вы за секта такая?

Откуда это ослиное упрямство,

трусливое чистоплюйство,

тупая беспробудная вера в «прогресс»

вопреки всем очевидным фактам всеобщего развала, распада, оскотинивания, агонии,

ерзости, подлости и ужаса.

Как смеее вы игнорировать все эти верные и победительные признаки

начала конца?

Какие «друзья, караваны ракет»?!

Какие Правила Робототехники?!!

Какая Эра Сомкнутых Рук?!!!!

Они же ввали вам.

Ввали про светлое будущее,

про энтузиазм,

про то, что у всех есть общее дело,

про то, что жить для себя — неприлично,

про коммунизм к восьмидесятому году,

про мирный атом,

про ускорение и перестройку.

Они ввали вам,

чтобы вы вкалывали на совесть в своих закрытых НИИ,

чтобы обсуждали в курилках Ефремова и Стругацких,

а не Венгрию и Чехословакию,

чтобы жили тихо в своих хрущобах

и ходили радостными послушными стадами на демонстрации.

А в это время они —

в своих роскошных квартирах,

в своих бластных санаториях,

на своих цековских дачах —

могли ЖРАТЬ И ТРАХАТЬСЯ,

ЖРАТЬ И ТРАХАТЬСЯ

и вволю смеяться над вами,

глупыми шестидесятниками.

Потому что вы и они —

две стороны одной медали,

две части одной машины,

пароль и отзыв, ключ и замок.

Вы были нужны только для того, чтобы спокойно существовали они.

И вот теперь — когда их нет,

ПОЧЕМУ ВЫ-ТО ВСЕ ЕЩЕ ЗДЕСЬ!

* * *

Шестидесятники: синоним ругательства или интеллигентности?

Словами пусть играют те, кто не может жить по совести...

Говорят, слово «интеллигенция» родилось в России в XIX веке. Как бы новое виртуальное благородное сословие. Рыцари духа. Ленину интеллигенция сразу как-то не понравилась, и он назвал ее известным словом из пяти букв.

В 30-е тов. Сталин (Ленин сегодня) поддержал основоположника слово в слово. Традиция была заложена. Интеллигенции воленс-ноленс пришлось отмываться. После отмывки водой «оттепели» в конце 50-х появилось что-то вроде былого понятия — шестидесятники. В перестройку, напомним, к шестидесятиникам стали причислять разных «хороших людей». Вот-вот могла образоваться шестидесятническая фракция в КПСС.

Как поле битвы достается известно кому, так и светлые понятия в России сперва вызывают зависть и раздражение, а потом быстро тускнеют, если не сказать хуже.

Что же делать? Да ничего. Жить не по лжи, жить по совести, трудиться, оставлять по себе добрую память, а словами пусть играют другие.

* * *

Что касается ульяновского «интеллигенция — говно нации», то это правда истинная! Лизали зад Сталину, его преемникам по СССР, с еще большим азартом лизали Ельцину и сейчас лизут Путину! Тошно смотреть, что было перед выборами Путина с того же эрнстовского канала! А лизут, естественно, из шкурных соображений! Есть Михалков (Никита), а есть Герман — оба кинорежиссеры — почувствуйте разницу!

* * *

Шестидесятники и вправду были разные. Были те, кто за честь и правду шел в лагерь, а были те, кто на холода начальству делал славу и деньги, были, кто подписывал письма протеста и за это лишался работы, а были и те, кто трусливо молчал и успешно делал карьеру. Разные они были. Единственное, что их всех объединяло, так это глоток свободы, что успели хлебнуть при Хрущеве. Вот этот маленький глоток создал из них новое поколение, отличное от предыдущих. Он создал поколение, в котором стало возможно рождение инакомыслящих. Причем не только в мыслях преодолевших партийную догму и мораль, но и публично от нее отказавшихся. Вот то, что в этом поколении шестидесятников стало возможно появление таких людей, вот это и есть их всех отличающая родовая черта.

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

---

* * *

Шестидесятником я не успел стать, но был их «учеником» и хорошо знал и знаю многих из них. Молодость, надежды, растерянность общества были отличным полем, на котором росло их поколение, да правда, что недолго. Это был всплеск творчества рожденной свободой в науке, искусстве и политической мысли. (Запад тоже в это время был «шестидесятником».) Старшие из них понимали, что живучая гэбэшная уродина на время притаилась, некоторые искренне верили, что ее можно победить. Шестидесятники — лучшие люди современной российской истории.

* * *

Остаемся шестидесятниками

В изображении малограмотных, но самоуверенных «профессионалов» либерально-рыночного помета шестидесятники напоминают первый советский серийный телевизор КВН: нечто доморощенное, примитивное, безнадежно устаревшее, громоздко-неуклюжее, с крохотным экранчиком и громадной линзой — тонкостенным стеклянным сосудом, наполненным дистиллированной водой.

Сами шестидесятники — люди все уже крепко в годах и в новой жизни чувствующие себя неуверенно — спорить не решаются: дескать, да, верили, да, мечтали, были молодыми, неопытными, наивными, время было такое, был такой грех. А потом стали старше — поумнели, отбросили флер романтических представлений, поняли: не стыкуется, не реформируется, не светит. Миль пардон, господа, что мы невольно кому-то морочили голову, больше не будем.

* * *

Шестидесятники — это люди убеждений, гуманисты и идеалисты. Такие профессиональные альпинисты во всех жизненных ситуациях («Туда, мой друг, пешком, и только с рюкзаком, и лишь в сопровождении отваги»). Они служили делу социализма и антикоммунизма, а иногда и верили в коммунизм, как наивный и чистый председатель колхоза Яхимович, который после ареста по 70-й статье сказал на комиссии в Институте им. Сербского, что готов отдать жизнь за дело Ленина. И чуть не отдал, потому что его отправили в страшную психиатрическую тюрьму. Шестидесятники появились отнюдь не в 50-е годы. Раньше, много раньше. Я не верю, что шестидесятники могут вымереть. Вымирают отжившие свое, бесполезные мамонты и динозавры. А без шестидесятников корабль современности далеко не уплывет. Ведь только они умеют прокладывать курс.

* * *

Шестидесятник

Он не молот, а молотил
и становился в стойку,
чтоб угодить. А угодил,
как фантик, на помойку.

Вот так сложилась судьба
верблюже и двугорбо —
жизнь оказалась — не борьба,
а бокс, где лупят — в морду!

Но, между струйками юля,
и взрыкивая резво,
он прыгал с корабля на бля,
порой срываясь в трезвость.

Когда же зад забронзовел
в штанах у новой власти,
вновь от свободы одурел
язык в беззубой пасти...

Теперь с язычеством война
сама и развязалась...
А в чем была его вина?
За это нам досталось!

Он раньше вторгся в нашу глушь
и заступил на вахту.
И я обязан выпить тушь,
пролитую на ватман.

Чтоб не жалея ни о ком,
не рассуждая мелко,
дразнить пятнистым языком
немьтую тарелку.

* * *

Словом «шестидесятники» традиционно обозначается поколение деятелей русской культуры, представляющих почти все виды художественного творчества.

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

Его наиболее активной и популярной частью были писатели, среди них — прежде всего поэты. Они не были слишком радикальны в общественных взглядах, как часто их представляют в литературной критике и публицистике. Широкий интерес к ним (выступления поэтов в огромных аудиториях, даже на спортивных стадионах) был вызван смелыми этическими и эстетическими декларациями.

Самое замечательное в них — утверждение самоценности личности, чьи качества не сводимы к выполнению общественного долга или тем более к трудовым подвигам. Шестидесятники в отличие от культа вождя, руководителя, героя утверждали своеобразный культ «простого человека». В их творчестве культивировалась и стилевая свобода. Одни из них были верны традиционному (классическому) стиху (Е. Евтушенко, Б. Ахмадулина), другие пытались следовать авангардистской поэтике начала 20 века. Среди поэтов этого направления получили распространение, с одной стороны, пропагандистский, агитационный стих (Р. Рождественский), а с другой — романсово-лирическая стилевая стихия (Б. Окуджава). В их творчестве были случаи, хоть и нечастые, и прямого политического нонконформизма. Кульминацией этого пафоса были известные строки Е. Евтушенко, посвященные событиям в Чехословакии в 1968 году: «Танки идут по Праге, танки идут по правде».

Поэзия шестидесятников по основной тематике была урбанистической, и это вызывало чувство неудовлетворенности у тех, кто тяготел к некрасовским традициям, в основе которых была крестьянская проблематика. Сами поэты также чувствовали некоторую односторонность своих тематических пристрастий. Чуть позднее названным поэтам определенная часть литературной критики противопоставляла Н. Рубцова, В. Федорова, Ю. Кузнецова.

Почти все поэты-шестидесятники стремились к жанровому разнообразию в своем творчестве и, подобно своим далеким предшественникам, писали лирические стихи, поэмы, повести и романы. Особенно выделялись в этом отношении Окуджава и Евтушенко. И, как романтики прошлого, они стремились синтезировать разные виды искусства. Творческий опыт шестидесятников отличался счастливым долголетием. Они представляли полстолетия литературного процесса в России. В современной литературной критике присутствует два совершенно противоположных отношения к поэзии шестидесятников: от безоговорочно восторженного до резкой хулы.

* * *

Феномен шестидесятников заключается в том, что они вышли на публику в момент глубокой растерянности власти. Это произошло после 56-го года, после знаменитого доклада Хрущева о культе личности Сталина. Власть растерялась: что можно, чего нельзя? Причем писатели, сильные, мудрые, прожившие не жизнь, так полжизни, знали, что такое оттепель. По формулировке Эренбурга, это очень короткое время. Оно кончится, и опять начнут сажать.

И только двадцатилетние дурачки, этого не знавшие, могли выскочить на трибуну и прокричать: «Мы хотим знать правду!» Тогда мы еще не понимали, что писатель должен не требовать правды от кого-то, а говорить эту правду... Сформировался небольшой ряд имен. Их и запомнили. Психологи говорят, что в памяти закрепляется семь предметов одного ряда: семь цветов радуги, семь нот и т.д. Вот тогда и запомнили семь прозаиков, семь поэтов, семь драматургов, семь публицистов. А то и меньше. Обоймы оказались заполнены. Есть такой анекдот. Детям говорят: «Назови фрукт, домашнюю птицу и поэта». И они послушно отвечают: «Яблоко, курица, Пушкин». Вот и получилось, что поэты у нас Вознесенский, Евтушенко, Рождественский, Ахмадулина, Окуджава.

Это прекрасные поэты, безоговорочно. Но такие великолепные поэты, как Слуцкий, Самойлов, Межиров, стали известны позже и всесоюзную славу так и не приобрели, потому что не попали в обойму, хотя я и мои сверстники смотрели на них как на учителей. Все выходившие на арену после 60-х как-то подтягивались к своим предшественникам. Бродский, Рейн, Мориц — тоже шестидесятники. Мое поколение ушло со сцены в 90-х годах. На смену ему пришло поколение политиков и бизнесменов.

Эпоху в России всегда определяла и выражала литература, но, в конце концов духовная жизнь отодвинулась на второй план и возник повышенный интерес к тем, кто может вытащить народ из нищеты, — политикам и предпринимателям. Дело еще и в том, что в наши дни нет особо значимых поэтов и прозаиков. Поэтому нет и внимания к литературе.

* * *

Что такое для меня, человека другого поколения, «эпоха 60-х»? Наверное — время людей с человеческим лицом... и булыжником вместо сердца. Шестидесятники были крепкими ребятами, забивавшими железными копытами насмерть всех и вся. Их детство и отрочество — да кто же спорит — были ужасны. Но по сути-то — поколение победителей.

Старшее — военное — было просто уничтожено, что создало неслыханные возможности для карьеры. Для людей, родившихся в 30–40-х, весь мир был у ног. Менее всего шестидесятники нюни и размазни, нет, они пришли в этот мир с ощущением, что им чего-то недодали, причем на животном уровне: пожрать, поспать, порезвиться на травушке-муравушке. Эти же люди пришли в мир и с другим чувством: что их обманули, что они верили, так по-детски искренне и слепо, в то, во что верить не следовало. Не следовало до такой степени, что их любовь была не только комична, но и безнравственна. А раз так — туши свет. И они отвели душу.

Шестидесятники прошли по головам слабо сопротивлявшихся и малочисленных старших братьев и отцов, сожрали и изгадили золотой запас природы, капитал будущих поколений: выкачали нефть, извели леса, понастроили сот-

---

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

ни бездарных и глупых городов, пустили в космическую трубу труд последнего поколения русского крестьянства. И все это сопровождалось оглушительным визгом, нет — инфразвуковым ревом демагогии и словоблудия: чтением бездарных (а хоть бы и талантливых) стихов на стадионах, захватом творческих союзов, «разбором» после удушения пражской весны между различными шестидесятническими кланами, пародийными исповедями и покаяниями, «хитрой политикой» по отношению к партийным хамам.

Реально серьезной, мужской, взрослой позицией во всем этом была позиция людей старших поколений (Ахматова, Солженицын) или совсем молодых — «профессиональных неудачников» 70-х, коим вовсе не только власти, а в значительной степени зарвавшиеся шестидесятники «перекрыли кислород» и просто «извели». Извели настолько, что, когда началась перестройка, 60-летние сотрудники «Юности» стали шнырять по арбатским подворотням в поисках «молодежи», и, кстати, в конце концов привели в редакцию каких-то прыщавых «рокеров», будто бы являющихся сменой постепенно умирающих от инсультов и инфарктов «отцов-основателей». Впрочем, конечно, не «постепенно», это неточное слово.

Шестидесятник умирает в прыжке, как кенгуру. Он до конца, до упора цепляется за жизнь. В 60 лет помадится, одевает джинсы и свитера, чуть ли не серьги, ухаживает за 17-летними девочками (уже обожравшись и не имея никакого желания), разъезжает по международным молодежным конгрессам. И если умирает, то как-то неопрятно, то до комичного быстро (шел и умер), то неправдоподобно долго, с чудесными воскресениями и исцелениями. Вечные дети, шестидесятники не умеют стареть. Достойная старость, мудрый отказ от жизни, уход в сторону для них невозможны. Они идут прямо и разбивают себе голову о каменную стену.

* * *

Нас совершенно не интересовало, что такого оригинального, отличного от суконно-казенно-убогого набора штампов местной номенклатуры мог сказать во «времена застоя» Александр Н. Яковлев. Что бы ни сказал публично Александр Н. Яковлев, он, как зав. отделом пропаганды ЦК КПСС, мог сказать только то, что *укрепляло и шло на пользу* правящему слою контрреволюционного советского государства — *номенклатуре*. Поскольку Яковлев был *умным* врагом трудящихся, *умным* врагом коммунизма — он был просто *более опасным врагом*. Так мы это понимали. Дальнейший ход событий подтвердил нашу правоту. *Мы* отличались от *вас*, либералов-шестидесятников, тем, что вы с восторгом ловили в речах партийного бонзы признаки мельчайшего «свободомыслия», *не смея покуситься на «устои»*, а мы *радикально* отрицали контрреволюционную советскую действительность, желали социальной революции и готовились к ней, работали для нее, жертвуя собственным благополу-

чем, здоровьем, жизнями. Поэтому нас интересовала не писанина советских журналистиков и не выступления высокопоставленных партбюрократов, а опыт *сопротивления* — опыт партизан Кубы, Никарагуа, Уругвая, Перу, Колумбии, Сальвадора и т.п., опыт подполья «Народной воли», эсеров, большевиков и анархистов, опыт антифашистского Сопротивления в годы II Мировой войны, опыт вооруженной борьбы «лесных братьев» в Прибалтике и на Западной Украине (идеологически они, конечно, были нашими врагами, но нас интересовали *технические* вопросы), опыт «городской герильи» в Западной Европе, наконец.

* * *

Термин оказался достаточно неуловимым. Или, напротив, излишне рассыпчатым. Его публика постоянно пыталась каким-то образом собрать, сложить, склеить, изваять — понять, в конце концов, что же мы, шестидесятники, такое сотворили. И кто мы такие есть. Короче — самоидентифицироваться. До конца не удалось. Что, в общем-то, обрадовало — у такого сорта единомышленников единомыслие не в почете. Что исключает всякий карьерный рост и прибыли на почве шестидесятничества — ни партии путевой не создашь, ни бизнеса, ни профсоюза диссидентского. Только в историю впишут, если повезет. А если не повезет — тем более. В смысле: если на Таганку будут теперь пускать только через Маркса, то шансов войти в историю для порядочных людей — не оберешься.

* * *

Слушатель «армянского радио» заметил, что бывшие шестидесятники в наши дни превратились в шестисотников, причем последних делят на две противоположные категории. Чем занимается каждая из этих категорий, спрашивает слушатель?

Ответ: одни ездят на шестисотых «мерседесах», другие копаются на шести сотках.

* * *

Шестидесятники — это люди, которые пережили сталинский террор и подавление личности и сделали своими ценностями личность человека, выдвинули лозунг «Не человек для государства, а государство для человека». Они так жили. Это были не только диссиденты-правозащитники, это были писатели, художники, экономисты, политики — целое поколение. Цензура не пускала их к людям, но они создали самиздат, который сохранил замечательные произведения прошлого, не дал им погибнуть и дал прибежище новым авторам — Солженицыну, Войновичу, Окуджаве, Высоцкому и многим другим писателям и поэтам. И когда случилась перестройка, именно шести-

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

десятники, уже немолодые люди, бросились этот самиздат превращать в публикации для всех. Это был и подарок XX съезда рожденным им поколениям, нашим современникам.

И второй подарок, который сделали шестидесятники нашим современникам, — это вторая глава Конституции Российской Федерации, в которой утверждается принцип, согласно которому государство должно служить человеку, гарантировать соблюдение его прав. То, что сейчас происходит в России, — это нарушение Конституции. Но поскольку Конституция неизменна, я уверена, что эти ценности в конечном итоге восторжествуют и в политике, и в каждодневной жизни. Может быть, не сейчас, может быть еще через двадцать лет, а может быть, через пятьдесят, но восторжествуют. А начало этому процессу положил XX съезд партии и историческая речь Хрущева на нем. Это было, конечно, огромным потрясением для всей страны, и я бы даже сказала, для всего мира. Так что мы должны воздать должное Никите Сергеевичу Хрущеву за то, что он решился на это откровение.

* * *

Шестидесятники сыграли огромную и до сих пор не проясненную роль в развитии советской литературы. Просветители в условиях «полного затемнения». Они попытались рассказать читателю-современнику правду о нем самом, будучи поставленными в достаточно жесткие цензурные рамки, которые поневоле делали эту правду усеченной, неполной, в результате чего эта правда-реальность становилась намеком на реальность. Но и за этот намек читатель-современник был признателен автору. Если говорить о некоем типичном шестидесятнике (которого реально в природе, конечно, не существует), то он взял на себя исторически важную миссию — вернуть литературе право на описание простого человека и простой частной жизни. В условиях, когда государство пыталось заменить собой все, в том числе мысли и чувства обывателя, возвращение в литературу простого, негероического существования казалось (да и было, по существу) несомненным литературным достижением, способствующим развитию столь ущемленного чувства ценности частной жизни.

Но, конечно, шестидесятничество (как, впрочем, и новая литература) не было ни кастой, ни сектой, было разнородно и разноречиво. Скажем, Фазиля Искандера, на прозаическом слове которого благотворно сказался речевой сдвиг Платонова, и Андрея Битова с его способностью так описывать любую мелочь, что она казалась ловушкой для времени, прочло и следующее за ними поколение. В то время как многие другие, честные, добросовестные, но не забывающие о необходимом компромиссе шестидесятники (как и их многочисленные последователи) принадлежат только истории литературы, хотя ввиду особой литературной и общественной ситуации занимают — скажу осторожно — не вполне определенное место в современной литературе.

* * *

Сами плоть и кровь революции, революционного проекта, не имеющие никакой связи с дореволюционной Россией в своей психологии, сознании и так далее, они даже не думали в своей полемике с существующими бедами и нестроениями, существовавшими в том государстве — а моя семья пострадала, в общем, достаточно серьезно, потом, будет время, я упомяну это, — они боролись именно с империей, им было ненавистно великодержавие. Причем как дореволюционное, так и советская его форма. И они боролись не со злом марксизма как антитезой всего, что было в России до того, — они не собирались ничего возвращать из того, что порушили те большевики. Они полемизировали со своими оппонентами в том же русле революционного проекта, просто недовольны были исполнением, а так им все было близко. Помните, возвратились все штампы Троцкого, Ленина, Маркса, Энгельса — о России как тюрьме народов, например. Ведь Россию до революции даже злейшие соперники на международной арене — Британия, сама колониальная империя — никогда не называли колониальной империей. Это — тезис Маркса и Энгельса. Вся их парадигма мышления, все совпадало с большевиками. Сахаровская идея 53 государств — простите, это возврат к ленинским принципам национальной политики, которые в реальности, к счастью, не соблюдались буквально, потому что с ними ни одно многонациональное государство и пяти лет прожить не может, что блестяще было доказано в 1991 г.

Не система, рудименты этой системы не разрушены, а государство — «от финских хладных скал до пламенной Колхиды». Разрушили под флагом прощания с тоталитаризмом, а флаг так нарисовали именно диссиденты, и не только диссиденты, но и партийно-номенклатурно-интеллектуальная элита того СССР, которая уже сменила послевоенную. Они именно его и разрушили. Потому что под флагом прощания с тоталитаризмом они сдали и хотели сдать 300 лет русской истории, а вовсе не советской. Где Кючук-Кайнарджийский мир, где Полтава, где...

* * *

Я бы сказал так: империя — это один из признаков несвободы. Империя сопутствует диктатуре — более жесткой, менее жесткой, самодержавному порядку, советскому порядку — любой диктатуре. И как только тиски немного ослабевают, так сразу же все народы, которые не хотели бы жить в этой империи, от нее бегут. Империя — это просто признак диктатуры. Что касается диссидентов или шестидесятников, они вкусили немножко этой свободы после 20-го съезда, и остановить это дальше было невозможно.

Но диктатура всегда сопротивлялась, она и по сей день сопротивляется, и многие мечтают ее вернуть. И тоска по империи, вот эта ностальгия — это тоска не по широким просторам, не по количеству республик, не по количе-

---

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

ству земли, которая в 21 веке уже не имеет значения, — это тоска по жесткому режиму, это тоска по тому режиму, в котором бездари могут быть у власти, а все остальные — это быдло, которым можно было управлять.

* * *

Да, в наше суперпрагматичное время шестидесятники были и остаются неисправимыми романтиками, что, впрочем, не мешает многим из них найти свою нишу и в литературе, и в бизнесе. Как говорится, запрячь в одну телегу коня и трепетную лань... И если даже не всем сопутствует жизненный успех, с душой у шестидесятников по-прежнему все в порядке. Большинство из них не отрелось ни от своего прошлого, ни от своих романтических идеалов. А это ли не доказательство того, что слов на ветер они не бросали?..

* * *

Шестидесятника отличала от обывателя (в том числе с ученой степенью и академическим званием) вера (именно вера!) в то, что капитализм — это плохо, социализм — лучше, а его недостатки якобы можно преодолеть, придав ему «человеческое лицо». Обывателю же всегда было плевать на всякие «измы», он смотрел только на кресло повыше и зарплату побольше — хоть при Сталине, хоть при Николае II. В конечном счете шестидесятники не без основания сделались предметом насмешек следующего поколения, как юродивые, вздумавшие «очеловечить» чингисханов и саддамов конструированием для них телефонов и других достижений научно-технического прогресса.

Но это, конечно, очень односторонний подход. Шестидесятники были не более юродивыми, чем, скажем, революционеры-демократы XIX века, породившие «бесов» народничества и уж сущих «дьяволов» большевизма. Тех и других объединял утопизм, а различали конкретные исторические обстоятельства. Нельзя забывать, что революционерам-демократам противостояла николаевщина, а шестидесятникам — сталинщина и ее наследие. Как теперь выпутываться из реализованной утопии казарменного социализма, господствующей в России (только в деформированном виде) и поныне? Этого не знают ни шестидесятники, ни смеющиеся над ними семидесятники. И пока не узнаем, не смеяться, а плакать надо. В частности, над поистине трагической судьбой и революционеров-демократов, и шестидесятников. А коль скоро сам себя относишь к последним, как писать эпитафию на собственной могиле? Логичнее подождать, пока это гораздо объективнее сделает следующее поколение.

* * *

Выработанные шестидесятниками в студенческие годы представления о чести и достоинстве, некоторой внутренней чистоплотности, а главное, искренности и честности остались самыми главными их отличительными черта-

ми, которые даже при существующих исключениях, сохраняются и поныне. Они уходят, возможно, они в основном вскоре уйдут. При всем критическом к ним отношении, они могут сказать: да, мы сделали все, что должны были, и сделали так, как должны были. И самое главное — не они для общества сегодня главная опасность. То, чего они не понимают, чего не приемлют, они делать не будут. Но их преемники не таковы. Я имею в виду семидесятников.

Самым главным отличием преемников, чье студенческое время пришлось на семидесятые, было чудовищное, только им в такой степени присущее и сохраняющееся и поныне, лицемерие. Выработка этого психического качества была связана с их выживанием. Не будучи лицемерными, они никогда бы не смогли жить в том обществе: что-то делать и сохранять некоторую внутреннюю дистанцию к этому. Однако это же качество в условиях, когда они оказались на вершине власти теперь, есть психологическое основание и теневой экономики, и непубличной интриганской политики. Можно это объяснять и так и сяк, это можно даже отрицать, применяя марксистский принцип главенства экономики. Однако, если же брать во внимание то обстоятельство, что очень многое зависит от психологических свойств поколения, его характера и идеологии, мы вынуждены будем признать доминирование этого качества — лицемерие и теневая экономика вместе с непубличной политикой всегда рядом. Еще это поколение называют комсомольцами, в отличие от партфункционеров, как называют шестидесятников. Понятно, что это связано с тем, что время начала их карьеры позволило им занять некоторые посты лишь по комсомольской линии.

Ныне мы наблюдаем их повсеместный приход к власти. Они занимают ведущие посты в государственном истеблишменте, в руководстве самых удачливых и крутых фирм, в правлениях банков, в тысячах мелких предприятий и СП. Они — те, кто нынче уже правит страной. Их отличительная черта — разговоры о морали, о переменах, о реформах. Им нужно отобрать свой кусок у старших партийных товарищей, и им это удастся. При этом они обходительны, действуют осторожно и готовы к компромиссу. Максимум, что они смогут сделать, это вывести экономику и политику на свет и установить какие-то правила более-менее цивилизованного функционирования политики и экономики. Но они будут делать это неспешно, постепенно и долго.

* * *

Нелюбовь «детей XX съезда», шестидесятников, к истории вполне объяснима. Помести их всех на место их собственных отцов, в 30-е, не были бы тогда массовые доносы более художественными, враги — более коварными, демонстрации — более праздничными, ликование — более искренним, а сталинский «орден меченосцев» — более надежным и сплоченным? Все может быть. Однако история, как известно, не знает слов «если бы».

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

Шестидесятник является тем, кем он стал на протяжении пятидесяти лет, с 1956-го по 2006-й. Универсальный смысл XX съезд имеет только для этого поколения (и его наследников). Именно для них (и только для них!) он в полной мере выступает Событием.

Поэтому возможно ли серьезное размышление о «съезде разоблачителей» при условии последовательного отказа от подобной универсализации? Универсальность XX съезда (на данный момент) ограничивается пределами этого пятидесятилетия. А само оно полностью и безраздельно принадлежит истории. Интерпретировать эту историю можно по-разному. При помощи разных «герменевтических техник». И разных произведений.

Однако с самого начала важно разобраться именно с первоисточником. И помнить: на протяжении последних пятидесяти лет не происходило ничего, что не было бы связано с текстом доклада Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях», прочитанном на закрытом заседании XX съезда КПСС 25 февраля 1956 года.

Текст великолепно выстроен. Иногда возникает впечатление, что подготовлен он тем, чей культ подвергается разоблачению. (И не без оснований: в докладе, например, полностью воспроизводится сталинская интерпретация массы и вождя). Приводятся цитаты из классиков; аналогия с эсерами, считавшими, что герой выше толпы; рассказ о конфликте Сталина и Крупской, на который Ильич отреагировал в том духе, что «сделанное против его жены есть сделанное против него»; обнародование завещания Ленина с предложением переместить Сталина с поста генсека; приведение ленинских слов про «необъятную власть» и чрезмерную грубость; резонный (и до сих пор не получивший ответа) вопрос о том, зачем понадобилась «великолепному грузину» физическое уничтожение давно разгромленных политоппонентов; подробности смерти С.М. Кирова; трагическая история Эйхе, не признавшегося под пытками в несовершенных преступлениях; и многое другое.

Необходимо признать: в выступлении Хрущева — все правда. Без нее история второй половины XX века была бы совсем другой.

Можно даже сказать, что по сравнению с временами «вождя народов» хрущевский доклад от 25 февраля 1956 года содержит всю правду. Однако это правда описания. Правдиво ли выступление первого секретаря ЦК с точки зрения своей перформативной составляющей, т.е. с точки зрения того, какой отклик она вызвала, какое мировоззрение сформировала, каким сформировала молодое в те времена поколение, к которому была адресована?

Этот вопрос много сложнее. Ответить на него можно, лишь взглядевшись в ту историю, на которую этот текст оказал безусловное, но не всегда отчетливо понимаемое влияние.

Хрущевский доклад разрушил сталинский *potmos*: космический порядок представлений о сущем и должном, закон, в соответствии с которым был уст-

роен мир; «перводвигатель», заставлявший биться сердца. Сказать, что вслед за этим последовала anomia, значит отделаться никчемной отговоркой. Anomia после этого заняла место nomos'a, стала высшим принципом бытия. Отныне мы не можем поступиться беспринципностью.

Эта беспринципность очень мешает осознать свое место в истории. Кляня разжалованного корифея наук, шестидесятники не понимали и не понимают, что они и есть худшие сталинисты. И уж точно — самые прямые наследники Сталина. Ибо обязаны ему всем.

Не случайно, что из всех ныне здравствующих в России поколений именно для них и спустя полвека вождь «умер вчера». Им, повторяющим эту фразу подобно ритуальному заклинанию, так и не стало ясно, что ее слова — лишь вольная интерпретация тезиса Кобы об усилении классовой борьбы по мере продвижения к светлому будущему.

ПРИЛОЖЕНИЕ

От составителя. Большинство тех, чьи выступления целиком или частично вошли в книгу, ссылались в той или иной мере на эпохально знаменитый доклад Н.С. Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС. Однако уверенности в том, что все читали его, и тем более целиком, нет.

Поэтому мы решили поместить в завершение дебатов о шестидесятниках полный текст доклада. Очень хочется, чтобы читатели не пытались оценить его с сегодняшних позиций, а постарались воссоздать атмосферу того времени — прошло всего три года после смерти одного из величайших тиранов мировой истории, и народ в большинстве своем, особенно многомиллионная партия, продолжали считать его великим марксистом, гениальным полководцем, выдающимся государственным деятелем, лучшим другом советских детей, рабочих, колхозников, трудовой интеллигенции и прочая, прочая, прочая...

Текст приводится по публикации в журнале «Известия ЦК КПСС». 1989. № 3.

О культе личности и его последствиях

Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н.С.
XX съезду Коммунистической партии Советского Союза

Товарищи! В Отчетном докладе Центрального Комитета партии XX съезду, в ряде выступлений делегатов съезда, а также и раньше на Пленумах ЦК КПСС, немало говорилось о культе личности и его вредных последствиях.

После смерти Сталина Центральный Комитет партии стал строго и последовательно проводить курс на разъяснение недопустимости чуждого духу марксизма-ленинизма возвеличивания одной личности, превращения ее в какого-то сверхчеловека, обладающего сверхъестественными качествами, наподобие бога. Этот человек будто бы все знает, все видит, за всех думает, все может сделать; он непогрешим в своих поступках.

Такое понятие о человеке, и, говоря конкретно, о Сталине, культивировалось у нас много лет.

В настоящем докладе не ставится задача дать всестороннюю оценку жизни и деятельности Сталина. О заслугах Сталина еще при его жизни написано вполне достаточное количество книг, брошюр, исследований. Общеизвестна роль Сталина в подготовке и проведении социалистической революции, в гражданской войне, в борьбе за построение социализма в нашей стране. Это всем хорошо известно. Сейчас речь идет о вопросе, имеющем огромное значение и для настоящего и для будущего партии, — речь идет о том, как постепен-

но складывался культ личности Сталина, который превратился на определенном этапе в источник целого ряда крупнейших и весьма тяжелых извращений партийных принципов, партийной демократии, революционной законности.

В связи с тем, что не все еще представляют себе, к чему на практике приводил культ личности, какой огромный ущерб был причинен нарушением принципа коллективного руководства в партии и сосредоточением необъятной, неограниченной власти в руках одного лица, Центральный Комитет партии считает необходимым доложить XX съезду Коммунистической партии Советского Союза материалы по этому вопросу.

* * *

Разрешите, прежде всего, напомнить вам, как сурово осуждали классики марксизма-ленинизма всякое проявление культа личности. В письме к немецкому политическому деятелю Вильгельму Блосу [1] Маркс заявлял:

«...Из неприязни ко всякому культу личности я во время существования Интернационала никогда не допускал до огласки многочисленные обращения, в которых признавались мои заслуги и которыми мне надоедали из разных стран, — я даже никогда не отвечал на них, разве только изредка за них отчитывал. Первое вступление Энгельса и мое в тайное общество коммунистов произошло под тем условием, что из устава будет выброшено все, что содействует суеверному преклонению перед авторитетами (Лассаль [2] впоследствии поступал как раз наоборот)» (Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XXVI, изд. 1-е, стр. 487–488).

Несколько позже Энгельс писал:

«И Маркс, и я, мы всегда были против всяких публичных демонстраций по отношению к отдельным лицам, за исключением только тех случаев, когда это имело какую-либо значительную цель; а больше всего мы были против таких демонстраций, которые при нашей жизни касались бы лично нас» (Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XXVIII, стр. 385).

Известна величайшая скромность гения революции Владимира Ильича Ленина. Ленин всегда подчеркивал роль народа, как творца истории, руководящую и организующую роль партии, как живого, самостоятельного организма, роль Центрального Комитета.

Марксизм не отрицает роли лидеров рабочего класса в руководстве революционно-освободительным движением.

Придавая большое значение роли вожakov и организаторов масс, Ленин, вместе с тем, беспощадно бичевал всякие проявления культа личности, вел непримиримую борьбу против чуждых марксизму эсеровских взглядов «героя» и «толпы», против попыток противопоставить «героя» массам, народу.

Ленин учил, что сила партии состоит в неразрывной связи с массами, в том, что за партией идет народ — рабочие, крестьяне, интеллигенция. «Только тот

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

победит и удержит власть, — говорил Ленин, — кто верит в народ, кто окунется в родник живого народного творчества» (В.И. Ленин, т. 26, стр. 259) [3].

Ленин с гордостью говорил о большевистской, коммунистической партии, как вожде и учителе народа, он призывал выносить на суд сознательных рабочих, на суд своей партии все важнейшие вопросы; он заявлял: «ей мы верим, в ней мы видим ум, честь и совесть нашей эпохи» (Соч., т. 25, стр. 239).

Ленин решительно выступал против всяких попыток умалить или ослабить руководящую роль партии в системе Советского государства. Он выработал большевистские принципы партийного руководства и нормы партийной жизни, подчеркнув, что высшим принципом партийного руководства является его коллективность. Еще в дореволюционные годы Ленин называл Центральный Комитет партии коллективом руководителей, хранителем и истолкователем принципов партии. «Принципы **партии**, — указывал Ленин, — блюдет от съезда до съезда и истолковывает их Центральный Комитет» (Соч., т. 13, стр. 116).

Подчеркивая роль Центрального Комитета партии, его авторитет, Владимир Ильич указывал: «Наш ЦК сложился в группу строго централизованную и высоко авторитетную...» (Соч., т. 33, стр. 443).

При жизни Ленина Центральный Комитет партии был подлинным выражением коллективного руководства партией и страной. Будучи воинствующим марксистом-революционером, всегда непримиримым в принципиальных вопросах, Ленин никогда не навязывал силой своих взглядов товарищам по работе. Он убеждал, терпеливо разъяснял свое мнение другим. Ленин всегда строго следил за тем, чтобы осуществлялись нормы партийной жизни, соблюдался Устав партии, своевременно созывались съезды партии, пленумы Центрального Комитета.

Помимо всего великого, что сделал В.И. Ленин для победы рабочего класса и трудового крестьянства, для победы нашей партии и претворения в жизнь идей научного коммунизма, его проницательность проявилась и в том, что он своевременно подметил в Сталине именно те отрицательные качества, которые привели позднее к тяжелым последствиям. Озабоченный дальнейшими судьбами партии и Советского государства, В.И. Ленин дал совершенно правильную характеристику Сталину, указав при этом, что надо рассмотреть вопрос о перемещении Сталина с должности генерального секретаря в связи с тем, что Сталин слишком груб, недостаточно внимателен к товарищам, капризен и злоупотребляет властью.

В декабре 1922 года в своем письме к очередному съезду партии Владимир Ильич писал:

«Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью».

Это письмо — важнейший политический документ, известный в истории партии как «завещание» Ленина [4], — роздано делегатам XX съезда пар-

тии. Вы его читали и будете, вероятно, читать еще не раз. Вдумайтесь в простые ленинские слова, в которых выражена забота Владимира Ильича о партии, о народе, о государстве, о дальнейшем направлении политики партии.

Владимир Ильич говорил:

«Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д.»

Этот ленинский документ был оглашен по делегациям XIII съезда партии, которые обсуждали вопрос о перемещении Сталина с поста генерального секретаря. Делегации высказались за оставление Сталина на этом посту, имея в виду, что он учтет критические замечания Владимира Ильича и сумеет исправить свои недостатки, которые внушали серьезные опасения Ленину.

Товарищи! Необходимо доложить съезду партии о двух новых документах, дополняющих ленинскую характеристику Сталина, данную Владимиром Ильичом в его «завещании».

Эти документы — письмо Надежды Константиновны Крупской председателю Политбюро Каменеву и личное письмо Владимира Ильича Ленину Сталину.

Зачитываю эти документы:

1. Письмо Н.К. Крупской:

«Лев Борисыч, по поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Влад. Ильича с разрешения врачей, Сталин позволил вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше всякого врача, т. к. знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина. Я обращаюсь к Вам и к Григорию [5], как более близким товарищам В.И., и прошу оградить меня от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз. В единогласном решении контрольной комиссии, которой позволяет себе грозить Сталин, я не сомневаюсь, но у меня нет ни сил, ни времени, которые я могла бы тратить на эту глупую склоку. Я тоже живая и нервы напряжены у меня до крайности.

Н. Крупская».

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

Это письмо было написано Надеждой Константиновной 23 декабря 1922 года. Через два с половиной месяца, в марте 1923 года, Владимир Ильич Ленин направил Сталину следующее письмо:

2. Письмо В. И. Ленина.

«Товарищу СТАЛИНУ. Копия: Каменеву и Зиновьеву.

Уважаемый т. Сталин, Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения. *(Движение в зале.)*

С уважением: **Ленин.**
5-го марта 1923 года».

Товарищи! Я не буду комментировать эти документы. Они красноречиво говорят сами за себя. Если Сталин мог так вести себя при жизни Ленина, мог так относиться к Надежде Константиновне Крупской, которую партия хорошо знает и высоко ценит как верного друга Ленина и активного борца за дело нашей партии с момента ее зарождения, то можно представить себе, как обращался Сталин с другими работниками. Эти его отрицательные качества все более развивались и за последние годы приобрели совершенно нетерпимый характер.

Как показали последующие события, тревога Ленина не была напрасной: Сталин первое время после кончины Ленина еще считался с его указаниями, а затем стал пренебрегать серьезными предупреждениями Владимира Ильича.

Если проанализировать практику руководства партией и страной со стороны Сталина, вдуматься во все то, что было допущено Сталиным, убеждаешься в справедливости опасений Ленина. Те отрицательные черты Сталина, которые при Ленине проступали только в зародышевом виде, развились в последние годы в тяжкие злоупотребления властью со стороны Сталина, что причинило неисчислимый ущерб нашей партии.

Мы должны серьезно разобрать и правильно проанализировать этот вопрос для того, чтобы исключить всякую возможность повторения даже какого-либо подобия того, что имело место при жизни Сталина, который проявлял полную нетерпимость к коллективности в руководстве и работе, допускал грубое насилие над всем, что не только противоречило ему, но что казалось ему, при его капризности и деспотичности, противоречащим его установкам. Он действовал не путем убеждения, разъяснения, кропотливой работы с людьми, а путем

навязывания своих установок, путем требования безоговорочного подчинения его мнению. Тот, кто сопротивлялся этому или старался доказывать свою точку зрения, свою правоту, тот был обречен на исключение из руководящего коллектива с последующим моральным и физическим уничтожением. Это особенно проявилось в период после XVII съезда партии, когда жертвами деспотизма Сталина оказались многие честные, преданные делу коммунизма, выдающиеся деятели партии и рядовые работники партии.

Следует сказать, что партия провела большую борьбу против троцкистов, правых, буржуазных националистов, идейно разгромила всех врагов ленинизма. Эта идейная борьба была проведена успешно, в ходе ее партия еще более окрепла и закалилась. И здесь Сталин сыграл свою положительную роль.

Партия провела большую идейную политическую борьбу против тех людей в своих рядах, которые выступали с антиленинскими положениями, с враждебной партии и делу социализма политической линией. Это была упорная, тяжелая, но необходимая борьба, потому что политическая линия и троцкистско-зиновьевского блока и бухаринцев по существу вела к реставрации капитализма, к капитуляции перед мировой буржуазией. Представим себе на минуту, что бы получилось, если бы у нас в партии в 1928–1929 годах победила политическая линия правого уклона, ставка на «ситцевую индустриализацию», ставка на кулака и тому подобное. У нас не было бы тогда мощной тяжелой индустрии, не было бы колхозов, мы оказались бы обезоруженными и бес- сильными перед капиталистическим окружением.

Вот почему партия вела непримиримую борьбу с идейных позиций, разъясняла всем членам партии и беспартийным массам, в чем вред и опасность антиленинских выступлений троцкистской оппозиции и правых оппортунистов. И эта огромная работа по разъяснению линии партии дала свои плоды: и троцкисты, и правые оппортунисты были политически изолированы, подавляющее большинство партии поддержало ленинскую линию, и партия сумела вдохновить и организовать трудящихся на проведение в жизнь ленинской линии партии, на построение социализма.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что даже в разгар ожесточенной идейной борьбы против троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев и других — к ним не применялись крайние репрессивные меры. Борьба велась на идейной основе. Но через несколько лет, когда социализм был уже в основном построен в нашей стране, когда были в основном ликвидированы эксплуататорские классы, когда коренным образом изменилась социальная структура советского общества, резко сократилась социальная база для враждебных партий, политических течений и групп, когда идейные противники партии были политически давно уже разгромлены, против них начались репрессии.

И именно в этот период (1935–1937–1938 гг.) сложилась практика массовых репрессий по государственной линии сначала против противников лени-

---

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

низма — троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев, давно уже политически разбитых партией, а затем и против многих честных коммунистов, против тех кадров партии, которые вынесли на своих плечах гражданскую войну, первые, самые трудные годы индустриализации и коллективизации, которые активно боролись против троцкистов и правых, за ленинскую линию партии.

Сталин ввел понятие «враг народа». Этот термин сразу освобождал от необходимости всяких доказательств идейной неправоты человека или людей, с которыми ты ведешь полемику: он давал возможность всякого, кто в чем-то не согласен со Сталиным, кто был только заподозрен во враждебных намерениях, всякого, кто был просто оклеветан, подвергнуть самым жестоким репрессиям, с нарушением всяких норм революционной законности. Это понятие «враг народа» по существу уже снимало, исключало возможность какой-либо идейной борьбы или выражения своего мнения по тем или иным вопросам даже практического значения. Основным и, по сути дела, единственным доказательством вины делалось, вопреки всем нормам современной юридической науки, «признание» самого обвиняемого, причем это «признание», как показала затем проверка, получалось путем физических мер воздействия на обвиняемого.

Это привело к вопиющим нарушениям революционной законности, к тому, что пострадали многие совершенно ни в чем не виновные люди, которые в прошлом выступали за линию партии.

Следует сказать, что и в отношении людей, которые в свое время выступали против линии партии, часто не было достаточно серьезных оснований, чтобы их физически уничтожить. Для обоснования физического уничтожения таких людей и была введена формула «враг народа».

Ведь многие лица, которых впоследствии уничтожили, объявив их врагами партии и народа, при жизни В.И. Ленина работали вместе с Лениным. Некоторые из них и при Ленине делали ошибки, но, несмотря на это, Ленин использовал их на работе, поправлял, стремился к тому, чтобы они оставались в рамках партийности, вел их за собой.

В этой связи следует ознакомить делегатов съезда партии с неопубликованной запиской В.И. Ленина в Политбюро ЦК в октябре 1920 года [6]. Определяя задачи Контрольной Комиссии, Ленин писал, что эту Комиссию необходимо сделать настоящим «органом партийной и пролетарской совести».

«К[а]к особое задание Ко[нтрольной] К[омиссии], рекомендовать внимательно-индивидуализирующее отношение, часто даже прямое своего рода лечение по отношению к представителям т[ак] н[азываемой] оппозиции, потерпевшим психол[огический] кризис в связи с неудачами в их советской или партийной карьере. Надо постараться успокоить их, объяснить им дело товарищески, подыскать им (без способа показывания) подходящую к их психологическ[им] особенностям работу, дать в этом пункте советы и указания Оргбюро цеха и т. п.».

Всем хорошо известно, как непримирим был Ленин к идейным противникам марксизма, к тем, кто уклонялся от правильной партийной линии. В то же время Ленин, как это видно из зачитанного документа, из всей практики его руководства партией, требовал самого внимательного партийного подхода к людям, которые проявляли колебания, имели отступления от партийной линии, но которых можно было вернуть на путь партийности. Ленин советовал терпеливо воспитывать таких людей, не прибегая к крайним мерам.

В этом проявлялась мудрость Ленина в подходе к людям, в работе с кадрами.

Совсем иной подход был характерен для Сталина. Сталину были совершенно чужды ленинские черты — проводить терпеливую работу с людьми, упорно и кропотливо воспитывать их, уметь повести за собой людей не путем принуждения, а оказывая на них воздействие всем коллективом с идейных позиций. Он отбрасывал ленинский метод убеждения и воспитания, переходил с позиций идейной борьбы на путь административного подавления, на путь массовых репрессий, на путь террора. Он действовал все шире и настойчивее через карательные органы, часто нарушая при этом все существующие нормы морали и советские законы.

Произвол одного лица поощрял и допускал произвол других лиц. Массовые аресты и ссылки тысяч и тысяч людей, казни без суда и нормального следствия порождали неуверенность в людях, вызывали страх и даже озлобление.

Это, конечно, не способствовало сплочению рядов партии, всех слоев трудового народа, а, наоборот, приводило к уничтожению, отсечению от партии честных, но неугодных Сталину работников.

Наша партия вела борьбу за претворение в жизнь ленинских планов построения социализма. Это была идейная борьба. Если бы в этой борьбе был проявлен ленинский подход, умелое сочетание партийной принципиальности с чутким и внимательным отношением к людям, желание не оттолкнуть, не потерять людей, а привлечь их на свою сторону, то мы, вероятно, не имели бы такого грубого нарушения революционной законности, применения методов террора в отношении многих тысяч людей. Исключительные меры были бы применены только к тем лицам, которые совершили действительные преступления против советского строя.

Обратимся к некоторым фактам истории.

В дни, предшествовавшие Октябрьской революции, два члена ЦК партии большевиков — Каменев и Зиновьев выступили против ленинского плана вооруженного восстания. Более того, 18 октября в меньшевистской газете «Новая жизнь» они опубликовали свое заявление о подготовке большевиками восстания и о том, что они считают восстание авантюрой. Каменев и Зиновьев раскрыли тем самым перед врагами решение ЦК о восстании, об организации этого восстания в ближайшее время.

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

Это было изменой делу партии, делу революции. В.И. Ленин в связи с этим писал: «Каменев и Зиновьев **выдали** Родзянке и Керенскому решение ЦК своей партии о вооруженном восстании...» (Соч., т. 26, стр. 194). Он поставил перед ЦК вопрос об исключении Зиновьева и Каменева из партии.

Но после свершения Великой Октябрьской социалистической революции, как известно, Зиновьев и Каменев были выдвинуты на руководящие посты. Ленин привлекал их к выполнению ответственных поручений партии, к активной работе в руководящих партийных и советских органах. Известно, что Зиновьев и Каменев при жизни В.И. Ленина совершили немало других крупных ошибок. В своем «завещании» Ленин предупреждал, что «октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не являлся случайностью». Но Ленин не ставил вопроса об их аресте и, тем более, о их расстреле.

Или возьмем, к примеру, троцкистов. Сейчас, когда прошел достаточный исторический срок, мы можем говорить о борьбе с троцкистами вполне спокойно и довольно объективно разобраться в этом деле. Ведь вокруг Троцкого были люди, которые отнюдь не являлись выходцами из среды буржуазии. Часть из них была партийной интеллигенцией, а некоторая часть — из рабочих. Можно было бы назвать целый ряд людей, которые в свое время примыкали к троцкистам, но они же принимали и активное участие в рабочем движении до революции и в ходе самой Октябрьской социалистической революции, и в укреплении завоеваний этой величайшей революции. Многие из них порвали с троцкизмом и перешли на ленинские позиции. Разве была необходимость физического уничтожения таких людей? Мы глубоко уверены, что если бы жив был Ленин, то такой крайней меры в отношении многих из них не было бы принято.

Таковы лишь некоторые факты истории. А разве можно сказать, что Ленин не решался применять к врагам революции, когда это действительно требовалось, самые жестокие меры? Нет, этого никто сказать не может. Владимир Ильич требовал жестокой расправы с врагами революции и рабочего класса и, когда возникала необходимость, пользовался этими мерами со всей беспощадностью. Вспомните хотя бы борьбу В.И. Ленина против эсеровских организаторов антисоветских восстаний, против контрреволюционного кулачества в 1918 году и других, когда Ленин, без колебания, принимал самые решительные меры по отношению к врагам. Но Ленин пользовался такими мерами против действительно классовых врагов, а не против тех, которые ошибаются, которые заблуждаются, которых можно путем идейного воздействия на них повести за собой и даже сохранить в руководстве.

Ленин применял суровые меры в самых необходимых случаях, когда в наличии были эксплуататорские классы, бешено сопротивлявшиеся революции, когда борьба по принципу «кто — кого» неизбежно принимала самые острые формы, вплоть до гражданской войны. Сталин же применял самые крайние

меры, массовые репрессии уже тогда, когда революция победила, когда укрепилось Советское государство, когда эксплуататорские классы были уже ликвидированы и социалистические отношения утвердились во всех сферах народного хозяйства, когда наша партия политически окрепла и закалилась как количественно, так и идейно. Ясное дело, что здесь были проявлены со стороны Сталина в целом ряде случаев нетерпимость, грубость, злоупотребление властью. Вместо доказательств своей политической правоты и мобилизации масс, он нередко шел по линии репрессий и физического уничтожения не только действительных врагов, но и людей, которые не совершали преступлений против партии и Советской власти. В этом никакой мудрости нет, кроме проявления грубой силы, что так беспокоило В.И. Ленина.

Центральный Комитет партии за последнее время, особенно после разоблачения банды Берия [7], рассмотрел ряд дел, сфабрикованных этой бандой. При этом обнаружилась весьма неприглядная картина грубого произвола, связанного с неправильными действиями Сталина. Как показывают факты, Сталин, воспользовавшись неограниченной властью, допускал немало злоупотреблений, действуя от имени ЦК, не спрашивая мнения членов ЦК и даже членов Политбюро ЦК, зачастую не ставя их в известность о единолично принимаемых Сталиным решениях по очень важным партийным и государственным вопросам.

* * *

Рассматривая вопрос о культе личности, нам необходимо прежде всего выяснить, какой ущерб это нанесло интересам нашей партии.

Владимир Ильич Ленин всегда подчеркивал роль и значение партии в руководстве социалистическим государством рабочих и крестьян, видя в этом главное условие успешного строительства социализма в нашей стране. Указывая на огромную ответственность большевистской партии, как правящей партии Советского государства, Ленин призывал к строжайшему соблюдению всех норм партийной жизни, к осуществлению принципов коллективности руководства партией и страной.

Коллективность руководства вытекает из самой природы нашей партии, построенной на началах демократического централизма. «Это значит, — говорил Ленин, — что все дела партии ведут, прямо или через представителей, все члены партии, на равных правах и без всякого исключения; причем все должностные лица, все руководящие коллегии, все учреждения партии — выборные, подотчетные, сменяемые» (Соч., т. 11, стр. 396).

Известно, что сам Ленин показывал пример строжайшего соблюдения этих принципов. Не было такого важного вопроса, по которому Ленин принимал бы решение единолично, не посоветовавшись и не получив одобрения большинства членов ЦК или членов Политбюро ЦК.

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

В самые трудные для нашей партии и страны периоды Ленин считал необходимым регулярно проводить съезды, конференции партии, пленумы ее Центрального Комитета, на которых обсуждались все важнейшие вопросы и принимались всесторонне разработанные коллективом руководителей решения.

Вспомним, например, 1918 год, когда над страной нависла угроза нашествия империалистических интервентов. В этих условиях был созван VII съезд партии для обсуждения жизненно важного и неотложного вопроса — о мире. В 1919 году, в разгар гражданской войны, созывается VIII съезд партии, на котором была принята новая программа партии, решены такие важные вопросы, как вопрос об отношении к основным массам крестьянства, о строительстве Красной Армии, о руководящей роли партии в работе Советов, об улучшении социального состава партии и другие. В 1920 году созывается IX съезд партии, определивший задачи партии и страны в области хозяйственного строительства. В 1921 году на X съезде партии были приняты разработанная Лениным новая экономическая политика и историческое решение «О единстве партии».

При жизни Ленина съезды партии проводились регулярно, на каждом крупном повороте в развитии партии и страны Ленин считал прежде всего необходимым широкое обсуждение партией коренных вопросов внутренней и внешней политики, партийного и государственного строительства.

Весьма характерно, что свои последние статьи, письма и заметки Ленин адресовал именно партийному съезду, как высшему органу партии. От съезда к съезду Центральный Комитет партии выступал как высокоавторитетный коллектив руководителей, строго соблюдающий принципы партии и проводящий в жизнь ее политику.

Так было при жизни Ленина.

Соблюдались ли эти священные для нашей партии ленинские принципы после кончины Владимира Ильича?

Если в первые годы после смерти Ленина съезды партии и пленумы ЦК проводились более или менее регулярно, то позднее, когда Сталин начал все более злоупотреблять властью, эти принципы стали грубо нарушаться. Особенно это проявилось за последние полтора десятка лет его жизни. Разве можно считать нормальным тот факт, что между XVIII и XIX съездами партии прошло более тринадцати лет, в течение которых наша партия и страна пережили столько событий? Эти события настоятельно требовали принятия партией решений по вопросам обороны страны в условиях Отечественной войны и по вопросам мирного строительства в послевоенные годы. Даже после окончания войны съезд не собирался более семи лет.

Почти не созывались пленумы Центрального Комитета. Достаточно сказать, что за все годы Великой Отечественной войны фактически не было проведено ни одного Пленума ЦК. Правда, была попытка созвать Пленум

ЦК в октябре 1941 года [8], когда в Москву со всей страны были специально вызваны члены ЦК. Два дня они ждали открытия Пленума, но так и не дождались. Сталин даже не захотел встретиться и побеседовать с членами Центрального Комитета. Этот факт говорит о том, насколько был деморализован Сталин в первые месяцы войны и как высокомерно и пренебрежительно относился он к членам ЦК.

В этой практике нашло свое выражение игнорирование со стороны Сталина норм партийной жизни, попрание им ленинского принципа коллективности партийного руководства.

Произвол Сталина по отношению к партии, к ее Центральному Комитету особенно проявился после XVII съезда партии, состоявшегося в 1934 году.

Центральный Комитет, располагая многочисленными фактами, свидетельствующими о грубом произволе в отношении партийных кадров, выделил партийную комиссию Президиума ЦК [9], которой поручил тщательно разобраться в вопросе о том, каким образом оказались возможными массовые репрессии против большинства состава членов и кандидатов Центрального Комитета партии, избранного XVII съездом ВКП(б).

Комиссия ознакомилась с большим количеством материалов в архивах НКВД, с другими документами и установила многочисленные факты фальсифицированных дел против коммунистов, ложных обвинений, вопиющих нарушений социалистической законности, в результате чего погибли невинные люди. Выясняется, что многие партийные, советские, хозяйственные работники, которых объявили в 1937–1938 годах «врагами», в действительности никогда врагами, шпионами, вредителями и т. п. не являлись, что они, по существу, всегда оставались честными коммунистами, но были оклеветаны, а иногда, не выдержав зверских истязаний, сами на себя наговаривали (под диктовку следователей-фальсификаторов) всевозможные тяжкие и невероятные обвинения. Комиссия представила в Президиум ЦК большой документальный материал о массовых репрессиях против делегатов XVII партийного съезда и членов Центрального Комитета, избранного этим съездом. Этот материал был рассмотрен Президиумом Центрального Комитета.

Установлено, что из 139 членов и кандидатов в члены Центрального Комитета партии, избранных на XVII съезде партии, было арестовано и расстреляно (главным образом в 1937–1938 гг.) 98 человек, то есть 70 процентов. (*Шум возмущения в зале.*)

Что собой представлял состав делегатов XVII съезда? Известно, что 80 процентов состава участников XVII съезда с правом решающего голоса вступили в партию в годы революционного подполья и гражданской войны, то есть до 1920 года включительно. По социальному положению основную массу делегатов съезда составляли рабочие (60 процентов делегатов с правом решающего голоса).

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

Поэтому совершенно немыслимо было, чтобы съезд такого состава избрал Центральный Комитет, в котором большинство оказалось бы врагами партии. Только в результате того, что честные коммунисты были оклеветаны и обвинения к ним были фальсифицированы, что были допущены чудовищные нарушения революционной законности, 70 процентов членов и кандидатов ЦК, избранных XVII съездом, были объявлены врагами партии и народа.

Такая судьба постигла не только членов ЦК, но и большинство делегатов XVII съезда партии. Из 1966 делегатов съезда с решающим и совещательным голосом было арестовано по обвинению в контрреволюционных преступлениях значительно больше половины — 1108 человек. Уже один этот факт говорит, насколько нелепыми, дикими, противоречащими здравому смыслу были обвинения в контрреволюционных преступлениях, предъявленные, как теперь выясняется, **большинству** участников XVII съезда партии. (*Шум возмущения в зале.*)

Нужно напомнить, что XVII съезд партии вошел в историю как съезд победителей. Делегатами съезда были избраны активные участники строительства нашего социалистического государства, многие из них вели самоотверженную борьбу за дело партии в дореволюционные годы в подполье и на фронтах гражданской войны, они храбро дрались с врагами, не раз смотрели в глаза смерти и не дрогнули. Как же можно поверить, чтобы такие люди в период после политического разгрома зиновьевцев, троцкистов и правых, после великих побед социалистического строительства оказались «двурушниками», перешли в лагерь врагов социализма?

Это произошло в результате злоупотребления властью со стороны Сталина, который начал применять массовый террор против кадров партии.

Почему массовые репрессии против актива все больше усиливались после XVII съезда партии? Потому, что Сталин к этому времени настолько возвысился над партией и над народом, что он уже совершенно не считался ни с Центральным Комитетом, ни с партией. Если до XVII съезда он еще признавал мнение коллектива, то после полного политического разгрома троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев, когда в результате этой борьбы и побед социализма было достигнуто сплочение партии, сплочение народа, Сталин все больше и больше перестал считаться с членами ЦК партии и даже с членами Политбюро. Сталин полагал, что он может теперь сам вершить все дела, а остальные нужны ему как статисты, всех других он держал в таком положении, что они должны были только слушать и восхвалять его.

После злодейского убийства С.М. Кирова начались массовые репрессии и грубые нарушения социалистической законности. Вечером 1 декабря 1934 года по инициативе Сталина (без решения Политбюро — это было оформлено опросом только через 2 дня) было подписано секретарем Президиума ЦИК Енукидзе [10] следующее постановление [11]:

«1) Следственным властям — вести дела обвиняемых в подготовке или совершении террористических актов ускоренным порядком;

2) Судебным органам — не задерживать исполнения приговоров о высшей мере наказания из-за ходатайств преступников данной категории о помиловании, так как Президиум ЦИК Союза ССР не считает возможным принимать подобные ходатайства к рассмотрению;

3) Органам Наркомавнудела — приводить в исполнение приговора о высшей мере наказания в отношении преступников названных выше категорий немедленно по вынесении судебных приговоров».

Это постановление послужило основанием для массовых нарушений социалистической законности. Во многих фальсифицированных следственных делах обвиняемым приписывалась «подготовка» террористических актов, и это лишало обвиняемых какой-либо возможности проверки их дел даже тогда, когда они на суде отказывались от вынужденных своих «признаний» и убедительно опровергали предъявленные им обвинения.

Следует сказать, что обстоятельства, связанные с убийством т. Кирова, до сих пор таят в себе много непонятного и загадочного и требуют самого тщательного расследования. Есть основания думать, что убийце Кирова — Николаеву [12] кто-то помогал из людей, обязанных охранять Кирова. За полтора месяца до убийства Николаев был арестован за подозрительное поведение, но был выпущен и даже не обыскан. Крайне подозрительным является то обстоятельство, что когда прикрепленного к Кирову чекиста 2 декабря 1934 года везли на допрос, он оказался убитым при «аварии» автомашины, причем никто из сопровождающих его лиц при этом не пострадал. После убийства Кирова руководящие работники Ленинградского НКВД были сняты с работы и подвергнуты очень мягким наказаниям, но в 1937 году были расстреляны. Можно думать, что их расстреляли затем, чтобы замести следы организаторов убийства Кирова. (*Движение в зале.*)

Массовые репрессии резко усилились с конца 1936 года после телеграммы Сталина и Жданова [13] из Сочи от 25 сентября 1936 года, адресованной Кагановичу [14], Молотову [15] и другим членам Политбюро, в которой говорилось следующее:

«Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение т. Ежова [16] на пост наркомвнудела. Ягода [17] явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. **ОГПУ опоздал в этом деле на 4 года.** Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей НКВД». Следует, кстати, заметить, что с партработниками Сталин не встречался и поэтому мнение их знать не мог.

Эта сталинская установка о том, что «НКВД опоздал на 4 года» с применением массовых репрессий, что надо быстро «наверстать» упущенное, прямо толкала работников НКВД на массовые аресты и расстрелы.

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

Приходится отметить, что эта установка была навязана и февральско-мартовскому Пленуму ЦК ВКП(б) 1937 года. В резолюции Пленума по докладу Ежова «Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов» говорилось:

«Пленум ЦК ВКП(б) считает, что все факты, выявленные в ходе следствия по делам антисоветского троцкистского центра и его сторонников на местах, показывают, что с разоблачением этих злейших врагов народа Наркомвнудел запоздал, по крайней мере, на 4 года».

Массовые репрессии проводились в то время под флагом борьбы с троцкистами. Представляли ли в действительности в это время троцкисты такую опасность для нашей партии и Советского государства? Следует напомнить, что в 1927 году, накануне XV съезда партии, за троцкистско-зиновьевскую оппозицию голосовало всего лишь 4 тыс. человек, тогда как за линию партии голосовало 724 тысячи. За 10 лет, которые прошли с XV съезда партии до февральско-мартовского Пленума ЦК, троцкизм был полностью разгромлен, многие бывшие троцкисты отказались от своих прежних взглядов и работали на различных участках социалистического строительства. Ясно, что основной для массового террора в стране в условиях победы социализма не было.

В докладе Сталина на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 года «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» была сделана попытка теоретически обосновать политику массовых репрессий под тем предлогом, что по мере нашего продвижения вперед к социализму классовая борьба должна якобы все более и более обостряться. При этом Сталин утверждал, что так учит история, так учит Ленин.

На самом же деле Ленин указывал, что применение революционного насилия вызывается необходимостью подавить сопротивление эксплуататорских классов, и эти указания Ленина относились к тому периоду, когда существовали и были сильны эксплуататорские классы. Как только политическая обстановка в стране улучшилась, как только в январе 1920 года был взят Ростов Красной Армией и была одержана главная победа над Деникиным, Ленин дал указание Дзержинскому об отмене массового террора и об отмене смертной казни. Ленин следующим образом обосновал это важное политическое мероприятие советской власти в своем докладе на сессии ВЦИК 2 февраля 1920 года:

«Террор был нам навязан терроризмом Антанты, когда всемирно-могущественные державы обрушились на нас своими полчищами, не останавливаясь ни перед чем. Мы не могли бы продержаться и двух дней, если бы на эти попытки офицеров и белогвардейцев не ответили беспощадным образом, и это означало террор, но это было навязано нам террористическими приемами Антанты. И как только мы одержали решительную победу, еще до окончания войны, тотчас же после взятия Ростова, мы отказались от применения смер-

ной казни и этим показали, что к своей собственной программе мы относимся так, как обещали. Мы говорим, что применение насилия вызывается задачей подавить эксплуататоров, подавить помещиков и капиталистов; когда это будет разрешено, мы от всяких исключительных мер отказываемся. Мы доказали это на деле» (Соч., т. 30, стр. 303–304).

Сталин отступил от этих прямых и ясных программных указаний Ленина. После того, как были уже ликвидированы все эксплуататорские классы в нашей стране и не было никаких сколько-нибудь серьезных оснований для массового применения исключительных мер, для массового террора, Сталин ориентировал партию, ориентировал органы НКВД на массовый террор.

Этот террор оказался фактически направленным не против остатков разбитых эксплуататорских классов, а против честных кадров партии и Советского государства, которым предъявлялись ложные, клеветнические, бессмысленные обвинения в «двурушничестве», «шпионаже», «вредительстве», подготовке каких-либо выдуманных «покушений» и т. п.

На февральско-мартовском Пленуме ЦК (1937 г.) в выступлениях ряда членов ЦК по существу высказывались сомнения в правильности намечавшегося курса на массовые репрессии под предлогом борьбы с «двурушниками».

Наиболее ярко эти сомнения были выражены в выступлении тов. Постышева [18]. Он говорил:

«Я рассуждал: прошли такие крутые годы борьбы, гнилые члены партии ломались или уходили к врагам, здоровые дрались за дело партии. Это — годы индустриализации, коллективизации. Я никак не предполагал, что, пройдя этот крутой период, Карпов [19] и ему подобные попадут в лагерь врага. (Карпов — это работник ЦК партии Украины, которого хорошо знал Постышев.) А вот по показаниям якобы Карпов с 1934 года был завербован троцкистами. Я лично думаю, что в 1934 году здоровому члену партии, который прошел длительный путь ожесточенной борьбы с врагами за дело партии, за социализм, попасть в стан врагов невероятно. Я этому не верю... Я себе не представляю, как можно пройти тяжелые годы с партией и потом в 1934 году пойти к троцкистам. Странно это...» (*Движение в зале.*)

Используя установку Сталина о том, что чем ближе к социализму, тем больше будет и врагов, используя резолюцию февральско-мартовского Пленума ЦК по докладу Ежова, провокаторы, пробравшиеся в органы государственной безопасности, а также бессовестные карьеристы стали прикрывать именем партии массовый террор против кадров партии и Советского государства, против рядовых советских граждан. Достаточно сказать, что количество арестованных по обвинению в контрреволюционных преступлениях увеличилось в 1937 году по сравнению с 1936 годом более чем в **десять раз!**

Известно, какой грубый произвол допускался также в отношении руководящих работников партии. Устав партии, принятый XVII съездом, исходил из ле-

---

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

нинских указаний периода X съезда партии и говорил, что условием применения к членам ЦК, кандидатам в члены ЦК и членам Комиссии партийного контроля такой крайней меры, как исключение из партии, «должен быть созыв Пленума ЦК с приглашением всех кандидатов в члены ЦК и всех членов Комиссии партийного контроля», что только при условии, если такое общее собрание ответственных руководителей партии двумя третями голосов признает это необходимым, могло состояться исключение из партии члена или кандидата ЦК.

Большинство членов и кандидатов ЦК, избранных XVII съездом и подвергшихся арестам в 1937–1938 годах, были исключены из партии незаконно, с грубым нарушением Устава партии, поскольку вопрос об их исключении не ставился на обсуждение Пленума ЦК.

Теперь, когда расследованы дела в отношении некоторых из этих мнимых «шпионов» и «вредителей», установлено, что эти дела являются фальсифицированными. Признания многих арестованных людей, обвиненных во вражеской деятельности, были получены путем жестоких, бесчеловечных истязаний.

В то же время Сталин, как сообщают члены Политбюро того времени, не рассылал им заявлений ряда оклеветанных политических деятелей, когда те отказывались от своих показаний на суде Военной коллегии и просили объективно расследовать их дело. А таких заявлений было немало, и Сталин, несомненно, был ознакомлен с ними.

Центральный Комитет считает необходимым доложить съезду о ряде фальсифицированных «дел» против членов Центрального Комитета партии, избранных на XVII партийном съезде.

Примером гнусной провокации, злостной фальсификации и преступных нарушений революционной законности является дело бывшего кандидата в члены Политбюро ЦК, одного из видных деятелей партии и Советского государства т. Эйхе [20], члена партии с 1905 года. (*Движение в зале.*)

Тов. Эйхе был арестован 29 апреля 1938 года по клеветническим материалам без санкции прокурора СССР, которая была получена лишь через 15 месяцев после ареста.

Следствие по делу Эйхе проводилось в обстановке грубейших извращений советской законности, произвола и фальсификации.

Эйхе под пытками понуждали подписывать заранее составленные следователями протоколы допросов, в которых возводились обвинения в антисоветской деятельности против него самого и ряда видных партийных и советских работников.

1 октября 1939 года Эйхе обратился с заявлением на имя Сталина, в котором категорически отрицал свою виновность и просил разобраться с его делом. В заявлении он писал:

«Нет более горькой муки, как сидеть в тюрьме при строе, за который всегда боролся».

Сохранилось второе заявление Эйхе, посланное им Сталину 27 октября 1939 года, в котором он убедительно, опираясь на факты, опровергает предъявленные ему клеветнические обвинения, показывает, что эти провокационные обвинения являются, с одной стороны, делом действительных троцкистов, санкцию на арест которых он, как первый секретарь Западно-Сибирского крайкома партии, давал, и которые сговорились отомстить ему, а с другой стороны, результатом грязной фальсификации вымышленных материалов следователями.

Эйхе писал в своем заявлении:

«25 октября с. г. мне объявили об окончании следствия по моему делу и дали возможность ознакомиться со следственным материалом. Если бы я был виноват, хотя бы в сотой доле хотя одного из предъявленных мне преступлений, я не посмел бы к Вам обратиться с этим предсмертным заявлением, но я не совершил ни одного из инкриминируемых мне преступлений и никогда у меня не было ни тени подлости на душе. Я Вам никогда в жизни не говорил ни полслова неправды и теперь, находясь обеими ногами в могиле, я Вам тоже не вру. Все мое дело — это образец провокации, клеветы и нарушения элементарных основ революционной законности...

...Имеющиеся в следственном моем деле обличающие меня показания не только нелепы, но содержат по ряду моментов клевету на ЦК ВКП(б) и СНК, так как принятые не по моей инициативе и без моего участия правильные решения ЦКВКП(б) и СНК изображаются вредительскими актами контрреволюционной организации, проведенными по моему предложению...

Теперь я перехожу к самой позорной странице своей жизни и к моей действительно тяжкой вине перед партией и перед Вами. Это о моих признаниях в контрреволюционной деятельности... Дело обстояло так: не выдержав истязаний, которые применили ко мне Ушаков и Николаев [21], особенно первый, который ловко пользовался тем, что у меня после перелома еще плохо заросли позвоночники и причинял мне невыносимую боль, заставили меня оклеветать себя и других людей.

Большинство моих показаний подсказаны или продиктованы Ушаковым и остальные я по памяти переписывал материалы НКВД по Западной Сибири, приписывая все эти приведенные в материалах НКВД факты себе. Если в твоя Ушаковым и мною подписанной легенде что-нибудь не клеилось, то меня заставляли подписывать другой вариант. Так было с Рухимовичем [22], которого сперва записали в запасной центр, а потом, даже не говоря мне ничего, вычеркнули, так же было с председателем запасного центра, созданного якобы Бухариным в 1935 году. Сперва я записал себя, но потом мне предложили записать Межлаука [23], и многие другие моменты...

...Я Вас прошу и умоляю поручить доследовать мое дело, и это не ради того, чтобы меня щадили, а ради того, чтобы разоблачить гнусную провокацию,

---

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

которая, как змея, опутала многих людей, в частности и из-за моего малодушия и преступной клеветы. Вам и партии я никогда не изменял. Я знаю, что погибаю из-за гнусной, подлой работы врагов партии и народа, которые создали провокацию против меня». (Дело Эйхе, т. 1, пакет.)

Казалось бы, такое важное заявление должно было быть обязательно обсуждено в ЦК. Но этого не произошло, заявление было направлено Берия, и жестокая расправа над оклеветанным кандидатом в члены Политбюро тов. Эйхе продолжалась.

2 февраля 1940 года Эйхе был предан суду. В суде Эйхе виновным себя не признал и заявил следующее:

«Во всех якобы моих показаниях нет ни одной названной мною буквы, за исключением подписей внизу протоколов, которые подписаны вынужденно. Показания даны под давлением следователя, который с самого начала моего ареста начал меня избивать. После этого я и начал писать всякую чушь... Главное для меня — это сказать суду, партии и Сталину о том, что я невиновен. Никогда участником заговора не был. Я умру так же с верой в правильность политики партии, как верил в нее на протяжении всей своей работы». (Дело Эйхе, т. 1.)

4 февраля Эйхе был расстрелян. (*Шум возмущения в зале.*) В настоящее время бесспорно установлено, что дело Эйхе было сфальсифицировано, и он посмертно реабилитирован.

Полностью отказался на суде от своих вынужденных показаний кандидат в члены Политбюро тов. Рудзутак [24], член партии с 1905 года, пробывший 10 лет на царской каторге. В протоколе судебного заседания Военной коллегии Верховного суда записано следующее заявление Рудзутака:

«...Его единственная просьба к суду — это довести до сведения ЦК ВКП(б) о том, что в органах НКВД имеется еще не выкорчеванный гнойник, который искусственно создает дела, принуждая ни в чем не повинных людей признавать себя виновными. Что проверка обстоятельств обвинения отсутствует и не дается никакой возможности доказать свою непричастность к тем преступлениям, которые выдвинуты теми или иными показаниями разных лиц. Методы следствия таковы, что заставляют выдумывать и оговаривать ни в чем не повинных людей, не говоря уже о самом подследственном. Просит суд дать ему возможность все это написать для ЦК ВКП(б). Заверяет суд, что лично у него никогда не было никакой плохой мысли против политики нашей партии, так как он всегда полностью разделял всю ту политику партии, которая проводилась во всех областях хозяйственного и культурного строительства».

Это заявление Рудзутака было оставлено без внимания, хотя Рудзутак, как известно, являлся в свое время председателем Центральной Контрольной Комиссии, которая была создана по мысли Ленина для борьбы за единство партии. Председатель же этого высокоавторитетного партийного органа стал

жертвой грубого произвола: его даже не вызвали в Политбюро ЦК, Сталин не пожелал с ним разговаривать. Он был осужден в течение 20 минут и расстрелян. (*Шум возмущения в зале.*)

Тщательной проверкой, произведенной в 1955 году, установлено, что дело по обвинению Рудзутака было сфальсифицировано и он был осужден на основании клеветнических материалов. Рудзук посмертно реабилитирован.

Каким образом искусственно — провокационными методами — создавались бывшими работниками НКВД различные «антисоветские центры» и «блоки», видно из показаний т. Розенблюма, члена партии с 1906 года, подвергнувшегося аресту Ленинградским управлением НКВД в 1937 году.

При проверке в 1955 году дела Комарова [25] Розенблюм сообщил следующий факт: когда он, Розенблюм, был арестован в 1937 году, то был подвергнут жестоким истязаниям, в процессе которых у него вымогали ложные показания как на него самого, так и на других лиц. Затем его привели в кабинет Заковского [26], который предложил ему освобождение при условии, если он даст в суде ложные показания по фабриковавшемуся в 1937 году НКВД «делу о Ленинградском вредительском, шпионском, диверсионном, террористическом центре». (*Движение в зале.*) С невероятным цинизмом раскрывал Заковский подлую «механику» искусственного создания липовых «антисоветских заговоров».

«Для наглядности, — заявил Розенблюм, — Заковский развернул передо мной несколько вариантов предполагаемых схем этого центра и его ответвлений...

Ознакомив меня с этими схемами, Заковский сказал, что НКВД готовит дело об этом центре, причем процесс будет открытый.

Будет предана суду головка центра, 4–5 человек: Чудов [27], Угаров [28], Смородин [29], Позерн [30], Шапошникова [31] (это жена Чудова) и др. и от каждого филиала по 2–3 чел. ...

...Дело о Ленинградском центре должно быть поставлено солидно. А здесь решающее значение имеют свидетели. Тут играет немаловажную роль и общественное положение (в прошлом, конечно), и партийный стаж свидетеля.

Самому тебе, — говорил Заковский, — ничего не придется выдумывать. НКВД составит для тебя готовый конспект по каждому филиалу в отдельности, твое дело его заучить, хорошо запомнить все вопросы и ответы, которые могут задавать на суде. Дело это будет готовиться 4–5 месяцев, а то и полгода. Все это время будешь готовиться, чтобы не подвести следствие и себя. От хода и исхода суда будет зависеть дальнейшая твоя участь. Сдрейфишь и начнешь фальшивить — пеняй на себя. Выдержишь — сохранишь кочан (голову), кормить и одевать будем до смерти на казенный счет». (Материал проверки дела Комарова, л. д. 60–69.)

Вот какие подлые дела творились в то время! (*Движение в зале.*)

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

Еще более широко практиковалась фальсификация следственных дел в областях. Управление НКВД по Свердловской области «вскрыло» так называемый «Уральский повстанческий штаб — орган блока правых, троцкистов, эсеров, церковников», — руководимый якобы секретарем Свердловского обкома партии и членом ЦК ВКП(б) Кабаковым [32], членом партии с 1914 года. По материалам следственных дел того времени получается, что почти во всех краях, областях и республиках существовали якобы широко разветвленные «право-троцкистские шпионско-террористические, диверсионно-вредительские организации и центры» и, как правило, эти «организации» и «центры» почему-то возглавлялись первыми секретарями обкомов, крайкомов или ЦК нацкомпартий. *(Движение в зале.)*

В результате этой чудовищной фальсификации подобных «дел», в результате того, что верили различным клеветническим «показаниям» и вынужденным оговорам себя и других, погибли многие тысячи честных, ни в чем не повинных коммунистов. Таким же образом были сфабрикованы «дела» на видных партийных и государственных деятелей — Косиора [33], Чубаря [34], Постышева, Косарева [35] и других.

В те годы необоснованные репрессии проводились в массовых масштабах, в результате чего партия понесла большие потери в кадрах.

Сложилась порочная практика, когда в НКВД составлялись списки лиц, дела которых подлежали рассмотрению на Военной Коллегии, и им заранее определялась мера наказания. Эти списки направлялись Ежовым лично Сталину для санкционирования предлагаемых мер наказания. В 1937–1938 годах Сталину было направлено 383 таких списка на многие тысячи партийных, советских, комсомольских, военных и хозяйственных работников и была получена его санкция.

Значительная часть этих дел сейчас пересматривается и большое количество их прекращается как необоснованные и фальсифицированные. Достаточно сказать, что с 1954 года по настоящее время Военной Коллегией Верховного суда уже реабилитировано 7679 человек, причем многие из них реабилитированы посмертно.

Массовые аресты партийных, советских, хозяйственных, военных работников нанесли огромный ущерб нашей стране, делу социалистического строительства.

Массовые репрессии отрицательно влияли на морально-политическое состояние партии, порождали неуверенность, способствовали распространению болезненной подозрительности, сеяли взаимное недоверие среди коммунистов. Активизировались всевозможные клеветники и карьеристы.

Известное оздоровление в партийные организации внесли решения январского Пленума ЦК ВКП(б) 1938 года [36]. Но широкие репрессии продолжались и в 1938 году.

И только потому, что наша партия обладает великой морально-политической силой, она сумела справиться с тяжелыми событиями 1937–1938 годов, пережить эти события, вырастить новые кадры. Но нет сомнения, что наше продвижение вперед к социализму и подготовка к обороне страны осуществлялись бы более успешно, если бы не огромные потери в кадрах, которые мы понесли в результате массовых, необоснованных и несправедливых репрессий в 1937–1938 годах.

Мы обвиняем Ежова в извращениях 1937 года и правильно обвиняем. Но надо ответить на такие вопросы: разве мог Ежов сам, без ведома Сталина, арестовать, например, Косиора? Был ли обмен мнениями или решение Политбюро по этому вопросу? Нет, не было, как не было этого и в отношении других подобных дел. Разве мог Ежов решать такие важные вопросы, как вопрос о судьбе видных деятелей партии? Нет, было бы наивным считать это делом рук только Ежова. Ясно, что такие дела решал Сталин, без его указаний, без его санкции Ежов ничего не мог делать.

Мы сейчас разобрались и реабилитировали Косиора, Рудзутака, Постышева, Косарева и других. На каком же основании они были арестованы и осуждены? Изучение материалов показало, что никаких оснований к этому не было. Арестовывали их, как и многих других, без санкций прокурора. Да в тех условиях никакой санкции и не требовалось; какая еще может быть санкция, когда все разрешал Сталин. Он был главным прокурором в этих вопросах. Сталин давал не только разрешения, но и указания об арестах по своей инициативе. Об этом следует сказать, чтобы была полная ясность для делегатов съезда, чтобы вы могли дать правильную оценку и сделать соответствующие выводы.

Факты показывают, что многие злоупотребления были сделаны по указанию Сталина, не считаясь с какими-либо нормами партийной и советской законности. Сталин был человек очень мнительный, с болезненной подозрительностью, в чем мы убедились, работая вместе с ним. Он мог посмотреть на человека и сказать: «что-то у вас сегодня глаза бегают», или: «почему вы сегодня часто отворачиваетесь, не смотрите прямо в глаза». Болезненная подозрительность привела его к огульному недоверию, в том числе и по отношению к выдающимся деятелям партии, которых он знал много лет. Везде и всюду он видел «врагов», «двурушников», «шпионов».

Имея неограниченную власть, он допускал жестокий произвол, подавлял человека морально и физически. Создалась такая обстановка, при которой человек не мог проявить свою волю.

Когда Сталин говорил, что такого-то надо арестовать, то следовало принимать на веру, что это «враг народа». А банда Берия, хозяйничавшая в органах госбезопасности, из кожи лезла вон, чтобы доказать виновность арестованных лиц, правильность сфабрикованных ими материалов. А какие доказательства

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

пускались в ход? Признания арестованных. И следователи добывали эти «признания». Но как можно получить от человека признание в преступлениях, которых он никогда не совершал? Только одним способом — применением физических методов воздействия, путем истязаний, лишения сознания, лишения рассудка, лишения человеческого достоинства. Так добывались мнимые «признания».

Когда волна массовых репрессий в 1939 году начала ослабевать, когда руководители местных партийных организаций начали ставить в вину работникам НКВД применение физического воздействия к арестованным, — Сталин направил 10 января 1939 года зашифрованную телеграмму секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркомам внутренних дел, начальникам Управлений НКВД. В этой телеграмме говорилось:

«ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б)... Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата и притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманна в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод».

Таким образом, самые грубые нарушения социалистической законности, пытки и истязания, приводившие, как это было показано выше, к оговорам и самооговорам невинных людей, были санкционированы Сталиным от имени ЦК ВКП(б).

Недавно, всего за несколько дней до настоящего съезда, мы вызвали на заседание Президиума ЦК и допросили следователя Родоса [37], который в свое время вел следствие и допрашивал Косиора, Чубаря и Косарева. Это — ничемный человек, с куриным кругозором, в моральном отношении буквально выродок. И вот такой человек определял судьбу известных деятелей партии, определял и политику в этих вопросах, потому что, доказывая их «преступность», он тем самым давал материал для крупных политических выводов.

Спрашивается, разве мог такой человек сам, своим разумом вести следствие так, чтобы доказать виновность таких людей, как Косиор и другие. Нет, он не мог много сделать без соответствующих указаний. На заседании Президиума ЦК он нам так заявил: «Мне сказали, что Косиор и Чубарь являются врагами народа, поэтому я, как следователь, должен был вытащить из них признание, что они враги». (*Шум возмущения в зале.*)

Этого он мог добиться только путем длительных истязаний, что он и делал, получая подробный инструктаж от Берия. Следует сказать, что на заседании

Президиума ЦК Родос цинично заявил: «Я считал, что выполняю поручение партии». Вот как выполнялось на практике указание Сталина о применении к заключенным методов физического воздействия.

Эти и многие подобные факты свидетельствуют о том, что всякие нормы правильного партийного решения вопросов были ликвидированы, все было подчинено произволу одного лица.

* * *

Единовластие Сталина привело к особо тяжким последствиям в ходе Великой Отечественной войны.

Если взять многие наши романы, кинофильмы и исторические «исследования», то в них совершенно неправдоподобно изображается вопрос о роли Сталина в Отечественной войне. Обычно рисуется такая схема. Сталин все и вся предвидел. Советская Армия чуть ли не по заранее начертанным Сталиным стратегическим планам проводила тактику так называемой «активной обороны», то есть ту тактику, которая, как известно, допустила немцев до Москвы и Сталинграда. Применив такую тактику, Советская Армия только-де благодаря гению Сталина перешла в наступление и разгромила врага. Всемирно-историческая победа, одержанная Вооруженными Силами Советской страны, нашим героическим народом, приписывается в такого рода романах, кинофильмах и «исследованиях» всецело полководческому гению Сталина.

Надо внимательно разобраться в этом вопросе, так как это имеет огромное, не только историческое, но прежде всего политическое, воспитательное, практическое значение.

Каковы факты в этом вопросе?

До войны в нашей печати и во всей воспитательной работе преобладал хвастливый тон: если враг нападет на священную советскую землю, то мы ответим на удар врага тройным ударом, войну будем вести на территории противника и выиграем ее малой кровью. Однако эти декларативные заявления далеко не во всем подкреплялись практическими делами, чтобы обеспечить действительную неприступность наших границ.

В ходе войны и после нее Сталин выдвинул такой тезис, что трагедия, которую пережил наш народ в начальный период войны, является якобы результатом «внезапности» нападения немцев на Советский Союз. Но ведь это, товарищи, совершенно не соответствует действительности. Как только Гитлер пришел к власти в Германии, он сразу же поставил перед собой задачу разгромить коммунизм. Об этом фашисты говорили прямо, не скрывая своих планов. Для осуществления этих агрессивных планов заключались всевозможные пакты, блоки, оси, вроде пресловутой оси Берлин — Рим — Токио [38]. Многочисленные факты предвоенного периода красноречиво доказывали, что Гитлер направляет все свои усилия для того, чтобы развязать войну против Совет-

---

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

ского государства, и сконцентрировал большие войсковые соединения, в том числе танковые, поблизости от советских границ.

Из опубликованных теперь документов видно, что еще 3 апреля 1941 года Черчилль через английского посла в СССР Криппса сделал личное предупреждение Сталину о том, что германские войска начали совершать передислокацию, подготавливая нападение на Советский Союз. Само собой разумеется, что Черчилль делал это отнюдь не из-за добрых чувств к советскому народу. Он преследовал здесь свои империалистические интересы — сравить Германию и СССР в кровопролитной войне и укрепить позиции Британской империи. Тем не менее Черчилль указывал в своем послании, что он просит «предостеречь Сталина с тем, чтобы обратить его внимание на угрожающую ему опасность». Черчилль настойчиво подчеркивал это и в телеграммах от 18 апреля и в последующие дни. Однако эти предостережения Сталиным не принимались во внимание. Больше того, от Сталина шли указания не доверять информации подобного рода с тем, чтобы-де не спровоцировать начало военных действий.

Следует сказать, что такого рода информация о нависающей угрозе вторжения немецких войск на территорию Советского Союза шла и от наших армейских и дипломатических источников, но в силу сложившегося предвзятого отношения к такого рода информации в руководстве она каждый раз направлялась с опаской и обставлялась оговорками.

Так, например, в донесении из Берлина от 6 мая 1941 года военно-морской атташе в Берлине капитан 1-го ранга Воронцов доносил: «Советский подданный Бозер... сообщил помощнику нашего морского атташе, что, со слов одного германского офицера из ставки Гитлера, немцы готовят к 14 мая вторжение в СССР через Финляндию, Прибалтику и Латвию. Одновременно намечены мощные налеты авиации на Москву и Ленинград и высадка парашютных десантов в приграничных центрах...»

В своем донесении от 22 мая 1941 года помощник военного атташе в Берлине Хлопов докладывал, что «...наступление немецких войск назначено якобы на 15.VI, а возможно, начнется и в первых числах июня...».

В телеграмме нашего посольства из Лондона от 18 июня 1941 года докладывалось: «Что касается текущего момента, то Криппс твердо убежден в неизбежности военного столкновения Германии и СССР, — и притом не позже середины июня. По словам Криппса, на сегодня немцы сконцентрировали на советских границах (включая воздушные силы и вспомогательные силы частей) 147 дивизий...».

Несмотря на все эти чрезвычайно важные сигналы, не были приняты достаточные меры, чтобы хорошо подготовить страну к обороне и исключить момент внезапности нападения.

Были ли у нас время и возможности для такой подготовки? Да, и время, и возможности были. Наша промышленность находилась на таком уровне раз-

вития, что она была в состоянии полностью обеспечить Советскую Армию всем необходимым. Это подтверждается хотя бы тем, что, когда в ходе войны была потеряна почти половина всей нашей промышленности, в результате занятия врагом Украины, Северного Кавказа, западных районов страны, важных промышленных и хлебных районов, советский народ сумел организовать производство военных материалов в восточных районах страны, пустить там в ход вывезенное из западных промышленных районов оборудование и обеспечить наши Вооруженные Силы всем необходимым для разгрома врага.

Если бы наша промышленность была вовремя и по-настоящему мобилизована для обеспечения армии вооружением и необходимым снаряжением, то мы понесли бы неизмеримо меньше жертв в этой тяжелой войне. Однако такой мобилизации своевременно проведено не было. И с первых же дней войны обнаружилось, что наша армия вооружена плохо, что мы не имели достаточного количества артиллерии, танков и самолетов для отпора врагу.

Советская наука и техника дали перед войной великолепные образцы танков и артиллерии. Но массовое производство всего этого не было налажено, и мы начали перевооружение армии по существу в самый канун войны. В результате этого в момент нападения врага на советскую землю у нас не оказалось в нужных количествах ни старой техники, которую мы снимали с вооружения, ни новой техники, которую собирались вводить. Очень плохо было с зенитной артиллерией, не налажено было производство бронебойных снарядов для борьбы с танками. Многие укрепленные районы оказались к моменту нападения беспомощными, так как старое вооружение с них было снято, а новое еще не введено.

Да дело, к сожалению, не только в танках, артиллерии и самолетах. К моменту войны мы не имели даже достаточного количества винтовок для вооружения людей, призываемых в действующую армию. Помню, как в те дни я позвонил из Киева тов. Маленкову [39] и сказал ему:

— Народ пришел в армию и требует оружие. Пришлите нам оружие.

На это мне Маленков ответил:

— Оружие прислать не можем. Все винтовки передаем в Ленинград, а вы вооружайтесь сами. (*Движение в зале.*)

Так обстояло дело с вооружением.

Нельзя не вспомнить в этой связи и такой, например, факт. Незадолго до нападения гитлеровских армий на Советский Союз Кирпонос, будучи командующим Киевского Особого военного округа (он впоследствии погиб на фронте), написал Сталину, что немецкие армии подошли к Бугу, усиленно готовят все к наступлению и в ближайшее время, видимо, перейдут в наступление. Учитывая все это, Кирпонос предлагал создать надежную оборону, вывести тысяч 300 населения из пограничных районов и создать там несколько мощных укрепленных полос: вырыть противотанковые рвы, создать укрытия для бойцов и так далее.

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

На эти предложения из Москвы был дан такой ответ, что это провокация, что никаких подготовительных работ на границе делать не следует, что не нужно давать немцам повода открыть против нас военные действия. И наши границы не были по-настоящему подготовлены для отпора врагу.

Когда фашистские войска уже вторглись на советскую землю и начали военные действия, из Москвы последовал приказ — на выстрелы не отвечать. Почему? Да потому, что Сталин вопреки очевидным фактам считал, что это еще не война, а провокация отдельных недисциплинированных частей немецкой армии и что если мы ответим немцам, то это послужит поводом для начала войны.

Известен и такой факт. Накануне самого вторжения гитлеровских армий на территорию Советского Союза нашу границу перебежал немец и сообщил, что немецкие войска получили приказ — 22 июня, в 3 часа ночи, начать наступление против Советского Союза. Об этом немедленно было сообщено Сталину, но и этот сигнал остался без внимания.

Как видите, игнорировалось все: и предупреждения отдельных военачальников, и показания перебежчиков, и даже явные действия врага. Какая же это прозорливость руководителя партии и страны в такой ответственный момент истории?

А к чему привела такая беспечность, такое игнорирование очевидных фактов? Это привело к тому, что в первые же часы и дни противник истребил в наших пограничных районах огромное количество авиации, артиллерии, другой военной техники, уничтожил большое количество наших военных кадров, дезорганизовал управление войсками, и мы оказались не в состоянии преградить ему путь вглубь страны.

Весьма тяжкие последствия, особенно для начального периода войны, имело также то обстоятельство, что на протяжении 1937–1941 годов, в результате подозрительности Сталина, по клеветническим обвинениям, истреблены были многочисленные кадры армейских командиров и политработников. На протяжении этих лет репрессировано было несколько слоев командных кадров, начиная буквально от роты и батальона и до высших армейских центров, в том числе почти полностью были уничтожены те командные кадры, которые получили какой-то опыт ведения войны в Испании и на Дальнем Востоке.

Политика широких репрессий против армейских кадров имела еще и те тяжкие последствия, что она подрывала основу воинской дисциплины, так как на протяжении нескольких лет командиров всех степеней и даже солдат в партийных и комсомольских ячейках приучали к тому, чтобы «разоблачать» своих старших командиров, как замаскировавшихся врагов. (*Движение в зале.*) Естественно, что это отрицательно сказалось в первый период войны на состоянии воинской дисциплины.

А ведь до войны у нас были превосходные военные кадры, беспредельно преданные партии и Родине. Достаточно сказать, что те из них, кто сохранился, я имею в виду таких товарищей, как Рокоссовский [40] (а он сидел), Горбатов [41], Мерецков [42] (он присутствует на съезде), Подлас [43] (а это замечательный командир, он погиб на фронте) и многие, многие другие, несмотря на тяжелые муки, которые они перенесли в тюрьмах, с первых же дней войны показали себя настоящими патриотами и беззаветно дрались во славу Родины. Но ведь многие из таких командиров погибли в лагерях и тюрьмах, и армия их не увидела.

Все это вместе взятое и привело к тому положению, которое создалось в начале войны для нашей страны и которое угрожало величайшей опасностью для судеб нашей Родины.

Было бы неправильным не сказать о том, что после первых тяжелых неудач и поражений на фронтах Сталин считал, что наступил конец. В одной из бесед в эти дни он заявил:

— То, что создал Ленин, все это мы безвозвратно растеряли.

После этого он долгое время фактически не руководил военными операциями и вообще не приступал к делам и вернулся к руководству только тогда, когда к нему пришли некоторые члены Политбюро и сказали, что нужно безотлагательно принимать такие-то меры для того, чтобы поправить положение дел на фронте.

Таким образом, грозная опасность, которая нависла над нашей Родиной в первый период войны, явилась во многом результатом порочных методов руководства страной и партией со стороны самого Сталина.

Но дело не только в самом моменте начала войны, который серьезно дезорганизовал нашу армию и причинил нам тяжкий урон. Уже после начала войны та нервозность и истеричность, которую проявлял Сталин при своем вмешательстве в ход военных операций, наносили нашей армии серьезный ущерб.

Сталин был очень далек от понимания той реальной обстановки, которая складывалась на фронтах. И это естественно, так как за всю Отечественную войну он не был ни на одном участке фронта, ни в одном из освобожденных городов, если не считать молниеносного выезда на Можайское шоссе при стабильном состоянии фронта, о чем написано столько литературных произведений со всякого рода вымыслами и столько красочных полотен. Вместе с тем Сталин непосредственно вмешивался в ход операций и отдавал приказы, которые нередко не учитывали реальной обстановки на данном участке фронта и которые не могли не вести к колоссальным потерям человеческих жизней.

Я позволю себе привести в этой связи один характерный факт, показывающий, как Сталин руководил фронтами. Здесь на съезде присутствует маршал Баграмян [44], который в свое время был начальником оперативного отдела

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

штаба Юго-Западного фронта и который может подтвердить то, что я расскажу вам сейчас.

Когда в 1942 году в районе Харькова для наших войск сложились исключительно тяжелые условия, нами было принято правильное решение о прекращении операции по окружению Харькова, так как в реальной обстановке того времени дальнейшее выполнение операции такого рода грозило для наших войск роковыми последствиями.

Мы доложили об этом Сталину, заявив, что обстановка требует изменить план действий, чтобы не дать врагу уничтожить крупные группировки наших войск.

Вопреки здравому смыслу Сталин отклонил наше предложение и приказал продолжать выполнять операцию по окружению Харькова, хотя к этому времени над нашими многочисленными военными группировками уже нависла вполне реальная угроза окружения и уничтожения.

Я звоню Василевскому [45] и умоляю его:

— Возьмите, — говорю, — карту, Александр Михайлович (т. Василевский здесь присутствует), покажите товарищу Сталину, какая сложилась обстановка. А надо сказать, что Сталин операции планировал по глобусу. (*Оживление в зале.*) Да, товарищи, возьмет глобус и показывает на нем линию фронта. Так вот я и говорю т. Василевскому, покажите на карте обстановку, ведь нельзя при этих условиях продолжать намеченную ранее операцию. Для пользы дела надо изменить старое решение.

Василевский мне на это ответил, что Сталин рассмотрел уже этот вопрос и что он, Василевский, больше не пойдет Сталину докладывать, так как тот не хочет слушать никаких его доводов по этой операции.

После разговора с Василевским я позвонил Сталину на дачу. Но Сталин не подошел к телефону, а взял трубку Маленков. Я говорю тов. Маленкову, что звоню с фронта и хочу лично переговорить с тов. Сталиным. Сталин передает через Маленкова, чтобы я говорил с Маленковым. Я вторично заявляю, что хочу лично доложить Сталину о тяжелом положении, создавшемся у нас на фронте. Но Сталин не счел нужным взять трубку, а еще раз подтвердил, чтобы я говорил с ним через Маленкова, хотя до телефона пройти несколько шагов.

«Выслушав» таким образом нашу просьбу, Сталин сказал:

— Оставить все по-прежнему!

Что же из этого получилось? А получилось самое худшее из того, что мы предполагали. Немцам удалось окружить наши воинские группировки, в результате чего мы потеряли сотни тысяч наших войск. Вот вам военный «гений» Сталина, вот чего он нам стоил. (*Движение в зале.*)

Однажды после войны при встрече Сталина с членами Политбюро Анастас Иванович Микоян [46] как-то сказал, что вот, мол, Хрущев тогда был прав,

когда звонил по поводу Харьковской операции, что напрасно его тогда не поддерживали.

Надо было видеть, как рассердился Сталин! Как это так признать, что он, Сталин, был тогда не прав! Ведь он «гений», а гений не может быть неправым. Все, кто угодно, могут ошибаться, а Сталин считал, что он никогда не ошибается, что он всегда прав. И он никому и никогда не признавался ни в одной большой или малой своей ошибке, хотя он совершал немало ошибок и в теоретических вопросах, и в своей практической деятельности. После съезда партии нам, видимо, необходимо будет пересмотреть оценку многих военных операций и дать им правильное объяснение.

Большой крови стоила нам и та тактика, на которой настаивал Сталин, не зная природы ведения боевых операций, после того, как удалось остановить противника и перейти в наступление.

Военные знают, что уже с конца 1941 года вместо ведения крупных маневренных операций с обходами противника с флангов, с заходами в его тылы Сталин требовал непрерывных лобовых атак с тем, чтобы брать село за селом. И мы несли на этом огромные потери до тех пор, пока нашему генералитету, который выносил на своих плечах всю тяжесть ведения войны, не удалось изменить положение дел и перейти к ведению гибких маневренных операций, что сразу дало серьезное изменение положения на фронтах в нашу пользу.

Тем более позорным и недостойным явился факт, когда после нашей великой победы над врагом, давшей нам очень тяжелой ценой, Сталин начал громить многих из тех полководцев, которые внесли свой немалый вклад в дело победы над врагом, так как Сталин исключал всякую возможность, чтобы заслуги, одержанные на фронтах, были приписаны кому бы то ни было, кроме его самого.

Сталин проявлял большой интерес к оценке тов. Жукова [47], как военного полководца. Он не раз спрашивал мое мнение о Жукове, и я ему говорил:

— Жукова знаю давно, он хороший генерал, хороший командующий.

После войны Сталин стал рассказывать о Жукове всякие небылицы, в частности, он говорил мне:

— Вот вы хвалили Жукова, а ведь он этого не заслуживает. Говорят, что Жуков на фронте перед какой-либо операцией поступал так: возьмет горсть земли, понюхает ее и потом говорит: можно, мол, начинать наступление или, наоборот, нельзя, дескать, проводить намеченной операции.

Я на это ответил тогда:

— Не знаю, тов. Сталин, кто это выдумал, но это неправда.

Видимо, сам Сталин выдумывал такие вещи, чтобы принизить роль и военные способности маршала Жукова.

В этой связи сам Сталин очень усиленно популяризировал себя, как великого полководца, всеми способами внедрял в сознание людей ту версию,

---

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

что все победы, одержанные советским народом в Великой Отечественной войне, являются результатом мужества, доблести, гения Сталина и никого больше. Как Кузьма Крючков — сразу на пику 7 человек поднимал. (*Оживление в зале.*)

В самом деле, возьмите наши исторические и военные кинокартины или некоторые произведения литературы, которые читать тошно. Ведь все они предназначены для пропаганды именно этой версии для прославления Сталина, как гениального полководца. Вспомним хотя бы картину «Падение Берлина». Там действует один Сталин: он дает указания в зале с пустыми стульями, и только один человек приходит к нему и что-то доносит — это Поскребышев [48], неизменный его оруженосец. (*Смех в зале.*)

А где же военное руководство? Где же Политбюро? Где Правительство? Что они делают и чем занимаются? Этого в картине нет. Сталин один действует за всех, не считаясь и не советуясь ни с кем. В таком извращенном виде все это показано народу. Для чего? Для того, чтобы возвеличить Сталина и все это — вопреки фактам, вопреки исторической правде.

Спрашивается, а где же наши военные, которые на своих плечах вынесли всю тяжесть войны? Их в фильме нет, для них после Сталина не осталось никакого места.

Не Сталин, а партия в целом, Советское правительство, наша героическая армия, ее талантливые полководцы и доблестные воины, весь советский народ — вот кто обеспечил победу в Великой Отечественной войне. (*Бурные, продолжительные аплодисменты.*)

Члены ЦК партии, министры, наши хозяйственники, деятели советской культуры, руководители местных партийных и советских организаций, инженеры и техники — каждый находился на своем посту и самоотверженно отдавал свои силы и знания для обеспечения победы над врагом.

Исключительный героизм проявил наш тыл — славный рабочий класс, наше колхозное крестьянство, советская интеллигенция, которые под руководством партийных организаций, преодолевая невероятные трудности и лишения военного времени, отдавали все свои силы делу защиты Родины.

Величайший подвиг совершили в войне наши советские женщины, которые вынесли на своих плечах огромную тяжесть производственной работы на фабриках и в колхозах, на различных участках хозяйства и культуры, многие женщины принимали непосредственное участие на фронтах Великой Отечественной войны, наша мужественная молодежь, которая на всех участках фронта и тыла внесла свой неограниченный вклад в дело защиты Советской Отчизны, в дело разгрома врага.

Бессмертны заслуги советских воинов, наших военных командиров и политработников всех степеней, которые в первые же месяцы войны, лишившись значительной части армии, не растерялись, а сумели перестроиться

на ходу, создать и закалить в ходе войны могучую и героическую армию и не только отразить натиск сильного и коварного врага, но и разгромить его.

Величайший подвиг советского народа в Великой Отечественной войне, спасшего сотни миллионов людей Востока и Запада от нависшей над ними угрозы фашистского порабощения, будет жить в памяти благодарного человечества века и тысячелетия. (*Бурные аплодисменты.*)

Главная роль и главная заслуга в победоносном завершении войны принадлежит нашей Коммунистической партии, Вооруженным Силам Советского Союза, миллионам и миллионам советских людей, воспитанных партией. (*Бурные, продолжительные аплодисменты.*)

* * *

Товарищи! Обратимся к некоторым другим фактам. Советский Союз по праву считается образцом многонационального государства, ибо у нас на деле обеспечены равноправие и дружба всех народов, населяющих нашу великую Родину.

Тем более вопиющими являются действия, инициатором которых был Сталин и которые представляют собой грубое попрание основных ленинских принципов национальной политики Советского государства. Речь идет о массовом выселении со своих родных мест целых народов, в том числе всех коммунистов и комсомольцев без каких бы то ни было исключений. Причем такого рода выселение никак не диктовалось военными соображениями.

Так, уже в конце 1943 года, когда на фронтах Великой Отечественной войны определился прочный перелом в ходе войны в пользу Советского Союза, принято было и осуществлено решение о выселении с занимаемой территории всех карачаевцев. В этот же период, в конце декабря 1943 года, точно такая же участь постигла все население Калмыцкой автономной республики. В марте 1944 года выселены были со своих родных мест все чеченцы и ингуши, а Чечено-Ингушская автономная республика ликвидирована. В апреле 1944 года с территории Кабардино-Балкарской автономной республики выселены были в отдаленные места все балкарцы, а сама республика переименована в Кабардинскую автономную республику. Украинцы избежали этой участи потому, что их слишком много и некуда было выслать. А то он бы и их выселил. (*Смех, оживление в зале.*)

В сознании не только марксиста-ленинца, но и всякого здравомыслящего человека не укладывается такое положение — как можно возлагать ответственность за враждебные действия отдельных лиц или групп на целые народы, включая женщин, детей, стариков, коммунистов и комсомольцев, и подвергать их массовым репрессиям, лишениям и страданиям.

После окончания Отечественной войны советский народ с гордостью отмечал славные победы, достигнутые ценой больших жертв и невероятных уси-

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

лий. Страна переживала политический подъем. Партия вышла из войны еще более сплоченной, в огне войны закалились кадры партии. В этих условиях ни у кого даже мысль не могла возникнуть о возможности какого-либо заговора в партии.

И вот в этот период вдруг возникает так называемое «ленинградское дело» [49]. Как теперь уже доказано, это дело было сфальсифицировано. Невинно погибли гг. Вознесенский, Кузнецов, Родионов, Попков и другие.

Известно, что Вознесенский и Кузнецов были видные и способные работники. В свое время они были близки к Сталину. Достаточно сказать, что Сталин выдвинул Вознесенского первым заместителем Председателя Совета Министров, а Кузнецов был избран секретарем Центрального Комитета. Уже одно то, что Сталин поручил Кузнецову наблюдение за органами госбезопасности, говорит о том, каким доверием он пользовался.

Как же случилось, что эти люди были объявлены врагами народа и уничтожены?

Факты показывают, что и «ленинградское дело» — это результат произвола, который допускал Сталин по отношению к кадрам партии.

Если бы в Центральном Комитете партии, в Политбюро ЦК существовала нормальная обстановка, при которой подобные вопросы обсуждались бы, как это положено в партии, и взвешивались бы все факты, то этого дела не возникло бы, как не возникли бы и другие подобные дела.

Надо сказать, что в послевоенный период положение еще больше усложнилось. Сталин стал более капризным, раздражительным, грубым, особенно развилась его подозрительность. До невероятных размеров увеличилась мания преследования. Многие работники становились в его глазах врагами. После войны Сталин еще больше отгородился от коллектива, действовал исключительно единолично, не считаясь ни с кем и ни с чем.

Невероятной подозрительностью Сталина ловко пользовался гнусный провокатор, подлый враг Берия, который истребил тысячи коммунистов, честных советских людей. Выдвижение Вознесенского и Кузнецова пугало Берия. Как теперь установлено, именно Берия «подбрасывал» Сталину состряпанные им и его подручными материалы в виде заявлений, анонимных писем, в виде разных слухов и разговоров.

Центральный Комитет партии проверил так называемое «ленинградское дело», невинно пострадавшие люди теперь реабилитированы, восстановлена честь славной Ленинградской партийной организации. Фальсификаторы этого дела — Абакумов [50] и другие — были преданы суду, их судили в Ленинграде, и они получили по заслугам.

Возникает вопрос: почему же мы теперь смогли разобраться в этом деле, а не сделали этого раньше, при жизни Сталина, чтобы не допустить гибели невинных людей? Потому, что Сталин сам давал направление «ленинградскому

делу» и большинство членов Политбюро того периода не знало всех обстоятельств дела и, конечно, не могло вмешаться.

Как только Сталин получил от Берия и Абакумова некоторые материалы, он, не разобравшись по существу в этих фальшивках, дал указание расследовать «дело» Вознесенского и Кузнецова. И этим уже была предreshена их судьба.

Поучительным в этом отношении является также дело о якобы существовавшей в Грузии мингрельской националистической организации. По этому вопросу, как известно, были приняты в ноябре 1951 года и в марте 1952 года решения ЦК КПСС [51]. Эти решения принимались без обсуждения в Политбюро, Сталин сам диктовал эти решения. В них возводились тяжкие обвинения против многих честных коммунистов. На основании подложных материалов утверждалось, что в Грузии якобы существует националистическая организация, которая ставит своей целью ликвидацию Советской власти в этой республике с помощью империалистических государств.

В связи с этим был арестован ряд ответственных партийных и советских работников Грузии. Как потом установлено, это была клевета на Грузинскую партийную организацию.

Мы знаем, что в Грузии, как и в некоторых других республиках, в свое время были проявления местного буржуазного национализма. Возникает вопрос, может быть, действительно в период, когда принимались упомянутые выше решения, националистические тенденции разрослись до таких размеров, что была угроза выхода Грузии из состава Советского Союза и перехода ее в состав турецкого государства? (*Оживление в зале, смех.*)

Это, конечно, чепуха. Трудно даже себе представить, как могли прийти в голову подобные предположения. Всем известно, как поднялась Грузия в своем экономическом и культурном развитии за годы Советской власти.

Промышленная продукция Грузинской республики в 27 раз превышает производство дореволюционной Грузии. В республике заново созданы многие отрасли промышленности, которых не было там до революции: черная металлургия, нефтяная промышленность, машиностроение и другие. Уже давно ликвидирована неграмотность населения, тогда как в дореволюционной Грузии неграмотных насчитывалось 78 процентов.

Сравнивая положение в своей республике с тяжелым положением трудящихся в Турции, могли ли грузины стремиться присоединиться к Турции? В Турции в 1955 году выплавлено стали на душу населения в 18 раз меньше, чем в Грузии. В Грузии производится электроэнергии на душу населения в 9 раз больше, чем в Турции. По данным переписи 1950 года, было 65 процентов населения Турции неграмотным, а среди женщин — около 80 процентов. В Грузии имеется 19 высших учебных заведений, в которых обучается около 39 тысяч студентов, что в 8 раз больше, чем в Турции (на тысячу человек на-

---

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

селения). В Грузии за годы Советской власти неизмеримо поднялось материальное благосостояние трудящихся.

Ясно, что в Грузии по мере развития экономики и культуры, роста социалистической сознательности трудящихся все больше исчезает почва, которой питается буржуазный национализм.

И как оказалось на самом деле, никакой националистической организации в Грузии не было. Тысячи ни в чем не повинных советских людей стали жертвами произвола и беззакония. И все это делалось под «гениальным» руководством Сталина — «великого сына грузинского народа», как любили называть грузины своего земляка. (*Движение в зале.*)

Произвол Сталина давал себя знать не только при решении вопросов внутренней жизни страны, но и в области международных отношений Советского Союза.

На июльском Пленуме ЦК [52] подробно обсуждались причины возникновения конфликта с Югославией. При этом отмечалась весьма неблагоприятная роль Сталина. Ведь в «югославском деле» не было таких вопросов, которые нельзя было бы разрешить путем товарищеского партийного обсуждения. Для возникновения этого «дела» не было серьезных оснований, вполне возможно было не допустить разрыва с этой страной. Это не значит, однако, что у югославских руководителей не было ошибок или недостатков. Но эти ошибки и недостатки были чудовищно преувеличены Сталиным, что привело к разрыву отношений с дружественной нам страной.

Мне вспоминаются первые дни, когда искусственно стал раздуваться конфликт между Советским Союзом и Югославией.

Однажды, когда я приехал из Киева в Москву, меня пригласил к себе Сталин и, указывая на копию письма, незадолго перед тем направленного к Тито [53], спросил:

— Читал?

И, не дожидаясь ответа, сказал:

— Вот шевельну мизинцем — и не будет Тито. Он слетит...

Дорого нам обошлось это «шевеление мизинцем». Такое заявление отражало манию величия Сталина, ведь он так и действовал: шевельну мизинцем — и нет Косиора, шевельну еще раз мизинцем — и нет уже Постышева, Чубаря, шевельну опять мизинцем — и исчезают Вознесенский, Кузнецов и многие другие.

Но с Тито так не получилось. Сколько ни шевелил Сталин не только мизинцем, но и всем, чем мог, Тито не слетел. Почему? Да потому, что в споре с югославскими товарищами за Тито стояло государство, стоял народ, прошедший суровую школу борьбы за свою свободу и независимость, народ, который оказывал поддержку своим руководителям.

Вот к чему приводила мания величия Сталина. Он полностью утрачивал

чувство реальности, проявлял подозрительность, высокомерие в отношении не только отдельных лиц внутри страны, но и в отношении целых партий и стран.

Теперь мы внимательно разобрались в вопросе с Югославией и нашли правильное решение, которое одобряется народами и Советского Союза, и Югославии, как и всеми трудящимися стран народной демократии, всем прогрессивным человечеством. Ликвидация ненормальных отношений с Югославией осуществлена в интересах всего лагеря социализма, в интересах укрепления мира во всем мире.

Следует также напомнить о «деле врачей-вредителей» [54]. (*Движение в зале.*) Собственно, никакого «дела» не было, кроме заявления врача Тимашук, которая, может быть под влиянием кого-нибудь или по указанию (ведь она была негласным сотрудником органов госбезопасности), написала Сталину письмо, в котором заявляла, что врачи якобы применяют неправильные методы лечения.

Достаточно было такого письма к Сталину, как он сразу сделал выводы, что в Советском Союзе имеются врачи-вредители, и дал указание — арестовать группу крупных специалистов советской медицины. Он сам давал указания, как вести следствие, как допрашивать арестованных. Он сказал: на академика Виноградова надеть кандалы, такого-то бить. Здесь присутствует делегат съезда, бывший министр госбезопасности т. Игнатьев [55]. Сталин ему прямо заявил:

— Если не добьетесь признания врачей, то с вас будет снята голова. (*Шум возмущения в зале.*)

Сталин сам вызывал следователя, инструктировал его, указывал методы следствия, а методы были единственные — бить, бить и бить.

Через некоторое время после ареста врачей мы, члены Политбюро, получили протоколы с признаниями врачей. После рассылки этих протоколов Сталин говорил нам:

— Вы слепцы, котят, что же будет без меня — погибнет страна, потому что вы не можете распознать врагов.

Дело было поставлено так, что никто не имел возможности проверить факты, на основе которых ведется следствие. Не было возможности проверить факты путем контакта с людьми, которые давали эти признания.

Но мы чувствовали, что дело с арестом врачей — это нечистое дело. Многие из этих людей мы лично знали, они лечили нас. И когда после смерти Сталина мы посмотрели, как создавалось это «дело», то увидели, что оно от начала до конца ложное.

Это позорное «дело» было создано Сталиным, но он не успел его довести до конца (в своем понимании), и поэтому врачи остались живыми. Теперь все они реабилитированы, работают на тех же постах, что и раньше, лечат руко-

---

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

водящих работников, включая и членов Правительства. Мы им оказываем полное доверие, и они добросовестно исполняют, как и раньше, свой служебный долг.

В организации различных грязных и позорных дел гнусную роль играл махровый враг нашей партии, агент иностранной разведки Берия, втершийся в доверие к Сталину. Как этот провокатор смог добиться такого положения в партии и государстве, что стал первым заместителем Председателя Совета Министров Советского Союза и членом Политбюро ЦК? Теперь установлено, что этот мерзавец шел вверх по государственной лестнице через множество трупов на каждой ступеньке.

Были ли сигналы о том, что Берия враждебный партии человек? Да, были. Еще в 1937 году на Пленуме ЦК бывший нарком здравоохранения Каминский [56] говорил, что Берия работал в муссаватистской разведке [57]. Не успел закончиться Пленум ЦК, как Каминский был арестован и затем расстрелян. Проверил ли Сталин заявление Каминского? Нет, потому что Сталин верил Берия, и этого было для него достаточно. А если Сталин верил, то никто не мог уже сказать что-либо противоречащее его мнению; кто бы вздумал возразить, того постигла бы такая же судьба, как и Каминского.

Были и другие сигналы. Представляет интерес заявление т. Снегова [58] в Центральный Комитет партии (кстати сказать, недавно реабилитированного после 17-летнего пребывания в лагерях). В своем заявлении он пишет:

«В связи с постановкой вопроса о реабилитации бывшего члена ЦК Картвелишвили-Лаврентьева [59] мною даны представителю КГБ подробные показания о роли Берия в расправе с Картвелишвили и преступных мотивах, которыми Берия руководствовался.

Считаю необходимым восстановить важный факт в этом вопросе и сообщить о нем в ЦК, поскольку я считал неудобным помещать его в следственных документах.

30.X.1931 г. на заседании Оргбюро ЦК ВКП состоялся доклад секретаря Заккрайкома Картвелишвили. Присутствовали все члены бюро крайкома, из которых я один — живой. На этом заседании И.В. Сталин в конце своего выступления внес предложение сформировать секретариат Заккрайкома в составе: 1-м секретарем Картвелишвили, 2-м — Берия (это впервые в истории партии фамилия Берия была названа, как кандидат на партийный пост), тут же Картвелишвили репликой заявил, что знает хорошо Берия и поэтому категорически отказывается с ним работать. Тогда И.В. Сталин предложил вопрос оставить открытым и решить его в рабочем порядке. Через 2 дня было решено о выдвижении Берия на партийную работу и об уходе Картвелишвили из Закавказья.

Подтвердить это могут тт. Микоян А.И. и Каганович Л.М., присутствовавшие на этом заседании.

Многолетние враждебные отношения между Картвелишвили и Берия широко были известны; истоки их идут со времени работы тов. Серго [60] в Закавказье, поскольку Картвелишвили был ближайшим помощником Серго. Они и послужили для Берия основанием, чтобы сфальсифицировать «дело» против Картвелишвили.

Характерно, что Картвелишвили по этому «делу» обвиняется в террористическом акте против Берия.

В обвинительном заключении по делу Берия подробно изложены его преступления. Но кое-что стоит напомнить, тем более, что, возможно, не все делегаты съезда читали этот документ. Здесь я хочу напомнить о зверской расправе Берия над Кедровым, Голубевым и приемной матерью Голубева — Батуриной [61], которые пытались довести до сведения ЦК о предательской деятельности Берия. Они были расстреляны без суда, а приговор был оформлен после расстрела задним числом. Вот что писал в Центральный Комитет партии тов. Андрееву [62] (тов. Андреев был тогда секретарем ЦК) старый коммунист т. Кедров [63]:

«Из мрачной камеры Лефортовской тюрьмы взываю к вам о помощи. Услышите крик ужаса, не пройдите мимо, заступитесь, помогите уничтожить кошмар допросов, вскрыть ошибку.

Я невинно страдаю. Поверьте. Время покажет. Я не агент-provokator царской охраны, не шпион, не член антисоветской организации, в чем меня обвиняют, основываясь на клеветнических заявлениях. И никаких других преступлений в отношении Партии и Родины я никогда не совершал. Я незапятнанный ничем старый большевик, честно боровшийся (без малого) 40 лет в рядах Партии на благо и счастье народа...

...Теперь мне, 62-летнему старику, следователи угрожают еще более тяжкими и жестокими и унижительными мерами физического воздействия. Они уже не в состоянии осознать своей ошибки и признать незаконность и недопустимость своих поступков в отношении меня. Они ищут оправдания им в изображении меня злейшим, неразоружающимся врагом, и настаивая на усилении репрессии. Но пусть знает Партия, что я невиновен и никакими мерами не удастся верного сына Партии, преданного ей до гроба жизни, превратить во врага.

Но у меня нет выхода. Я бессилён отвести от себя надвигающиеся новые, тяжкие удары.

Всему, однако, есть предел. Я измотан вконец. Здоровье подорвано, силы и энергия иссякают, развязка приближается. Умереть в советской тюрьме с клеймом презренного предателя и изменника Родины — что может быть страшнее для честного человека. Какой ужас! Беспредельная горечь и боль сжимают судорогой сердце. Нет, нет! Это не случится, не должно случиться, кричу я. И Партия, и Советское правительство, и нарком Л.П. Берия не допустят свершиться той жестокой непоправимой несправедливости.

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

Убежден, что при спокойном, беспристрастном расследовании, без отвратительной ругани, без злобы, без жутких издевательств, необоснованность обвинений будет легко установлена. Я глубоко верю, что правда и справедливость восторжествуют. Я верю, верю».

Старого большевика т. Кедрова Военная Коллегия оправдала. Но, несмотря на это, он был расстрелян по распоряжению Берия. (*Шум возмущения в зале.*)

Берия учинил также жестокую расправу над семьей товарища Орджоникидзе. Почему? Потому что Орджоникидзе мешал Берия в осуществлении его коварных замыслов. Берия расчищал себе путь, избавляясь от всех людей, которые могли ему мешать. Орджоникидзе всегда был против Берия, о чем он говорил Сталину. Вместо того, чтобы разобраться и принять необходимые меры, Сталин допустил уничтожение брата Орджоникидзе, а самого Орджоникидзе довел до такого состояния, что последний вынужден был застрелиться. (*Шум возмущения в зале.*) Вот что представлял из себя Берия.

Центральным Комитетом партии Берия был разоблачен вскоре после смерти Сталина. В результате тщательного судебного разбирательства были установлены чудовищные злодеяния Берия, и он был расстрелян.

Спрашивается, почему же Берия, который уничтожил десятки тысяч партийных и советских работников, не был разоблачен при жизни Сталина? Он не был раньше разоблачен потому, что умело использовал слабости Сталина, разжигая в нем чувство подозрительности, во всем угождал Сталину, действовал при его поддержке.

* * *

Товарищи!

Культ личности приобрел такие чудовищные размеры главным образом потому, что сам Сталин всячески поощрял и поддерживал возвеличивание его персоны. Об этом свидетельствуют многочисленные факты. Одним из наиболее характерных проявлений самовосхваления и отсутствия элементарной скромности у Сталина является издание его «Краткой биографии», вышедшей в свет в 1948 году.

Эта книга представляет собой выражение самой безудержной лести, образец обожествления человека, превращения его в непогрешимого мудреца, самого «великого вождя» и «непревзойденного полководца всех времен и народов». Не было уже других слов, чтобы еще больше восхвалять роль Сталина.

Нет необходимости цитировать тошнотворно-льстивые характеристики, нагроможденные в этой книге одна на другую. Следует только подчеркнуть, что все они одобрены и отредактированы лично Сталиным, а некоторые из них собственноручно вписаны им в макет книги.

Что же Сталин счел необходимым вписать в эту книгу? Может быть, он стремился умерить пыл лести составителей его «Краткой биографии»? Нет. Он усиливал именно те места, где восхваление его заслуг казалось ему недостаточным.

Вот некоторые характеристики деятельности Сталина, вписанные рукою самого Сталина:

«В этой борьбе с маловеерами и капитулянтами, троцкистами и зиновьевцами, бухаринными и каменевыми окончательно сложилось после выхода Ленина из строя то руководящее ядро нашей партии..., которое отстояло великое знамя Ленина, сплотило партию вокруг заветов Ленина и вывело советский народ на широкую дорогу индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Руководителем этого ядра и ведущей силой партии и государства был тов. Сталин».

И это пишет сам Сталин! Далее он добавляет:

«Мастерски выполняя задачи вождя партии и народа, имея полную поддержку всего советского народа, Сталин, однако, не допускал в своей деятельности и тени самомнения, зазнайства, самолюбования».

Где и когда мог какой-либо деятель так прославлять самого себя? Разве это достойно деятеля марксистско-ленинского типа? Нет. Именно против этого так решительно выступали Маркс и Энгельс. Именно это всегда резко осуждал Владимир Ильич Ленин.

В макете книги была такая фраза: «Сталин — это Ленин сегодня». Эта фраза показалась ему явно недостаточной, и Сталин собственноручно переделывает ее следующим образом:

«Сталин — достойный продолжатель дела Ленина, или, как говорят у нас в партии, Сталин — это Ленин сегодня». Вот как сильно сказано, но не народом, а самим Сталиным.

Можно привести множество подобных самовосхваляющих характеристик, внесенных в макет книги рукою Сталина. Особенно усердно он расточал похвалы в свой адрес по поводу своего военного гения, своих полководческих талантов.

Позволю себе привести еще одну вставку, сделанную Сталиным в отношении сталинского военного гения:

«Товарищ Сталин, — пишет он, — развил дальше передовую советскую военную науку. Товарищ Сталин разработал положение о постоянно действующих факторах, решающих судьбу войны, об активной обороне и законах контрнаступления и наступления, о взаимодействии родов войск и боевой техники в современных условиях войны, о роли больших масс танков и авиации в современной войне, об артиллерии, как самом могучем роде войск. На разных этапах войны сталинский гений находил правильные решения, полностью учитывающие особенности обстановки». (*Движение в зале.*)

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

Далее сам же Сталин пишет:

«Сталинское военное искусство проявилось как в обороне, так и в наступлении. С гениальной проницательностью разгадывал товарищ Сталин планы врага и отражал их. В сражениях, в которых товарищ Сталин руководил советскими войсками, воплощены выдающиеся образцы военного оперативного искусства».

Так прославлялся Сталин как полководец. Но кем же? Самим же Сталиным, но выступающим уже не в роли полководца, а в роли автора — редактора, одного из главных составителей своей хвалебной биографии.

Таковы, товарищи, факты. Надо прямо сказать, что это позорные факты.

И еще один факт из той же «Краткой биографии» Сталина. Известно, что над созданием «Краткого курса истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)» работала комиссия Центрального Комитета партии. Этот, к слову говоря, также весьма пропитанный культом личности труд составлялся определенным коллективом авторов. И это положение было отражено в макете «Краткой биографии» Сталина в следующей формулировке:

«Комиссия Центрального Комитета ВКП(б) под руководством товарища Сталина, при его личном активнейшем участии, создает "Краткий курс истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)".

Однако эта формулировка не могла уже удовлетворить Сталина, и в изданной «Краткой биографии» это место заменено следующим положением:

«В 1938 году вышла в свет книга "История ВКП(б). Краткий курс", написанная товарищем Сталиным и одобренная Комиссией ЦК ВКП(б)». Что же тут еще больше скажешь! (*Оживление в зале.*)

Как видите, произошло поразительное превращение труда, созданного коллективом, в книгу, написанную Сталиным. Нет нужды говорить о том, как и почему произошло подобное превращение.

Возникает законный вопрос: если Сталин является автором этой книги, то зачем ему нужно было так прославлять личность Сталина, и, по существу, весь послеоктябрьский период истории нашей славной Коммунистической партии делать лишь фоном деяний «сталинского гения»?

Разве нашли в этой книге достойное отражение усилия партии по социалистическому преобразованию страны, построению социалистического общества, индустриализации и коллективизации страны и другие мероприятия, осуществленные партией, твердо идущей по пути, начертанному Лениным? Там главным образом говорится о Сталине, его выступлениях, его докладах. Все, без какого бы то ни было исключения, связано с его именем.

И когда сам же Сталин заявляет, что именно он написал «Краткий курс истории ВКП(б)», то это не может не вызывать по меньшей мере удивления и недоумения. Разве может марксист-ленинец так писать о самом себе, возводя до небес культ своей личности?

Или возьмем вопрос о Сталинских премиях [64]. (*Движение в зале.*) Даже цари не учреждали таких премий, которые назвали бы своим именем.

Сам Сталин признал лучшим тот текст Государственного гимна Советского Союза, в котором **ни слова** нет о Коммунистической партии, но зато есть следующее беспримерное славословие Сталину:

«Нас вырастил Сталин — на верность народу,
На труд и на
подвиги нас вдохновил».

В этих строчках гимна вся огромная воспитательная, руководящая и вдохновляющая деятельность великой ленинской партии приписана одному Сталину. Это, конечно, явное отступление от марксизма-ленинизма, явное принижение и умаление роли партии. К вашему сведению следует сказать, что Президиум ЦК уже принял решение о создании нового текста гимна, который отражал бы роль народа, роль партии. (*Бурные, продолжительные аплодисменты.*)

А разве без ведома Сталина его имя присваивалось многим крупнейшим предприятиям и городам, разве без его ведома по всей стране устанавливались памятники Сталина — эти «памятники при жизни»? Ведь это же факт, что сам Сталин 2 июля 1951 года подписал постановление Совета Министров СССР, в котором предусматривалось сооружение на Волга-Донском канале монументальной скульптуры Сталина, а 4 сентября того же года издал распоряжение об отпуске на сооружение этого монумента 33 тонн меди. Кто был вблизи Сталинграда, тот видел, какая там статуя высится, причем в таком месте, где людей мало бывает. А на ее сооружение затрачено много средств, и это в то время, когда наши люди в этих районах после войны еще жили в землянках. Судите сами, правильно ли писал Сталин в своей биографии о том, что он «не допускал в своей деятельности и тени сомнения, зазнайства, самолюбования»?

Вместе с тем Сталин проявлял неуважение к памяти Ленина. Не случайно Дворец Советов [65], как памятник Владимиру Ильичу, решение о строительстве которого было принято свыше 30 лет тому назад, не был построен, и вопрос о его сооружении постоянно откладывался и предавался забвению. Надо исправить это положение и памятник Владимиру Ильичу Ленину соорудить. (*Бурные, продолжительные аплодисменты.*)

Нельзя не вспомнить и о решении Советского правительства от 14 августа 1925 года «Об учреждении премий В.И. Ленина за научные работы». Это постановление было обнародовано в печати, но до сих пор Ленинских премий нет. Это также нужно исправить. (*Бурные, продолжительные аплодисменты.*)

При жизни Сталина, благодаря известным методам, о которых я уже говорил, приводя факты, как писалась хотя бы «Краткая биография Сталина», все события освещались так, что Ленин как будто играл второстепенную роль да-

---

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

же при совершении Октябрьской социалистической революции. Во многих кинокартинах, в произведениях художественной литературы образ Ленина освещается неправильно, недопустимо принижается.

Сталин очень любил смотреть фильм «Незабываемый 1919-й год», где он изображен едущим на подножке бронепоезда и чуть ли не саблей поражающим врагов. Пусть Климент Ефремович, наш дорогой друг, наберется храбрости и напишет правду о Сталине, ведь он знает, как Сталин воевал. Тов. Ворошилову [66], конечно, тяжело это дело начинать, но хорошо бы ему это сделать. Это будет одобрено всеми — и народом и партией. И внуки за это будут благодарить. (*Продолжительные аплодисменты.*)

При освещении событий, связанных с Октябрьской революцией и гражданской войной, в ряде случаев дело изображалось так, что главная роль везде как бы принадлежит Сталину, что всюду и везде он подсказывает Ленину, как и что надо делать. Но ведь это же клевета на Ленина! (*Продолжительные аплодисменты.*)

Я, вероятно, не согрешу против истины, если скажу, что 99 процентов из присутствующих здесь мало что знали и слышали о Сталине до 1924 года, а Ленина в стране все знали; вся партия знала, весь народ знал, от мала до велика. (*Бурные, продолжительные аплодисменты.*)

Все это надо решительно пересмотреть, чтобы нашли свое правильное отражение в истории, литературе, произведениях искусства роль В.И. Ленина, великие деяния нашей Коммунистической партии и советского народа — народа-творца, народа-созидателя. (*Аплодисменты.*)

* * *

Товарищи! Культ личности способствовал распространению в партийном строительстве и хозяйственной работе порочных методов, порождал грубые нарушения внутрипартийной и советской демократии, голое администрирование, разного рода извращения, замазывание недостатков, лакировку действительности. У нас развелось немало подхалимов, аллилуйщиков, очковтирателей.

Нельзя не видеть и того, что в результате многочисленных арестов партийных, советских и хозяйственных работников многие наши кадры стали работать неуверенно, с оглядкой, бояться нового, остерегаться и собственной тени, меньше стали проявлять инициативы в работе.

А возьмите решения партийных и советских органов. Они стали составляться по шаблону, зачастую без учета конкретной обстановки. Дело дошло до того, что выступления партийных и других работников даже на самых небольших заседаниях, совещаниях по любым вопросам произносились по шпаргалке. Все это порождало опасность оказывания партийной и советской работы, бюрократизации аппарата.

Отрыв Сталина от жизни, незнание им действительного положения дел на местах можно наглядно показать на примере руководства сельским хозяйством.

Все, кто хоть мало-мальски интересовался положением в стране, видели тяжелое состояние сельского хозяйства, а Сталин этого не замечал. Говорили ли мы об этом Сталину? Да, говорили, но он нас не поддерживал. Почему же так получилось? Потому, что Сталин никуда не выезжал, с рабочими и колхозниками не встречался и не знал действительного положения на местах.

Он страну и сельское хозяйство изучал только по кинофильмам. А кинофильмы приукрашивали, лакировали положение дел в сельском хозяйстве. Колхозная жизнь во многих кинофильмах изображалась так, что столы трещали от обилия индеек и гусей. Видимо, Сталин думал, что в действительности так оно и есть.

Владимир Ильич Ленин по-другому смотрел на жизнь, он все время был тесно связан с народом; принимал крестьян-ходоков, часто выступал на фабриках и заводах, ездил в деревни, беседовал с крестьянами.

Сталин отгородился от народа, он никуда не выезжал. И так продолжалось десятки лет. Последняя его поездка на село была в январе 1928 года, когда он ездил в Сибирь по вопросам хлебозаготовок. Откуда же он мог знать положение в деревне?

И когда Сталину в одной из бесед было сказано, что положение в сельском хозяйстве у нас тяжелое, особенно плохо обстоит дело в стране с производством мяса и других продуктов животноводства, была создана комиссия, которой было поручено подготовить проект постановления «О мерах по дальнейшему развитию животноводства в колхозах и совхозах». Мы разработали такой проект.

Конечно, наши тогдашние предложения не охватывали всех возможностей, но были намечены пути подъема общественного животноводства. Предлагалось тогда поднять заготовительные цены на продукты животноводства, чтобы повысить материальную заинтересованность у колхозников, работников МТС и совхозов в развитии животноводства. Но проект, разработанный нами, не был принят, в феврале 1953 года он был отложен.

Более того, при рассмотрении этого проекта Сталин внес предложение повысить налог на колхозы и колхозников еще на 40 миллиардов рублей, так как, по его мнению, крестьяне живут богато, и, продав только одну курицу, колхозник может полностью расплатиться по государственному налогу.

Вы только подумайте, что это означало? Ведь 40 миллиардов рублей — это такая сумма, которую крестьяне не получали за все сдаваемые ими продукты. В 1952 году, например, колхозы и колхозники получили за всю сданную и проданную ими государству продукцию 26 миллиардов 280 миллионов рублей.

Разве такое предложение Сталина основывалось на каких-то данных? Конечно, нет. Факты и цифры в таких случаях его не интересовали. Если что сказал Сталин, значит, это так и есть — ведь он «гений», а гению не нужно считать, ему достаточно посмотреть, чтобы сразу все определить, как должно

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

быть. Он сказал свое слово, а потом все должны повторять за ним сказанное и восторгаться его мудростью.

Но что было мудрого в предложении увеличить сельскохозяйственный налог на 40 миллиардов рублей? Ровным счетом ничего, так как это предложение исходило не из реальной оценки действительности, а из фантастических измышлений оторванного от жизни человека.

Сейчас в сельском хозяйстве мы стали понемногу выкарабкиваться из тяжелого положения. Выступления делегатов XX съезда партии радуют каждого из нас, когда многие делегаты говорят, что есть все условия выполнить задания шестой пятилетки по производству основных продуктов животноводства не за пять лет, а за 2–3 года. Мы уверены в успешном выполнении заданий новой пятилетки. (*Продолжительные аплодисменты.*)

* * *

Товарищи!

Когда мы сейчас резко выступаем против культа личности, получившего при жизни Сталина широкое распространение, и говорим о многих отрицательных явлениях, порожденных этим чуждым духу марксизма-ленинизма культом, у отдельных людей может возникнуть вопрос: как же так, ведь Сталин стоял во главе партии и страны 30 лет, при нем были достигнуты крупные победы, разве можно отрицать это? Я считаю, что так ставить вопрос могут только ослепленные и безнадежно загипнотизированные культом личности люди, которые не понимают сущности революции и Советского государства, не понимают по-настоящему, по-ленински роли партии и народа в развитии советского общества.

Социалистическую революцию совершил рабочий класс в союзе с беднейшим крестьянством, при поддержке среднего крестьянства, совершил народ, руководимый большевистской партией. Великая заслуга Ленина состоит в том, что он создал боевую партию рабочего класса, вооружил ее марксистским пониманием законов общественного развития, учением о победе пролетариата в борьбе с капитализмом, он закалил партию в огне революционных битв народных масс. В ходе этой борьбы партия последовательно отстаивала интересы народа, стала его испытанным вождем, привела трудящихся к власти, к созданию первого в мире социалистического государства.

Вы хорошо помните мудрые ленинские слова о том, что Советское государство сильно сознательностью масс, о том, что историю теперь творят миллионы и десятки миллионов людей.

Организаторской работе партии, ее многочисленным местным организаций, самоотверженному труду нашего великого народа обязаны мы своими историческими победами. Эти победы — результат огромной по своему размаху деятельности народа и партии в целом, они вовсе не являются плодом руковод-

ства одного лишь Сталина, как это пытались представить в период процветания культа личности.

Если по-марксистски, по-ленински подойти к существу этого вопроса, то надо со всей прямотой заявить, что практика руководства, сложившаяся в последние годы жизни Сталина, стала серьезным тормозом на пути развития советского общества.

Сталин долгими месяцами не рассматривал многие важнейшие и неотложные вопросы жизни партии и страны. При руководстве Сталина наши мирные отношения с другими странами нередко ставились под угрозу, так как единоличные решения могли вызвать и иногда вызывали большие осложнения.

За последние годы, когда мы освободились от порочной практики культа личности и наметили ряд мер в области внутренней и внешней политики, все видят, как буквально на глазах растет активность, развивается творческая инициатива широких масс трудящихся, как благотворно начинает сказываться это на результатах нашего хозяйственного и культурного строительства. (*Аплодисменты.*)

Некоторые товарищи могут задать вопрос: куда же смотрели члены Политбюро ЦК, почему они своевременно не выступили против культа личности и делают это лишь в последнее время?

Прежде всего надо иметь в виду, что члены Политбюро смотрели на эти вопросы по-разному в разные периоды. В первое время многие из них активно поддерживали Сталина, потому что Сталин является одним из сильнейших марксистов и его логика, сила и воля оказывали большое воздействие на кадры, на работу партии.

Известно, что Сталин после смерти В.И. Ленина, особенно в первые годы, активно боролся за ленинизм, против извратителей и врагов ленинского учения. Исходя из ленинского учения, партия во главе со своим Центральным Комитетом развернула большую работу по социалистической индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства, осуществлению культурной революции. В то время Сталин завоевал популярность, симпатии и поддержку. Партии пришлось вести борьбу с теми, кто пытался сбить страну с единственно правильного, ленинского пути, — с троцкистами, зиновьевцами и правыми, буржуазными националистами. Эта борьба была необходима. Но затем Сталин, все более злоупотребляя властью, стал расправляться с видными деятелями партии и государства, применять против честных советских людей террористические методы. Как уже говорилось, именно так Сталин поступил с видными деятелями нашей партии и государства — Косиором, Рудзутаком, Эйхе, Постышевым и многими другими.

Попытки выступить против необоснованных подозрений и обвинений приводили к тому, что протестовавший подвергался репрессиям. В этом отношении характерна история с т. Постышевым.

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

В одной из бесед, когда Сталин проявил недовольство по адресу Постышева и задал ему вопрос:

— Кто вы такой?

Постышев твердо заявил с присущим ему окающим акцентом:

— Большевик я, товарищ Сталин, большевик!

И это заявление было расценено сначала, как неуважение к Сталину, а потом как вредный акт и впоследствии привело к уничтожению Постышева, объявленного без всяких к тому оснований «врагом народа».

Об обстановке, сложившейся в то время, мы нередко беседовали с Николаем Александровичем Булганиным. Однажды, когда мы вдвоем ехали в машине, он мне сказал:

— Вот иной раз едешь к Сталину, вызывают тебя к нему, как друга. А сидишь у Сталина и не знаешь, куда тебя от него повезут: или домой или в тюрьму.

Ясно, что такая обстановка ставила любого из членов Политбюро в крайне тяжелое положение. Если к тому же учесть, что за последние годы Пленумы ЦК партии фактически не созывались, а заседания Политбюро проводились от случая к случаю, то станет понятным, как трудно было кому-либо из членов Политбюро высказаться против той или иной несправедливой или неправильной меры, против очевидных ошибок и недостатков в практике руководства.

Как уже отмечалось, многие решения принимались единолично или опросом, без коллективного обсуждения.

Всем известна печальная судьба члена Политбюро т. Вознесенского, ставшего жертвой репрессий Сталина. Характерно отметить, что решение о выводе его из состава Политбюро нигде не обсуждалось, а было проведено опросом. Также опросом были проведены решения об освобождении с занимаемых постов тт. Кузнецова и Родионова.

Серьезно принижалась роль Политбюро ЦК, дезорганизовывалась его работа созданием различных комиссий внутри Политбюро, образованием так называемых «пятерок», «шестерок», «семерок», «девяток». Вот, например, решение Политбюро от 3 октября 1946 года:

«Предложение тов. Сталина.

1. Поручить Комиссии по внешним делам при Политбюро (шестерке) заниматься впредь наряду с вопросами внешнеполитического характера также вопросами внутреннего строительства и внутренней политики.

2. Пополнить состав шестерки председателем Госплана СССР тов. Вознесенским и впредь шестерку именовать семеркой.

Секретарь ЦК — И. Сталин».

Что это за терминология картежника? (*Смех в зале.*) Ясно, что создание подобных комиссий — «пятерок», «шестерок», «семерок» и «девяток» внут-

ри Политбюро подрывало принцип коллективного руководства. Получалось, что некоторые члены Политбюро отстранялись таким образом от решения важнейших вопросов.

В невыносимые условия был поставлен один из старейших членов нашей партии — Климент Ефремович Ворошилов. На протяжении ряда лет он фактически был лишен права принимать участие в работе Политбюро. Сталин запретил ему появляться на заседания Политбюро и посылать ему документы. Когда заседало Политбюро и тов. Ворошилов об этом узнавал, то каждый раз он звонил и спрашивал разрешения, можно ли ему прийти на это заседание. Сталин иногда разрешал, но всегда выражал недовольство. В результате своей крайней мнительности и подозрительности Сталин дошел до такого нелепого и смехотворного подозрения, будто Ворошилов является английским агентом. (*Смех в зале.*) Да, английским агентом. И к нему дома был подставлен специальный аппарат для подслушивания его разговоров. (*Шум возмущения в зале.*)

Сталин единолично отстранил также от участия в работе Политбюро и другого члена Политбюро, Андрея Андреевича Андреева.

Это был самый разнузданный произвол.

А возьмите первый Пленум ЦК после XIX съезда партии, когда выступил Сталин и на Пленуме давал характеристику Вячеславу Михайловичу Молотову и Анастасу Ивановичу Микояну, предъявив этим старейшим деятелям нашей партии ничем не обоснованные обвинения.

Не исключено, что если бы Сталин еще несколько месяцев находился у руководства, то на этом съезде партии товарищи Молотов и Микоян, возможно, не выступали бы.

Сталин, видимо, имел свои планы расправы со старыми членами Политбюро. Он не раз говорил, что надо менять членов Политбюро. Его предложение после XIX съезда избрать в Президиум Центрального Комитета 25 человек преследовало цель устранить старых членов Политбюро, ввести менее опытных, чтобы те всячески восхваляли его. Можно даже предполагать, что это было задумано для того, чтобы потом уничтожить старых членов Политбюро и спрятать концы в воду по поводу тех неблагоприятных поступков Сталина, о которых мы сейчас докладываем.

Товарищи! Чтобы не повторить ошибок прошлого, Центральный Комитет решительно выступает против культа личности. Мы считаем, что Сталина чрезмерно возвеличили. Бесспорно, что в прошлом Сталин имел большие заслуги перед партией, рабочим классом и перед международным рабочим движением.

Вопрос осложняется тем, что все то, о чем говорилось выше, было совершено при Сталине, под его руководством, с его согласия, причем он был убежден, что это необходимо для защиты интересов трудящихся от происков врагов и нападков империалистического лагеря. Все это рассматривалось им с по-

---

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

зиций защиты интересов рабочего класса, интересов трудового народа, интересов победы социализма и коммунизма. Нельзя сказать, что это действия самодура. Он считал, что так нужно делать в интересах партии, трудящихся, в интересах защиты завоеваний революции. В этом истинная трагедия!

Товарищи! Ленин не раз подчеркивал, что скромность является неотъемлемым качеством подлинного большевика. И сам Ленин был живым олицетворением величайшей скромности. Нельзя сказать, что в этом деле мы во всем следуем ленинскому примеру. Достаточно хотя бы сказать, что многочисленным городам, фабрикам и заводам, колхозам и совхозам, советским, культурным учреждениям розданы у нас на правах, если можно так выразиться, частной собственности имена тех или иных государственных и партийных деятелей, еще здравствующих и процветающих. В деле присвоения своих имен различным городам, районам, предприятиям, колхозам многие из нас соучастники. Это надо исправить. (*Аплодисменты.*)

Но делать это надо с умом, без торопливости. Центральный Комитет обсудит это дело и хорошенько разберется, чтобы не допустить здесь каких-либо ошибок и перегибов. Я помню, как на Украине узнали об аресте Косиора. Киевская радиостанция обычно начинала свои радиопередачи так: «Говорит радиостанция имени Косиора». В один из дней радиопередачи начались без упоминания имени Косиора. И все догадались, что с Косиором что-то случилось, что он, наверное, арестован.

Так что если мы всюду начнем снимать вывески и проводить переименования, то люди могут подумать, что с теми товарищами, чьи имена носят предприятия, колхозы или города, что-то произошло, что, наверное, и они арестованы. (*Оживление в зале.*)

Чем у нас иной раз измеряется авторитет и значение того или иного руководителя? Да тем, что его именем названо столько-то городов, заводов и фабрик, столько-то колхозов и совхозов. Не пора ли нам покончить с этой «частной собственностью» и провести «национализацию» фабрик и заводов, колхозов и совхозов. (*Смех, аплодисменты. Возгласы: «Правильно!».*) Это будет на пользу нашему делу. Культ личности сказывается ведь и в такого рода фактах.

Мы должны со всей серьезностью отнестись к вопросу о культе личности. Этот вопрос мы не можем вынести за пределы партии, а тем более в печать. Именно поэтому мы докладываем его на закрытом заседании съезда. Надо знать меру, не питать врагов, не обнажать перед ними наших язв. Я думаю, что делегаты съезда правильно поймут и оценят все эти мероприятия. (*Бурные аплодисменты.*)

* * *

Товарищи! Нам нужно решительно, раз и навсегда развенчать культ личности, сделать надлежащие выводы как в области идейно-теоретической, так и в области практической работы.

Для этого необходимо:

Во-первых, по-большевистски осудить и искоренить как чуждый духу марксизма-ленинизма и несовместимый с принципами партийного руководства и нормами партийной жизни культ личности, вести беспощадную борьбу против всех и всяческих попыток возродить его в той или иной форме.

Восстановить и последовательно проводить во всей нашей идеологической работе важнейшие положения учения марксизма-ленинизма о народе, как творце истории, создателе всех материальных и духовных богатств человечества, о решающей роли марксистской партии в революционной борьбе за преобразование общества, за победу коммунизма.

В связи с этим нам предстоит провести большую работу над тем, чтобы с позиций марксизма-ленинизма критически рассмотреть и поправить получившие широкое хождение ошибочные взгляды, связанные с культом личности, в области исторической, философской, экономической и других наук, а также в области литературы и искусства. В частности, необходимо в ближайшее время провести работу по созданию полноценного, составленного с научной объективностью марксистского учебника по истории нашей партии, учебников по истории советского общества, книг по истории гражданской войны и Великой Отечественной войны.

Во-вторых, последовательно и настойчиво продолжать проводимую в последние годы Центральным Комитетом партии работу по строжайшему соблюдению во всех партийных организациях, сверху донизу, ленинских принципов партийного руководства и прежде всего высшего принципа — коллективности руководства, по соблюдению норм партийной жизни, закрепленных Уставом нашей партии, по развертыванию критики и самокритики.

В-третьих, полностью восстановить ленинские принципы советского социалистического демократизма, выраженные в Конституции Советского Союза, вести борьбу против произвола лиц, злоупотребляющих властью. Необходимо до конца исправить нарушения революционной социалистической законности, которые накопились за длительный период в результате отрицательных последствий культа личности.

Товарищи!

XX съезд Коммунистической партии Советского Союза с новой силой продемонстрировал нерушимое единство нашей партии, ее сплоченность вокруг своего Центрального Комитета, ее решимость выполнить великие задачи коммунистического строительства. (*Бурные аплодисменты.*) И тот факт, что мы сейчас во всей широте ставим принципиальные вопросы о преодолении чуждого марксизму-ленинизму культа личности и о ликвидации причиненных им тяжелых последствий, говорит о великой моральной и политической силе нашей партии. (*Продолжительные аплодисменты.*)

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

У нас есть полная уверенность в том, что наша партия, вооруженная историческими решениями своего XX съезда, поведет советский народ по ленинскому пути к новым успехам, к новым победам. (*Бурные, продолжительные аплодисменты.*)

Да здравствует победоносное знамя нашей партии — ленинизм! (*Бурные, продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают.*)

Примечания

1. Блос Вильгельм (1849–1927), немецкий публицист и историк.
2. Лассаль Фердинанд (1825–1864), деятель немецкого рабочего движения.
3. В докладе даются ссылки на 4-е издание Сочинений В.И. Ленина (Ред.).
4. Речь идет о «Письме к съезду», включающем в себя записи, продиктованные В.И. Лениным 23, 24, 25, 26, 29 декабря 1922 г. и 4 января 1923 г. (см. Полн. собр. соч., т. 45, с. 343–348).
5. Зиновьев Г.Е.
6. Имеется в виду «Проект постановления Политбюро ЦК РКП(б)», написанный В.И. Лениным 26 октября 1920 г. (см. Полн. собр. соч., т. 41, с. 394, 541).
7. Берия Л.П. (1899–1953), бывший нарком (министр) внутренних дел СССР, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, член Президиума ЦК КПСС. В июле 1953 г. Пленум ЦК КПСС за преступные антипартийные и антигосударственные действия вывел его из состава ЦК и исключил из партии. Он был снят со всех государственных постов. 23 декабря 1953 г. специальное судебное присутствие Верховного суда СССР приговорило Л.П. Берия к расстрелу.
8. Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 октября 1941 г. намечалось созвать Пленум ЦК ВКП(б) 10 октября 1941 г. с повесткой дня: «1. Военное положение нашей страны. 2. Партийная и государственная работа для обороны страны». Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 9 октября 1941 г. созыв Пленума был отложен «ввиду создавшегося недавно тревожного положения на фронтах и нецелесообразности отвлечения с фронтов руководящих товарищей». В годы войны был только один Пленум ЦК, состоявшийся 27 января 1944 г.
9. Речь идет о комиссии, образованной Президиумом ЦК КПСС 31 декабря 1955 г. для изучения материалов о массовых репрессиях членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранного XVII съездом партии, и других советских граждан в период 1935–1940 гг. В состав комиссии вошли секретари ЦК КПСС П.Н. Поспелов и А.Б. Аристов, председатель ВЦСПС Н.М. Шверник, заместитель Председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС П.Т. Комаров.
10. Енукидзе А.Е. (1877–1937), член партии с 1898 г. С июля 1918 г. член и секретарь ВЦИК и Президиума ЦИК СССР.
11. Речь идет о постановлении ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г. «О порядке ведения дел

- о подготовке или совершении террористических актов», получившем впоследствии наименование «Закон от 1 декабря 1934 г.» и действовавшем до 1956 г. Данное постановление не вносилось на утверждение сессией ЦИК СССР, как это требовалось по Конституции СССР.
12. Николаев Л.В. (1904–1934), состоял в партии с 1924 г. Некоторое время был инструктором Ленинградского обкома партии и Ленинградского института истории ВКП(б). В апреле 1934 г. уволен из института, нигде не работал. 1 декабря 1934 г. совершил покушение на С.М. Кирова. Осужден и расстрелян.
  13. Жданов А.А. (1896–1948), член партии с 1915 г. В 1934–1948 гг. секретарь ЦК ВКП(б) и одновременно в 1934–1944 гг. первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии. С 1935 г. кандидат в члены Политбюро. С 1939 г. член Политбюро ЦК ВКП(б).
  14. Каганович Л.М. (род. 1893 г.), состоял в партии с 1911 г. С 1924 г. член ЦК, с 1925 г. секретарь, с 1930 г. член Политбюро ЦК ВКП(б). В 1957 г. за антипартийную деятельность выведен из состава ЦК КПСС. В 1962 г. исключен из партии.
  15. Молотов (Скрябин) В.М. (1890–1986), член партии с 1906 г. В 1920 г. секретарь ЦК КП(б) Украины. В 1921–1930 гг. секретарь ЦК партии. В 1930–1941 гг. Председатель Совнаркома СССР. В 1941–1957 гг. первый зам. Председателя Совнаркома (Совета Министров) СССР, одновременно в 1941–1945 гг. зам. председателя Государственного Комитета Обороны. В 1939–1949 и 1953–1956 гг. нарком, затем министр иностранных дел СССР, министр Госконтроля. С 1957 г. посол СССР в МНР. С 1960 г. представитель СССР при МАГАТЭ (Австрия). С 1921 г. член ЦК партии. В 1921–1926 гг. кандидат, а в 1926–1957 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС. В 1957 г. за антипартийную деятельность выведен из состава ЦК КПСС. В 1962 г. исключен из членов КПСС. В 1984 г. восстановлен членом партии с 1906 г.
  16. Ежов Н.И. (1895–1940), состоял в партии с 1917 г. На XVII съезде партии избран членом ЦК. С 1935 г. секретарь ЦК ВКП(б), председатель Комиссии партийного контроля. В 1936–1938 гг. нарком внутренних дел СССР, затем нарком водного транспорта. С 1938 г. кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Арестован в 1939 г., расстрелян в январе 1940 г. по приговору военной коллегии Верховного суда СССР.
  17. Ягода Г.Г. (1891–1938), состоял в партии с 1907 г. В 1934–1936 гг. председатель ОГПУ, нарком НКВД. С 1936 г. нарком связи СССР. В 1938 г. был предан суду по делу так называемого «антисоветского правотроцкистского блока» и расстрелян.
  18. Постышев П.П. (1887–1939), член партии с 1904 г. С 1926 г. секретарь ЦК КП(б) Украины. С 1930 г. секретарь, член Оргбюро ЦК ВКП(б). В 1933–1937 гг. второй секретарь ЦК КП(б) Украины, затем первый секретарь Куйбышевского обкома партии. Член ЦК ВКП(б) с 1927 г., кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) с 1934 г.

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

19. Карпов М.М. (1901–1939), член партии с 1920 г. До ареста работал зав. отделом пропаганды и агитации Киевского обкома КП(б) Украины.
20. Эйхе Р.И. (1890–1940), член партии с 1905 г. Участник революции и борьбы за Советскую власть в Латвии. С 1925 г. председатель Сибирского крайисполкома, первый секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б). В 1937–1938 гг. нарком земледелия СССР. С 1930 г. член ЦК, с 1935 г. кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Член ЦИК СССР.
21. Ушаков З.М., Николаев-Журид Н.Г., работники НКВД. В 1939 г. арестованы. В январе 1940 г. расстреляны по приговору военной коллегии Верховного суда СССР.
22. Рухимович М.Л. (1889–1938), член партии с 1913 г. Активный участник Октябрьской революции и гражданской войны на Украине. С 1920 г. председатель Донецкого губисполкома. С 1925 г. на государственной и партийной работе, нарком оборонной промышленности СССР. С 1924 г. член ЦК партии.
23. Межлаук В.И. (1893–1938), член партии с 1917 г. С 1920 г. комиссаряда железных дорог, на государственной работе, зам. Председателя Совнаркома СССР. С 1927 г. кандидат в члены ЦК. С 1934 г. член ЦК ВКП(б).
24. Рудзутак Я.Э. (1887–1938), член партии с 1905 г. С 1917 г. председатель Московского совнархоза. С 1920 г. председатель ЦК железнодорожных рабочих, одновременно генеральный секретарь ВЦСПС, затем председатель Средазбюро ЦК РКП(б). С 1923 г. секретарь ЦК РКП(б). В 1924–1930 гг. нарком путей сообщения СССР. С 1926 г. зам. Председателя Совнаркома и Совета Труда и Оборона СССР, одновременно с 1931 г. председатель ЦК ВКП(б) и нарком Рабоче-Крестьянской инспекции. В 1923–1926 гг. и с 1934 г. кандидат в члены Политбюро ЦК. В 1926–1932 гг. член Политбюро ЦК. Незаконно репрессирован.
25. Комаров Н.П. (Собинов Ф.Е.) (1886–1937), член партии с 1909 г. В 1917 г. член Петроградского комитета РСДРП(б). В 1925 г. секретарь Северо-Западного бюро ЦК РКП(б). В 1926–1929 гг. председатель Ленинградского городского и губернского исполкомов. С 1931 г. нарком коммунального хозяйства РСФСР. Член ЦК партии в 1921, 1923–1930 гг. Кандидат в члены ЦК в 1922–1923 гг.
26. Заковский Л.М., в 1937 г. нач. УНКВД Ленинградской области.
27. Чудов М.С. (1893–1937), член партии с 1913 г. В 1928–1936 гг. второй секретарь Ленинградского обкома партии. Член ЦК ВКП(б) с 1925 г.
28. Угаров А.И. (1900–1939), член партии с 1918 г. В 1934–1938 гг. секретарь Ленинградского горкома ВКП(б), с 1938 г. первый секретарь МК и МГК ВКП(б). Кандидат в члены ЦК ВКП(б).
29. Смородин П.И. (1897–1939), член партии с 1917 г. В 1921–1924 гг. первый секретарь ЦК РКСМ. В 1928–1936 гг. на партийной работе в Ленинграде. С 1937 г. секретарь Сталинградского обкома ВКП(б). С 1930 г. кандидат в члены ЦК.
30. Позерн Б.П. (1882–1939), член партии с 1902 г. В 1917–1918 гг. комиссар Северного фронта, затем на командно-политических должностях в Красной Армии. С

- 1921 г. на хозяйственной и партийной работе. В 1937–1938 гг. прокурор Ленинградской области. С 1930 г. кандидат в члены ЦК ВКП(б).
31. Шапошникова Л.К. (1895–1942), член партии с 1917 г. С 1934 г. член бюро Ленинградского горкома партии.
  32. Кабаков И.Д. (1891–1937), член партии с 1914 г. До 1934 г. первый секретарь Свердловского обкома партии. Член ЦК ВКП(б) с 1925 г.
  33. Косиор С.В. (1889–1939), член партии с 1907 г. В октябре 1917 г. комиссар Петроградского ВРК. Один из организаторов КП(б) Украины. В 1919–1920 гг. секретарь ЦК КП(б) Украины. С 1922 г. секретарь Сиббюро ЦК РКП(б). С 1926 г. секретарь ЦК ВКП(б). С 1928 г. генеральный секретарь ЦК КП(б) Украины. С 1938 г. зам. Председателя Совнаркома СССР, председатель Комиссии советского контроля. С 1924 г. член ЦК РКП(б). С 1927 г. кандидат, а с 1930 г. член Политбюро ЦК ВКП(б).
  34. Чубарь В.Я. (1891–1939), член партии с 1907 г. В 1918–1923 гг. член Президиума ВСНХ. С 1920 г. зам. Председателя, затем Председатель Совнаркома Украины. С 1934 г. зам. Председателя Совнаркома и Совета Труда и Оборона СССР. С 1937 г. нарком финансов СССР. Член ЦК партии с 1921 г. С 1926 г. кандидат, а с 1935 г. член Политбюро ЦК.
  35. Косарев А.В. (1903–1939), член партии с 1919 г. С 1926 г. секретарь МК ВЛКСМ. С 1927 г. секретарь, а с 1929 г. генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ. С 1934 г. член ЦК и Оргбюро ЦК ВКП(б).
  36. На Пленуме ЦК ВКП(б), состоявшемся 14 января 1938 г., по докладу Г.М. Маленкова было принято постановление «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков».
  37. Родос Б.В. (1905–1956), бывший зам. нач. следственной части по особо важным делам НКВД-НКГБ СССР, полковник. Лично принимал участие в фальсификации следственных дел. В 1956 г. приговорен к расстрелу военной коллегией Верховного суда СССР.
  38. Имеется в виду милитаристский агрессивный блок Германии, Италии и Японии, сформировавшийся в 1936–1937 гг.
  39. Маленков Р.М. (1902–1988), состоял в партии с 1920 г. В 1939–1946 гг. и в 1948–1953 гг. секретарь ЦК ВКП(б) (КПСС). В 1953–1955 гг. Председатель Совета Министров СССР. В 1955–1957 гг. зам. Председателя Совета Министров СССР, министр электростанций СССР. С 1957 г. директор Усть-Каменогорской электростанции. В 1941–1946 гг. кандидат в члены Политбюро, в 1946–1952 гг. член Политбюро ЦК. В 1952–1957 гг. член Президиума ЦК КПСС. В 1957 г. за антипартийную деятельность выведен из состава ЦК КПСС. В 1961 г. исключен из партии.
  40. Рокоссовский К.К. (1896–1968), член партии с 1919 г. Маршал Советского Союза (1944 г.). Перед Великой Отечественной войной был незаконно репрессирован, реабилитирован в 1941 г. В годы Великой Отечественной войны командовал рядом

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

- фронтов. После войны главнокомандующий Северной группой войск. С 1949 г. министр национальной обороны и зам. Председателя Совета Министров ПНР, Маршал Польши. С 1956 г. зам. министра обороны СССР, затем на других высших командных должностях. Кандидат в члены ЦК КПСС в 1961–1968 гг.
41. Горбатов А.В. (1891–1973), член партии с 1919 г. Генерал армии (1955 г.). Участник 1-й мировой, гражданской и Великой Отечественной войн. Перед войной был незаконно репрессирован. В период войны занимал ряд командных должностей. После войны командовал Воздушно-десантными войсками, войсками Прибалтийского военного округа. Кандидат в члены ЦК КПСС в 1952–1961 гг.
42. Мерещков К.А. (1897–1968), член партии с 1917 г. Маршал Советского Союза (1944 г.). С 1937 г. зам. начальника Генштаба, с сентября 1938 г. командовал войсками Приволжского, затем Ленинградского военных округов. С 1940 г. начальник Генштаба, с 1941 г. зам. наркома обороны СССР. Перед войной был незаконно репрессирован. В Великую Отечественную войну командовал армиями, рядом фронтов. После войны командовал войсками ряда военных округов. Кандидат в члены ЦК партии в 1939–1956 гг., член ЦК КПСС в 1956–1961 гг.
43. Подлас К.П. (1893–1942), член партии с 1918 г. Генерал-лейтенант (1941 г.). Участник 1-й мировой, гражданской войн. Был незаконно репрессирован. В Великую Отечественную войну командовал армиями. Погиб в бою.
44. Баграмян И.Х. (1897–1982), член партии с 1941 г. Маршал Советского Союза (1955 г.). В Великую Отечественную войну зам. нач., нач. штаба Юго-Западного фронта, Юго-Западного направления, командующий армией, с 1943 г. командовал рядом фронтов. После войны — командующий войсками Прибалтийского военного округа, зам. министра обороны СССР. Член ЦК КПСС в 1961–1982 гг.
45. Василевский А.М. (1895–1977), член партии с 1938 г. Маршал Советского Союза (1943 г.). Участник 1-й мировой и гражданской войн. С августа 1941 г. зам. нач., нач. Генштаба и зам. наркома обороны СССР. В 1942–1944 гг. координировал действия ряда фронтов. С февраля 1945 г. командовал 3-м Белорусским фронтом, с июля 1945 г. главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке. После войны нач. Генштаба, зам., первый зам. министра, министр Вооруженных Сил, первый зам. министра обороны СССР. Член ЦК КПСС в 1952–1961 гг.
46. Микоян А.И. (1895–1978) — член партии с 1915 г. В 1920–1926 гг. секретарь Нижегородского губкома партии, Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б), Северо-Кавказского крайкома партии. В 1926–1946 гг. нарком внешней и внутренней торговли и ряда других наркоматов. С 1937 г. зам. Председателя Совнаркома СССР. В 1941–1946 гг. член Бюро Совнаркома СССР. В 1942–1945 гг. член Государственного Комитета Обороны. В 1946–1964 гг. зам., первый зам. Председателя Совета Министров СССР. В 1964–1965 гг. Председатель Президиума Верховного Совета СССР. В 1965–1974 гг. член Президиума Верховного Совета СССР. Член ЦК партии в 1923–1976 гг. С 1926 г. кандидат, а в 1935–1966 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК партии.

47. Жуков Г.К. (1896–1974), член партии с 1919 г. Маршал Советского Союза (1943 г.). Участник 1-й мировой и гражданской войн. В январе–июле 1941 г. нач. Генштаба — зам. наркома обороны СССР. С начала Великой Отечественной войны — член Ставки Верховного Главнокомандования, затем командующий Резервным и Ленинградским фронтами и главнокомандующий Западным направлением. Командовал Западным фронтом при обороне Москвы. С августа 1942 г. первый зам. наркома обороны и зам. Верховного Главнокомандующего. Координировал действия фронтов под Сталинградом, по прорыву блокады Ленинграда, в битвах под Курском и за Днепр. В 1944–1945 гг. командовал 1-м Украинским фронтом, координировал действия 1-го и 2-го Белорусского фронтов, командовал 1-м Белорусским фронтом. После войны занимал ряд высших государственных и командных постов. В 1955–1957 гг. министр обороны СССР. Кандидат в члены ЦК партии в 1941–1946 и 1952–1953 гг. Член ЦК КПСС в 1953–1957 гг. Кандидат в члены и член Президиума ЦК КПСС в 1956–1957 гг.
48. Поскребышев А.Н. (1891–1965), член партии с 1917 г. После Октябрьской революции на советской и партийной работе. С 1922 г. работал в ЦК партии инструктором по учету, зам. управляющего делами, помощником секретаря ЦК. В 1928–1953 гг. зав. особым сектором Секретариата ЦК, секретным отделом и особым сектором ЦК партии. В 1952–1954 гг. секретарь Президиума и Бюро Президиума ЦК КПСС. В 1934–1939 гг. кандидат в члены ЦК ВКП(б). В 1939–1954 гг. член ЦК партии.
49. О так называемом «ленинградском деле» см. «Известия ЦК КПСС», 1989, № 2, сс. 124–137.
50. Абакумов В.С. (1908–1954), состоял в партии с 1930 г. В органах госбезопасности с 1932 г. В 1946–1951 гг. министр государственной безопасности СССР. В июне 1951 г. исключен из партии. В декабре 1954 г. приговорен к расстрелу.
51. Речь идет о постановлениях ЦК ВКП(б) от 9 ноября 1951 г. и 27 марта 1952 г. о якобы вскрытой в Грузии мингрельской националистической организации, возглавляемой секретарем ЦК КП(б) Грузии М. Барамия. 10 апреля 1953 г. эти решения были отменены постановлением ЦК КПСС «О нарушениях советских законов бывшими Министерством государственной безопасности СССР и Грузинской ССР».
52. Имеется в виду июльский (1955 г.) Пленум ЦК КПСС, на котором был заслушан и одобрен доклад Н.С. Хрущева об итогах советско-югославских переговоров.
53. Тито Иосип Броз (1892–1980) — деятель югославского и международного коммунистического и рабочего движения. С 1940 г. Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Югославии, с 1952 г. Генеральный секретарь Союза коммунистов Югославии, с 1966 г. председатель СКЮ. С 1945 г. глава государства и правительства ФНРЮ (затем СФРЮ).
54. Речь идет о сфабрикованном в 1952–1953 гг. деле по обвинению группы врачей в проведении шпионской и террористической деятельности. Постановлением Пре-

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

- зидиума ЦК КПСС от 3 апреля 1953 г. были полностью реабилитированы 37 врачей и членов их семей, арестованных по так называемому «делу о врачах-вредителях».
55. Игнатьев С.Д. (1904–1983), член партии с 1926 г. В 1951–1953 гг. министр государственной безопасности СССР. В 1953–1957 гг. — первый секретарь Башкирского, а в 1957–1960 гг. Татарского обкомов КПСС, в 1952–1953 гг. — секретарь ЦК КПСС.
  56. Каминский Г.Н. (1895–1938), член партии с 1913 г. В 1920 г. секретарь ЦК КП(б) Азербайджана, затем на хозяйственной и советской работе. С 1930 г. секретарь МК ВКП(б). С 1932 г. председатель Мособлисполкома. С 1934 г. нарком здравоохранения. Кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1925–1927 гг. и с 1934 г.
  57. Мусаватисты — члены азербайджанской буржуазной националистической партии «Мусават» («равенство»). Существовала с 1911 г. После Октябрьской революции выступила инициатором провозглашения Азербайджанской буржуазной республики (1918–1920 гг.).
  58. Снегов А.В. (род. 1898), член партии с 1917 г. С 1931 г. член бюро Закавказского крайкома ВКП(б), затем на советской и партийной работе в Сибири, на Украине, Куйбышеве, Мурманске. Незаконно репрессирован в 1938 г. Реабилитирован в 1954 г.
  59. Картвелишвили Л.И. (Лаврентьев) (1890–1938), член партии с 1910 г. С 1923 г. секретарь ЦК КП(б) Грузии, второй секретарь Закавказского крайкома партии, председатель Совнаркома Грузии. С 1929 г. — нач. политуправления Украинского военного округа, второй секретарь ЦК КП(б) Украины. С 1931 г. секретарь Закавказского, Западно-Сибирского, Дальневосточного крайкомов, Крымского обкома ВКП(б). В 1930–1934 гг. кандидат, с 1934 г. член ЦК ВКП(б).
  60. Орджоникидзе Г.К. (Серго) (1886–1937), член партии с 1903 г. С 1920 г. — председатель Кавбюро ЦК РКП(б), первый секретарь Заккрайкома партии, Северо-Кавказского крайкома партии. С 1926 г. — председатель ЦК КВКП(б), нарком РКИ, зам. Председателя Совнаркома и Совета Труда и Оборона СССР. С 1930 г. председатель ВСНХ, нарком тяжелой промышленности. Член ЦК партии с 1921 г. В 1926–1930 гг. кандидат, а с 1930 г. член Политбюро ЦК ВКП(б).
  61. Кедров И.М. (1908–1940), член ВКП(б), старший лейтенант госбезопасности, сын Кедрова М.С. (см. примечание 63); Голубев В.П. (1913–1940), кандидат в члены ВКП(б), лейтенант госбезопасности. Арестованы в 1939 г., расстреляны 25 января 1940 г. вместе с Н.В. Батуриной.
  62. Андреев А.А. (1895–1971), член партии с 1914 г. С 1920 г. секретарь ВЦСПС, одновременно в 1924–1925 гг. секретарь ЦК РКП(б). С 1927 г. секретарь Северо-кавказского крайкома ВКП(б). С 1930 г. председатель ЦК КВКП(б), нарком РКИ СССР, зам. Председателя Совнаркома СССР. С 1931 г. нарком путей сообщения СССР. С 1935 г. секретарь ЦК ВКП(б). В 1939–1952 гг. председатель КПК при ЦК ВКП(б). С 1946 г. зам. Председателя Совета Министров СССР. Член ЦК пар-

- тии в 1920–1961 гг. Кандидат в члены Политбюро ЦК в 1926–1930 гг. Член Политбюро ЦК ВКП(б) в 1932–1952 гг.
63. Кедров М.С. (1878–1941), член партии с 1901 г. В 1906–1907 гг. руководитель большевистского книжного издательства «Зерно». С ноября 1917 г. член коллегии наркомата по военным делам, комиссар демобилизации старой армии, на командных должностях на Северном фронте. С марта 1919 г. нач. Особого отдела ВЧК, член комиссии НКВД. После гражданской войны работал в ВСНХ, Верховном суде СССР, Госплане РСФСР.
64. Сталинские премии 1-й, 2-й и 3-й степеней присуждались в 1940–1952 гг.
65. Решение о сооружении в Москве Дворца Советов было принято в 1922 г. на I съезде Советов СССР. Перед Великой Отечественной войной начиналось его сооружение.
66. Ворошилов К.Е. (1881–1969), член партии с 1903 г. С 1925 г. нарком по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета СССР. С 1934 г. нарком обороны СССР. С 1940 г. зам. Председателя Совнаркома СССР. В годы Великой Отечественной войны член Государственного Комитета Обороны. С 1946 г. зам. Председателя Совета Министров СССР. В 1953–1960 гг. Председатель Президиума Верховного Совета СССР. Член ЦК партии в 1921–1961 гг. и 1966–1969 гг. Член Политбюро (Президиума) ЦК в 1926–1960 гг.

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

Составитель М. Барбакадзе

Подписано в печать 28.11.2007

Печать офсетная

Тираж 800 экз.

Фонд «Либеральная миссия»
101990, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел.: (495) 621 33 13, 623 40 56
Факс: (495) 623 28 58